

У Р А Л Ь С К И Й
№ 1, 2007
Следопыт

**январь
2007**

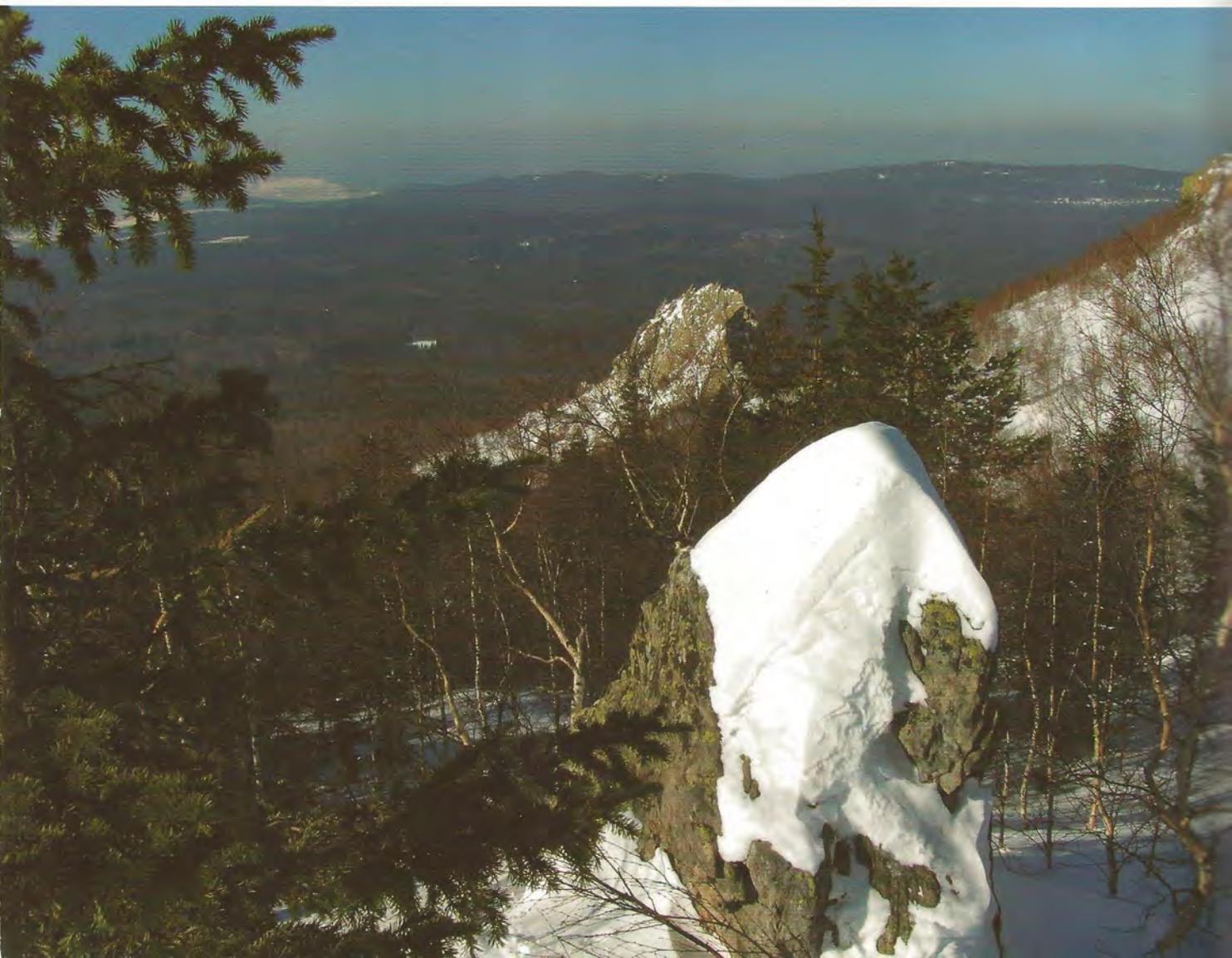
*75 лет
уральской науке*

Евгений САВЕНКО,
фото автора

Советы фотографам

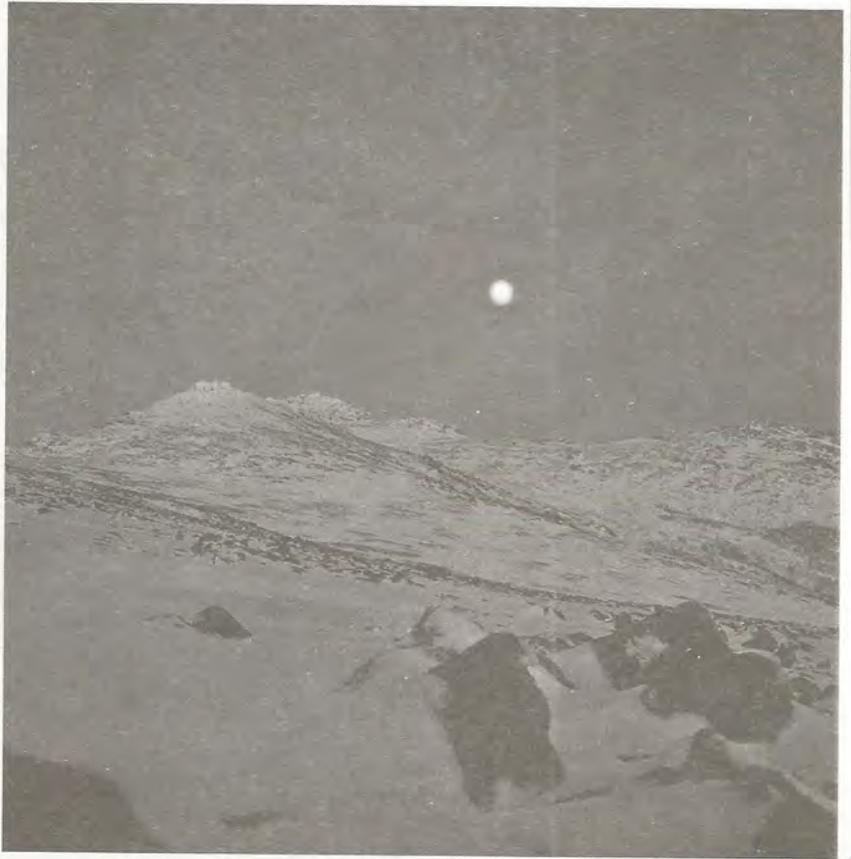
Фотография в наши дни становится все более популярной и доступной для большинства людей, желающих запечатлеть различные события, мероприятия, в том числе и туристические поездки.

Память человека избирательна и не всегда долговечна. Фотографии помогают надолго запомнить не только наиболее интересные места и события, но и детали, подробности, которые забываются через определенное время.

Чем же лучше снимать? Все зависит от того, для кого и для чего вы снимаете. В принципе, снимать можно любой аппаратурой, но лучше всего надежной, с качественной оптикой. Сейчас снимают и цифровой аппаратурой, и пленочной классической. Кстати, старые «Зениты», «ФЭДы» и «Смены», заряженные современной пленкой, дают гораздо лучшие по качеству снимки, чем дешевые «мыльницы».

Если вы снимаете простой камерой, без автоматики, то для получения хороших снимков нужно правильно выбрать экспозицию (выдержка — диафрагма), композицию (размещение объектов съемки в кадре) и закрепить это хорошей резкостью. А резкость зависит не только от качества оптики и пленки, но и от твердости руки. При слабом освещении может помочь высокая чувствительность пленки либо штатив,

который, кстати, очень желателен при съемке пейзажа.

Для более-менее правильной установки экспозиции, если у вас нет экспонометра, при дневной съемке можно пользоваться известным тестом для запоминания: при ярком дневном солнце при диафрагме 16 выдержка равна чувствительности пленки.

При съемке против солнца удлините выдержку на одно-два деления, в тени — на два-три.

Для тех, кто не очень хорошо знаком с теорией и практикой фотографии, поясню: выдержка измеряется в сотых долях секунды, поэтому $1/100$ короче $1/25$, а диафрагма — это относительное отверстие, и значение 16 меньше, чем 8.

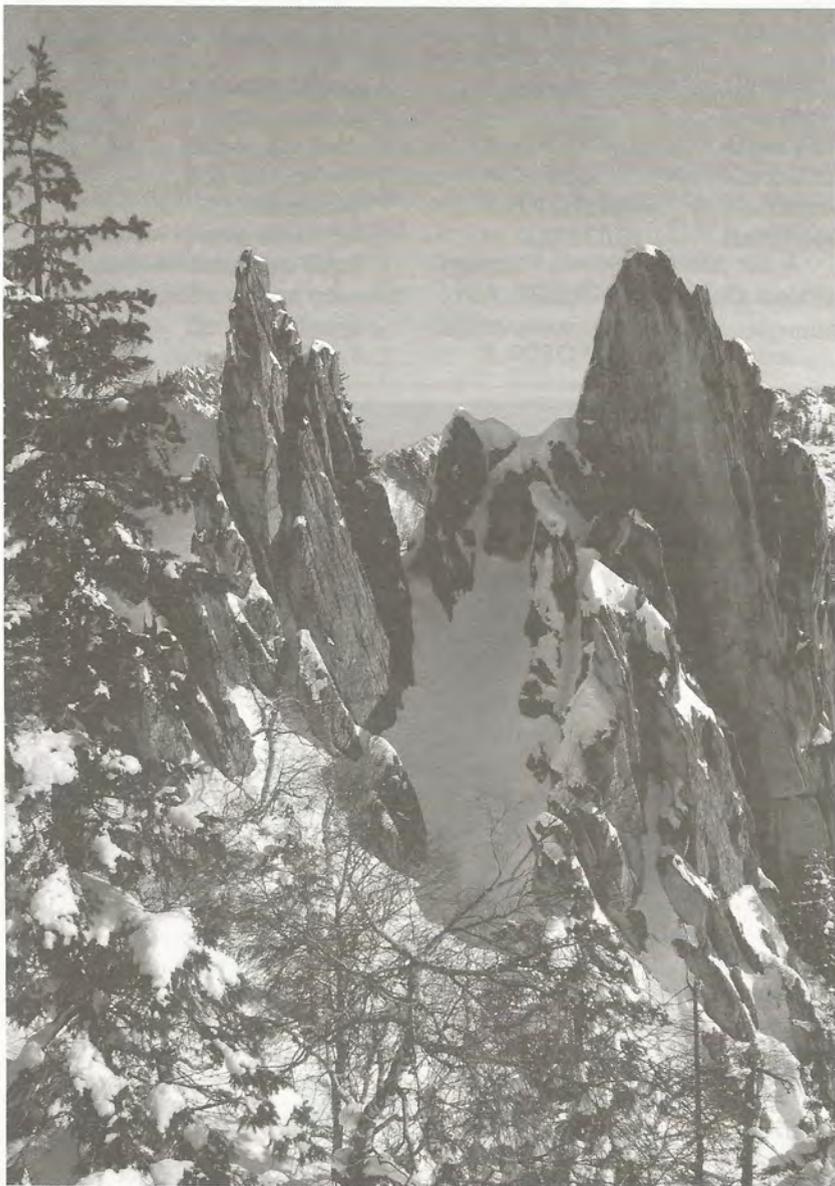
Соотношение выдержки и диафрагмы определяет экспозицию, которая в целом обеспечивает нужное количество света, попадающего на пленку. Это соотношение может состоять из равных между собой сочетаний, например, $1/30-16=1/60-11=1/125-8$ и

т.д. Какое из них выбрать? К примеру, вы снимаете движущуюся моторку. Вам, чтобы она не смазалась, нужна короткая выдержка, значит, вы берете $1/125-8$, а если вы тут же снимаете пейзаж и нужен резкий передний план, устанавливаете маленькую диа-

фрагму — 16, то есть соотношение $1/30-16$.

И учтите, что примерно с 12 до 15 часов дня солнце дает очень резкие тени и ультрафиолетовую синь в тенях. А вообще снимайте и в дождь, и в снег, и по солнцу, и против солнца, и у костра, и сам

костер. Не бойтесь экспериментировать и не жалейте пленки.

Многие фотографы-любители снимают только днем, думая, что рано утром или поздно вечером, а тем более ночью у них ничего не получится. И напрасно. Хотя для этого желательно иметь штатив-треногу или карманный штатив-струбцину, тросик спуска затвора и экспонометр. Если всего этого нет, то хотя бы тросик. Если нет штатива, то можно сделать самодельную треногу из связанных сверху трех палок, на которые сверху можно положить мешок с крупой или речным песком, а также использовать камень, спиленное бревно и другие жесткие опоры.

Обязательно запишите условия фотосъемки: время суток, состояние неба и объекта съемки, выдержку, диафрагму и т.д. Уверю вас, если вы получите хотя бы 2 – 3 удачных снимка, вы запомните это надолго, у вас появится уверенность, и не исключено, что в следующий раз вы захватите с собой и штатив, и экспонометр.

Теперь несколько советов по защите аппаратуры. Хранить ее необходимо в отдельной сумке – кофре, который на стоянках желательно укладывать в хороший полиэтиленовый пакет или в сплавной мешок. Это защитит аппаратуру ночью, когда увеличивается влажность и снижается температура даже в палатке, тем

более весной и осенью, когда велика вероятность запотевания оптики. Если оптика запотеет, вы пропустите и утренний туман, и восход солнца. А это обидно. Зимой аппаратуру лучше постоянно держать под одеждой, как и выносной блок питания, если он

есть у вашего аппарата. Хотя при выносном блоке питания, который можно сделать самому, хорошая аппаратура работает и на морозе.

А вот для получения хороших отпечатков — особый совет: договоритесь с лабораторией, чтобы

фотографии печатали в вашем присутствии. Тогда вы сможете сразу исправить то, что вам не нравится, и добиться приличных результатов.

В дальнейшем можно поговорить и о других особенностях фотосъемки.

АВТОР

Евгений Викторович Савенко родился в 1940 г. в г. Пласт Челябинской области. После окончания Челябинского машиностроительного техникума работал на Уралмашзаводе, учился в Свердловском горном и Челябинском политехническом институтах, трудился в Денежкинской геологоразведочной партии, более четверти века проектировал авторемонтные и автотранспортные предприятия Урала. До 1992 г. работал главным инженером проектов в институте «Гипроавтотранс». Затем — на творческой работе.

Е. В. Савенко принимал участие в выпуске более 200 книг, альбомов, календарей, буклетов и плакатов, выполнил цикл работ для центральных и местных журналов, участвовал в выставках, подготовке компакт-дисков по истории и культуре региона. По рейтингу газеты «Деловой экспресс» он вошел в десятку «Самые знаменитые екатеринбургские фотографы».

Е. В. Савенко — член Союза фотохудожников России, действительный член Всесоюзного минералогического и Российского географического обществ, член наблюдательного совета журнала «Уральский следопыт». Лауреат премии губернатора Свердловской области за выдающиеся достижения в области литературы и искусства 2001 г. за художественный фотоальбом «Чусовая».

январь 2007

Валерий ЛЕНДЕНЕВ

После долгих путешествий по сибирским окраинам Яков Линденау поселился под Иркутском, в скромной избе на берегу Ангары, близ устья ручья Оса

РЕКА ВРЕМЕНИ

<u>День Победы</u>	
И. ГЛАДКОВА	Ордена из кованого сундука..... 16
<u>Портреты</u>	
Э. МОЛЧАНОВ	Говорящие головы отца Герасима..... 17
<u>Тропой поиска</u>	
Ю. ГОРБУНОВ	Писательницы России 21
<u>Легенды и были</u>	
Ю. ИВАНОВ	Сугомак и Егоза 50
<u>Конкурс</u>	
Е. АЛЕКСЕЕВ	Каким быть монументу «Наука»..... 52
<u>Родословная</u>	
В. ЛЕНДЕНЕВ	Ленденев — Линденау: загадка фамилии.... 58
<u>Краеведческая копилка</u>	
Р. КАШИН	Кылоусовы на Черемшанке..... 76
В. ИЩЕНКО	Первый русский марганец..... 80

Николай МЕДВЕДЕВ

Матросы добычи занимались своим делом... Все шло своим чередом.

Недавняя трагедия, когда волной смыло за борт одного из добытчиков, уже отдалилась. Да и кто будет вечно скорбеть?

АЭЛИТА

<u>Современная проза</u>	
В. КАСАТСКИЙ	Пацанва.....6
	Снегурок7
	Окно в Европу8
В. КОСТЮКОВ	Катя.....62
А. ЗУБОВ	Рождество69
Т. ГОГОЛЕВИЧ	Швартовка77
Н. МЕДВЕДЕВ	
<u>Сказка</u>	
А. КОШКИН	Сказка Трунеля 30
<u>Современная поэзия</u>	
В. ГОВОРКОВ	Стихи 54

Леонид БУКРИН

На пятый день похода мы катились по склону...

Спуск был, как по стиральной доске... Вдруг слышу, левая лыжа хрустнула...

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

<u>Фотосоветы бывалого</u>	
Е. САВЕНКО	Советы фотографам 1
<u>Заповедные земли</u>	
М. ЖДАНОВ	Самая глухая, самая маленькая, самая чистая Утка 22
<u>Дети в походе</u>	
А. ВРАДИЙ	Неизвестная катастрофа..... 27
<u>Путешествие</u>	
Л. БУКРИН	Полярный Урал 65
<u>Уфология</u>	
М. ШИШКИН	Контакты третьего рода на Урале..... 73

Главный редактор – Максим Фирсов.
Редакторы разделов – Юний Горбунов, Елена Минакова, Евгений Русяев. **Худ. редактор, верстка** – Юлия Ульянова.
Художник – Ирина Овсянникова. **Набор** – Валентина Кадочникова.
Корректор – Татьяна Сергеевко. **1-я пол. обложки** – проект монумента «Наука» авт. В. и М. Казанцевы.
Интернет-версия – Валерий Сычкин.
Учредитель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».
Издатель – ООО «Уральский следопыт».
Редакционный совет – Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Станислав Мешавкин.
Наблюдательный совет – Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»; Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России; Семен Спектор, заслуженный врач России.
 Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке **Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям** при поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области.**

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».
Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург, ул. Декабристов, 67.
Тел. редакции: (343) 257-45-01, 257-36-62.
E-mail: info@uralstalker.ru www.uralstalker.ru
Регистрационное свидетельство № 441, выдано 13.12.90 г. Министерством печати и массовой информации РСФСР.
 ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD). Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.
По вопросам приобретения журнала обращаться по тел. (343) 257-36-62. Вы также можете оформить подписку через агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА-2003», агентство «Урал-Пресс», Почта России
 Подписано к печати 28.12.2006 года. Формат бумаги: 84x108/16. Усл. печ. л. 9,66. Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в типографии ООО ПТЦ «ЯСА», г. Краснотурьинск, ул. Чкалова, 4. Заказ № 367

Пацанва

Мальчишки бегали по крышам гаражей, выстроенных в один ряд и видимых мне из окна пятого этажа. Двухдневный снегопад укутал их толстым слоем снега. Они кое-где стояли не вплитирку, а с полуметровыми промежутками, но свирепый ветер соединил снежный покров гаражей в сплошное поле. Я неодобрительно наблюдал за беготней по крышам и высматривал, не присоединился ли мой сын к этой компании вопреки моим наставлениям. А они были обоснованны. За год до этого девочка из начальной школы (а ее-то как туда занесло?) бегала летом поверху и схватилась за токонесущий провод около загнутой железной трубы, торчавшей над гаражом. Что уж там она замкнула на себя, не знаю. Похоронили.

По яркой пестроцветной куртке я узнал одного из пацанов с нашего двора. Когда мы были с ним моложе на два года, я проходил по улице между высоких деревьев и увидел его, забравшегося на могучие сучья достаточно высоко, чтобы можно было, упав, сломить шею. С земли, запрокинув голову, с ним, сидевшим на ветках, перекликалась девчонка. Он бы и без зрителей залез, но при ней надо было не просто залезть, а как можно выше, выше других, тоже карабкавшихся по дереву. Я узнал в нем себя. Не мало лазато (или как надо сказать, не вступая в противоречие с грамматикой?). И на деревья, и на колокольню полуразрушенной церкви. Он опасливо смотрел не на верхние сучья, а на меня. Наверно, ждет, что прикрикну на него и велю слезть. Как бы не так! От меня ты этого не дождешься.

— А я в твоём возрасте выше залезал.

Мои слова озадачили его, но он тут же услышал другие.

— А ну слезай немедленно! — это исходило от проходившей мимо тетки в длиннополой шубе, придававшей женщине тумбистый вид. Так одевались в старину боярыни, а нынче — предпенсионного возраста чиновницы, которых в советское время называли мелкими служащими. Паренек неохотно спустился на один сук ниже. Мне была неприятна эта дама. Куда бы деться от таких! Она — мой идейный враг в воспитании детей. Но куда денешься, если в школах преподают женщины, а мужчин раз-два и обчелся.

Вдруг мои глаза чуть не выпрыгнули из орбит. Парень с крыши гаража исчез. Снежный мостик полуметровой толщины обвалился, пацан ухнул вниз в щель между гаражами, а вся масса снежного козырька рухнула на него. Я кинулся на выход, не успев снять домашние тапочки. Как я прыгал по лестничным маршам и как обогнул торец здания, сколько минут это заняло — не знаю. Подбежав к промежутку между гаражей, в котором исчез мальчишка, я еще не имел плана, что буду предпринимать. Сам я туда не влезу, габариты мои уже не для такой щели. А звать кого? Звонить по 01, 02 или по 03? Пока позвоню да пока приедут, поздно будет. Среди города сейчас погибнет человек. Не в горах, не турист, не альпинист. Погибших под снежными лавинами мне довелось выкапывать немало. И в горах Кольского полуострова, и на Памире.

— Эй! — крикнул я. Ответа не было.

— Эй! — снова повторил. Застонав от бессилия что-то предпринять, я сделал несколько гребков руками, отшвыривая снег, закупоривший расселину. Из снежного сугроба, накрывшего мальчишку, послышалось какое-то всхлипывание, сопение, барахтанье, потом он «вольным стилем» выплыл ко мне. Когда я смог дотянуться до его руки и выволок его из ущелья, лицо его было мокро от тающего на нем снега. Но хочется думать, что это были не слезы. Щелкануть бы его самым непедagogичным образом по глупой башке, чтобы поскорей поумнел!

— Жив?

Он согласно мотнул головой и соскребал снег с ошалелых глаз. Я помог ему выпростаться из сугроба, выгреб из-за его ворота горсть снега. Я узнал его по шраму ожога на подбородке. Это он сидел два года назад на дереве, и еще это был мой «футболист». Однажды я посетил по делам школу и уже спускался к выходу. В вестибюле у двери что-то происходило. А

Автор

Касатский Вадим Викторович — фронтовик, майор в отставке, дипломированный врач. Дважды уходил добровольцем на фронт. Служил вольнонаемным врачом в колымских лагерях. Был осужден на семь лет строго режима за антисоветскую деятельность. Покорял горные вершины. А еще он пишет стихи и прозу. Живет в поселке Рефтинском на Урале.

что — я понял тогда, когда в меня ударились кедина. Ребята пинали чью-то кедину. Возмутиться? Но я не та баба в шубе. И не в нос же мне залепили. Мгновенно я дал пас отскочившей от меня кединой. Пас был принят, я пнул еще два раза, обрадовано включившись в игру. И шагнул к выходу, провожаемый обалдевшими взглядами ребят. Но одного я заметил и запомнил. Лицо его было изуродовано шрамом давнего ожога.

Знаете, суетится мать у плиты, тут же вертится ребенок. Задели за торчащую ручку сковороды или кастрюли, и шипящее горячее варево опрокинулось на ребенка или на ноги хозяйке. Видал и таких. Поэтому самым строгим и категоричным требованием моим бывает распоряжение: никогда ручка посуды не должна торчать, отворачивайте ее к стенке.

Это был тот, с ожогом.

— Жив? — уже обрадовано решил я еще раз удостовериться: — Испугался?

— Не-е... — протянул он, размазывая соплю. Зачем унижать будущего мужчину таким вопросом, — спохватился я. Все равно не сознается.

— А вы маме не скажете? — последовал вопрос, прозвучавший как просьба. Как будто я мог быть знаком с его родителями, только что переехавшими в наш вертикальный барак из последнего в городе горизонтального небоскреба.

Пацанва, его ровесники, обступили его, шмыгавшего носом и побывавшего в переделке (последняя ли?). Мог быть и плохой конец, а случилось это перед самым Новым годом.

Конечно, мне и в голову не пришло бы явиться к его родителям и «стучать».

С парнем, взрослеющем год от года, мы друзья, хотя я о нем больше ничего не знаю, кроме того, что рассказано. Иногда мы встречаемся с ним на улице и с обоюдной улыбкой здороваемся. А рассказал ли он что-то своим родителям, мне неизвестно.

Снегурок

С караваем хлеба я вышел из магазина снова в непроглядный снегопад. Пушистый и чистый снег падал густо, и было как-то празднично. Может быть, оттого, что Новый год «на носу», завтра.

В сугробе свежайшего, еще не успевшего слежаться, снега, укрывшего снег старый, истоптанный, пурхался ребенок возраста детсадовского. Он был одет добротнo, и ему нравилось, как и мне в его возрасте, барахтаться в сугробе. Увидев меня, он воскликнул:

— О, Дед Мороз!..

За мою бороду меня в этом часто подозревают, особенно в новогодние дни, и я привык.

— А ты Снегурка? — мгновенно ответил я вопросом, еще не разобрав, кто передо мной, настолько ребенок был залеплен снегом.

— Я не Снегурка, я — мальчик, — возразил он, утверждая свою половую принадлежность, а говоря языком психологической науки, свою идентичность и гендерный шовинизм... Ну конечно же, только мальчик мог вести себя так, сообразил я.

— Я понял, ты — Снегурок.

Он приостановил свое барахтанье в снегу, раскрыл рот, осмысливая новое, созданное мной слово. Женщина, ушедшая шагов на десять вперед, позвала:

— Саня! Пойдем же!

— Мама, я — Снегурок, да? — выбравшись из сугроба, спросил он.

— Да, да, — покорно отозвалась она.

— Нет сладу, — сдержанно пожаловалась мать, за рукав которой уже уцепился мальчик Снегурок. Одной рукой она обхлопывала его от снега. Другой держала, — конечно же, — набитую чем-то пластиковую сумку. Сумки эти, пакеты являются столь же неременной принадлежностью наших женщин, что если потомство вздумает скульптурно запечатлеть их, то в руке женской фигуры скульптор обязательно изобразит набитую сумку, иначе было бы неправдиво.

И такая усталая обреченность была во взоре ее, что я понял: она одна из тех, у кого нет мужа, а у ребенка — отца. Женщина и в зимнем одеянии заставила меня подумать: ничего, ладная. В другой обстановке я мог бы спросить, почему у них не сложилось, но не здесь же. В этой ее обреченности была такая предназначенность, звучавшая и в тоне ее голоса, что не возникло во мне ненужного, бесполезного сочувствия к ней, а скорее шевельнулась жалость к гуляющему где-то отцу этого Снегурка. Кошка предпочитает гулять сама по себе, а разве можно жить неизвестно где и быть счастливым, не видя, как дурачится в сугробе Снегурок? Сотню шагов я шел вместе с этой неполной семьей.

— Ну, до свидания, Снегурок! — произнес я, опережая их. И виновато подумал, будет ли свидание? Потом я оглянулся. Он ковылял по рыхлому снегу еще не растоптанной тропинки, взмахнул приветственно рукой.

Валерий КОСТЮКОВ

Блат в Европу

Нет нужды долго рассказывать о том, как в советской стране легкая промышленность обеспечивала население товарами народного потребления.

Выпускалось количество обуви и одежды достаточное для того, чтобы одеть и обуть людей, живущих на одной шестой части суши. Вот только люди эти в своем большинстве не хотели обуваться и одеваться в это «количество», потому что оно, это «количество», не имело даже отдаленных признаков одного очень желаемого показателя – качества. Точнее, сделано-то было все добротное, но вот только с понятием мода это все не соприкасалось никак. Десятки миллионов пар обуви лежали на прилавках, тщетно ожидая покупателей. Если человек, которому небезразлично то, как он выглядит, хотел купить туфли, ботинки или сапоги, то он шел куда угодно, только не в обувной магазин, мало того, ему даже в голову не могло прийти купить обувь в обувном магазине.

Имеющие «блат», то есть знакомых в совторговле, звонили, договаривались, сразу, если повезло, или позже получали желаемые «шузы», причем, рассчитываясь, в подавляющем большинстве случаев платили ровно столько, сколько вещь стоила. Со знакомых «сверху» не брали, в качестве дополнительного вознаграждения была либо коробка конфет (тоже дефицит), либо аналогичная услуга: возможность

купить билеты на самолет, поезд, в театр музыкальной комедии, а также мясо, рыбу, нижнее белье, при виде которого у любимого не исчезнет потенция и так далее и тому подобное. Этот список можно продолжать до бесконечности, так как дефицитом в советской стране было все, что имело хоть какой-нибудь спрос, а говоря проще, все, что было нужно людям для жизни.

Но «блат» имел не каждый, а красиво одеваться хотели все, или почти все. Для той категории уральцев, которые не могли похвастаться тем, что имеют среди своих знакомых «торгашей», все-таки было место, где они могли приобрести зарубежного производства, а следовательно, модные вещи, или «фирму», как говорили тогда, причем ударение ставилось на последнем слоге.

В пятнадцати минутах езды от Свердловска на электричке, около поселка Шувакиш, властями была выделена и заасфальтирована площадка, несколько квадратных километров которой были обнесены забором. Там в воскресенье работал вещевого рынка. Первоначальное народное название «толкучка» быстро преобразовалось в «Тучу», и трудно сказать, было ли слово «Свердловск» более весомым и авторитетным, чем «Туча».

Торговали на Туче только фирмой.

В воскресенье электропоезда, идущие в направлении Шувакиша, напоминали фильмы, рассказы-важущие о временах гражданской войны. Вагоны забивались до отказа, причем посадка велась как через двери, так и через окна: кто-то самый ловкий и сильный из компании прорывался в вагон, открывал окно и втаскивал остальных. На поручнях во время движения висело то количество пассажиров, которое могло уцепиться за них.

И вот такое интересное наблюдение: при полном столпотворении не было среди граждан агрессии, как в очереди за мясом, публика вся была как-то расслабленная! Ехали с почти праздничным настроением, продавцы-фарцовщики ехали классно заработать, покупатели – купить фирму. Процентом двадцать из тех сорока-пятидесяти тысяч человек, которые собирались на Туче, ехали просто поглазеть на красивые вещи (кто на дачу, кто в театр, а они – полюбоваться на фирму, это ведь тоже интересно). Многие брали с собой спиртное, какой праздник без выпивки, некоторые начинали пить уже в электричке, и было среди всех что-то объединяющее, как на праздничной первомайской демонстрации. Постоянно звучали шутки, самые удачные из которых сопровождались взрывами хохота сидящих, стоящих, стиснутых пассажиров шувакишской электрички.

Для жителей поселка Туча была просто манной небесной. Они бойко торговали продуктовыми наборами: пара горячих картошек, малосольный огурец и кусочек хлеба стоили рубль, это при том, что килограмм картошки в то время стоил двенадцать копеек. Но от покупателей отбоя не было, особенно когда Туча сворачивалась, для удачливого фарцовщика, который «наварил» несколько сотен рублей за день да нагулял аппетит за несколько часов торговли на свежем воздухе, отдать несколько «рваных» за пару испускающих неповторимый аромат продкомплектов было сушим пустяком.

Электричка, остановившаяся на станции Шувакиш, избавлялась от нескольких тысяч пассажиров и дальше ехала пустая, а возбужденная толпа колонной бодро двигалась к Туче. Заплатив пару рублей за вход, граждане вливались в многотысячный коллектив продавцов и покупателей.

Представьте несколько длинных, по сто метров коридоров, вместо стен у которых стоящие плечом к плечу конвоиры. По этим коридорам медленно движется масса тех, кого они охраняют, только конвоиры все в штатском, и в руках у каждого не оружие, а какая-нибудь вещь: джинсы, куртка, женский сапог и т.п., а те, кто внутри, медленно идущие, внимательно рассматривают то, что им предлагают. Причем некоторые из идущих иногда также держат в руках товар, они тоже фарцуют. Спекулянты здесь ВСЕ, кто продает. Никто за «госцену» продавать импортную вещь не будет, обычный «навар» это сто процентов. Если товар не из соцстраны, а из «кап», какой-нибудь Италии или Австрии, то сверху можно наварить полторы, а то и две цены.

Иногда около Тучи стоит ментовский автобус. ОБХЭСники приехали, чтобы отловить из тридцати тысяч советских спекулянтов человек восемь-десять неудачников. Остальные двадцать девять тысяч девятьсот девяносто два останутся наживать на тех строителях коммунизма, которым небезразлично, как они выглядят на этой стройке. Кстати, для тех, кто не знает, ОБХСС расшифровывалось как «отдел по борьбе с расхитителями социалистической собственности». Так что тридцать тысяч граждан, продающих фирменные вещи на Туче, по мнению сотрудников этой грозной организации, попутно умудрялись что-то там расхищать. Вот ведь проворные какие!

Не миновала чаша сия – прокатиться в таком автобусе – и автора этих строк.

Жена моя работала в филармонии, а работа эта на пятьдесят процентов состояла из гастролей по стране, и раз в несколько лет творческий коллектив отправлялся с концертами за рубеж. Перед зарубежной командировкой артисты «затаривались» пищевыми концентратами: тратить на питание валюту, за которую можно было купить шикарные шмотки, косметику, аппаратуру и многое другое, чем была так богата заграница, и чего не было на территории Отчизны, считалось клиническим идиотизмом.

Был случай, когда до конца зарубежных гастролей народного коллектива оставалось два дня, а продукты кончились, как и валюта, которая была потрачена до последнего «пиастра» на заморские «штучки». Но работа артиста балетной группы требует не только артистизма, но обязательно физических сил: на пустой желудок и сам много не «наскачешь», и партнерш не «потаскаешь». Ребята-танцоры, а речь идет о них, вывернув карманы, собрали всю мелочь, которая осталась, пошли в магазин и купили набор костей для собак. В гостиничном номере заткнули раковину чистым носком, налили воды и при помощи кипятивника сварили бульон, кое-как насытились, кости спрятали, чтобы потом незаметно вынести из номера и выбросить. На следующий день, когда, в соответствии с законами функционирования человеческого организма, им опять захотелось есть, они достали спрятанные кости, которые не успели выбросить, и сварили из них еще один бульон. Советского артиста трудностями не испугаешь!

Зато при такой экономии можно было привезти «фирмы» и для себя и для продажи, потому что зарплата артиста предполагала жизнь по принципу «не до жиру, быть бы живу», и лишние деньги, «наваренные» от продажи заграничных вещей, как раз лишними-то и не были.

Когда мы с моей женой только начали совместное проживание, она как раз вернулась из гастрольной поездки по ФРГ.

Командировка длилась дней десять, но времени на покупки им выделили всего пару часов до отъезда на Родину, причем за час до закрытия магазинов. Артисты, развивая максимально возможную на западногерманских улицах скорость, стараясь не давить

на смерть пешеходов, помчались тратить сэкономленную на желудках валюту. Результатом шопинга моей любимой стало десять пар фирменных джинсов, купленных в магазине детской одежды по какой-то смешной для советских граждан цене.

Реализация дефицита была поручена мне. «Фарцовка» в то время была вполне уважаемым занятием среди населения, и признаться, что я никогда и ничего в своей жизни ни разу не продавал, я просто не мог.

Итак, она уехала на двухнедельные гастроли в соседнюю область, оставив мне десять пар фирменных джинсов, от продажи которых я должен был получить сумму, достаточную для покупки импортного мебельного гарнитура, включая сумму «сверху». Причем сумма эта равнялась не «двадцати пяти», как в комедии «С легким паром», а двумстам пятьдесят, как в советском Свердловске. Жили мы с ней в комнате, которой ее одарила филармония за пятнадцать лет работы. Спали на полу, вещи лежали в коробках, так что гарнитур для полноценной жизни был нам просто необходим.

В то судьбоносное воскресенье, ощущая легкую дрожь где-то внутри, я с боем сел в электричку. По мере приближения электропоезда к месту назначения амплитуда внутренних вибраций достигла просто чудовищных размеров, я с ужасом приходил к пониманию постыдного факта: с таким волнением я не смогу начать первый в моей жизни акт фарцовки. Отказаться от задуманного – не реально, последствием этого была бы потеря значительной части уважения жены и не только. Выяснив, что мне не по силам то, чем успешно, с легкостью занимаются тысячи моих сограждан, я бы потерял изрядную долю самоуважения, значит... э-эх, мама родная, нужно продавать, чего бы это ни стоило.

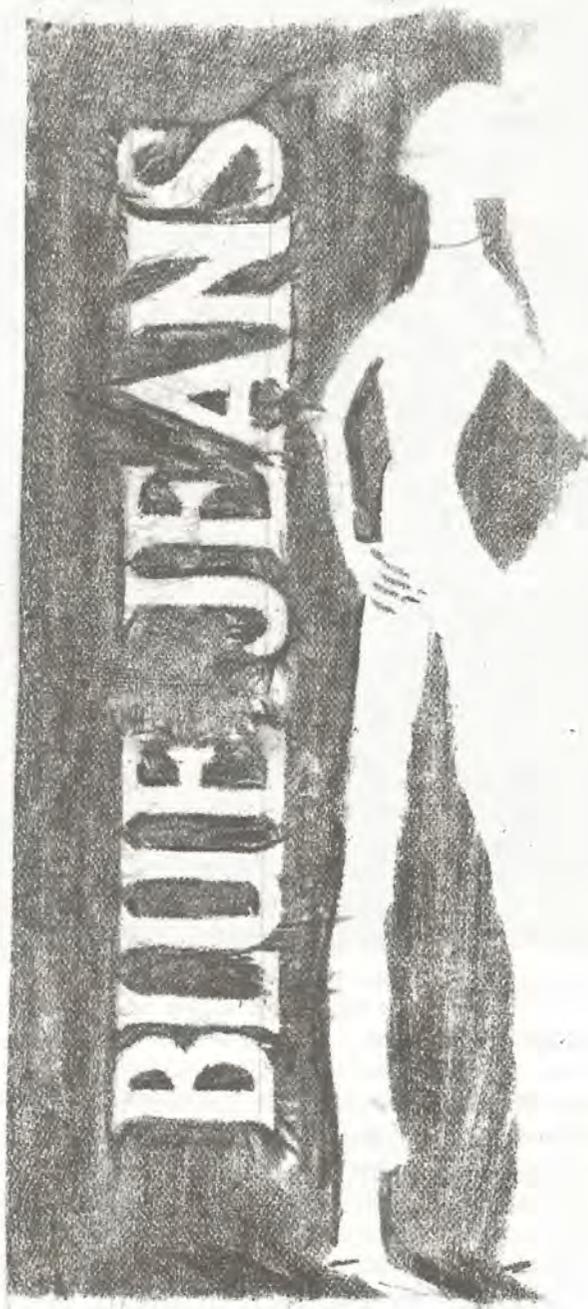
Оказавшись внутри рынка, я достал джинсы, вспомнил про комиссара Лазо, которого японцы сожгли в паровозной топке, прошептав «ему было еще хуже», повесил дефицит на согнутую руку и, почти ослепший от волнения, двинулся по течению людского потока.

Стиснув зубы, я шел, не видя и не слыша ничего вокруг, кажется, кто-то что-то спрашивал, наверняка спрашивал, потому что такого товара на Туче не было, капиталистическая ФРГ была не той страной, в которую советские граждане ездили часто, и мои джинсы по тем временам явно были эксклюзивом. Я даже не думал ничем, мысли, коротенькие, как плевки, и столь же несодержательные, летали где-то в подкорке, не приводя к успокоению. Спасла моя популярность как музыканта среди «денежных» людей, а фарцовщики именно такими людьми и были.

– Валера! Ребята, смотрите, музыканты на Тучу пожаловали!

Меня окружили и стали хлопать по плечам «зубры местной фарцовки».

– Ты что, первый раз? Да можешь не отвечать, у тебя это на лице написано. Да не робей ты, у тебя

джинсы классные, где такие нарыл? Сколько про-
сишь?

– Сто пятьдесят, наверное.

– С ума сошел! Двести минимум. Да кто так держит, смотри, как надо...

За минуту мои джинсы были перевернуты как надо, согнуты как надо, а мне выдана информация о том, что говорить, как говорить, и так далее и тому подобное. Получив исчерпывающую информацию за три минуты общения с тучинскими асами, я уже более осмысленно продолжил свой путь, оказавшийся совсем коротким.

– Сколько? – услышал я через несколько минут после встречи с «инструкторами».

– Двести двадцать, отдам за двести.

— Отойдем, я померяю.

В качестве примерочной использовалось любое место в десятке метров от людского потока, у забора. Создавая подобие ширмы, я загораживал девушку от взоров окружающих, хотя им, этим окружающим, было неинтересно смотреть на какую-то там чувиху в плавках, на Туче были вещи поинтересней. Она была высокая и очень худая, мои детские джинсы были ей как раз впору.

Свернув и сунув свою только что снятую юбку под мышку, она осталась в моих джинсах, сунула мне в руки две сотенные купюры с Лениным и сказала:

— Огромное спасибо. Я со своей фигурой не надеялась, что смогу подобрать себе то, что надо. А тут такие классные!

Она просто светилась радостью.

А я?

Я в этот миг стал другим человеком. Ни больше, ни меньше!

Исчезли волнение и стеснение, две коричневые сотни — двухмесячная зарплата для почти любого представителя советской интеллигенции, они так согревали... что, самолюбие? Нет, мне было за что уважать себя и до вступления в ряды фарцовщиков, а что тогда? Не знаю, но я в тот момент был переполнен не достойным строителя коммунизма мелкобуржуазным счастьем и пониманием того, что страшное мероприятие, которого я так боялся всего пять минут назад, на деле оказалось простым, доступным, а главное, очень приятным в своем финале.

В следующее воскресенье, уже совсем с другим настроением, а точнее — настроем, я стоял с очередными джинсами на руке, бойко предлагая свой товар проходящим мимо потенциальным покупателям, вкладывая в свой рекламный монолог максимум мужского обаяния.

«Бундовские джины, таких здесь нет, вам повезло, они как раз на вас, им цена двести пятьдесят, но я тороплюсь, поэтому отдам за двести», — скороговоркой выпаливал я, увидев девушку с попкой подходящего размера. И на этот раз покупатель на мой товар нашелся быстро, из чего я сделал простой вывод: фарцовать хорошими вещами легко и просто. А главное, очень полезно для семейного бюджета.

Всю осень и зиму мы с женой торговали тем, что она привозила из командировок. Нам везло, гастроли проходили в братских советских республиках, где снабжение было неизмеримо лучше, чем в РСФСР, и в магазинах городов Прибалтики или Закавказья можно было купить вещи, которые «днем с огнем» нельзя было отыскать у нас.

Каждое воскресенье, просыпаясь в шесть утра, мы ставили на газ ковш, в который выливали бутылку марочного вина, подогревали какой-нибудь «Янтарь Ставрополя» до температуры слегка остывшего чая, после чего заливали в термос. Распивать алкогольные напитки в общественном месте, каким, конечно же, считалась Туча, было запрещено, а вот к гражданам, держащим в руках чашечку горячего чая, пре-

тензий не могло возникнуть. Да и согревало подогретое вино отменно, а уж про настроение и говорить нечего.

Кстати, о настроении. Сейчас, когда мы живем в совсем другой стране, я пытаюсь понять, а КАКОЕ настроение царило в то время на Туче? Было оно какое то «несоциалистическое», людей окружали красивые вещи, чего не было больше нигде, они или продавали, или покупали их, и все это делалось, во-первых, с удовольствием, во-вторых, в соответствии с законами, по которым жил большой, красивый мир, отделенный от советской страны «железным занавесом».

Былинный купец Афанасий Никитин, бороздивший океаны в поисках заморских товаров, по меркам Уголовного кодекса СССР был матерым спекулянт-рецидивистом, ведь купленное «за тремя морями» он и продавал втридорога, значит, место ему было в тюрьме. Такова была тогда официальная точка зрения, и за всех людей, населяющих государство рабочих и крестьян, я сказать не имею право, а вот те, кто приезжал на Тучу, точно считали иначе. Собственно, самим своим приездом сюда они голосовали за принцип, которому столько лет, сколько самому человечеству; каждая вещь стоит столько, сколько за нее готовы заплатить.

И они платили за возможность красиво одеваться, платили с удовольствием, потому что почти всегда покупали именно ту вещь, которую хотели, и за ту цену, к которой пришли вместе с продавцом в результате торгов. Редкая покупка не сопровождалась благодарностью, и редкий покупатель уходил без «несите на здоровье», звучащего вслед.

Такой вот кусочек заграницы раз в неделю порочил моральные нормы строителей коммунизма самим своим существованием и одновременно радовал несколько десятков тысяч свердловчан, среди которых были и мы с женой.

Летом, пройдя «десять кругов административного ада» со справками и характеристиками, необходимыми для поездки за рубеж, мы по туристической путевке поехали за границу по маршруту Венгрия, Чехословакия. Цели было две: отдохнуть — первая. Вторая, реализовав купленную там «фирму», как минимум — вернуть деньги, затраченные на путевки, как максимум, еще и заработать.

Не буду описывать то, как и что мы покупали, хотя вопрос «что покупать?» не стоял. Более желанной одежды, чем джинсы, в советской стране восьмидесятых годов просто не существовало. Ходил тогда такой вот анекдот:

У стоматолога.

— Доктор, сделайте мне самые дорогие зубы.

— Золотые?

— Нет, дороже, доктор.

— Платиновые?

— Нет, самые дорогие.

— Так какие же?

— Джинсовые!

То, как мы купили двенадцать пар вельветовых джинсов, неинтересно, а вот про один эпизод, имевший место во время отдыха на озере Балатон, жемчужине венгерского туризма, я расскажу.

В 1980 году, во время Олимпийских игр, проходивших в Москве, в обращение поступили юбилейные монеты, посвященные этому событию. Они пользовались колоссальной популярностью у иностранцев. Несколько комплектов таких рублей я взял с собой в эту поездку.

Мне повезло, на пляже я познакомился с нумизматом. Немец из ФРГ, шумный как ребенок в своей непосредственности, обрадовался неописуемо, еще бы, он нашел нумизмата из Советского Союза!

— Это мой друг, мы познакомились! — восторженно кричал он своим землякам, толстым мужчинам и еще более толстым женщинам, сидевшим с пивными кружками в баре. — Он настоящий коммунист из советской России, и мы будем с ним меняться монетами!

Несмотря на то, что я не собирался вести с ним обмен, и уж точно не был коммунистом, контакт наш был весьма интересным и содержательным: я продал ему монеты за сорок западногерманских марок.

— Тут рядом есть магазин, где продают за валюту, — сказал он мне. — Пойдем, я помогу тебе сделать покупку, одного тебя туда не пустят.

Он сбегал за паспортом, и мы пошли в венгерскую «Березку».

«Смерть фарцовщика», такую характеристику дал я товарам в магазине, когда мы оказались внутри. Увидев то, что висело на витринах, впечатлительный любитель импортных вещей мог получить сердечный удар. Венгрия была для советского человека границей, а в этом магазине продавались вещи из стран, которые были границей для самой Венгрии.

— Выбирай, — радостно предложил нумизмат.

Оптический прицел моего зрения сразу обнаружил нужную вещь, вельветовые джинсы, красивой которых я не видел ни до, ни после этого. Я молча показал пальцем, продавщица вежливо кивнула и достала с витрины увешанный этикетками «WRANGLER». Немец схватил его, приложил к моей талии и замотал головой:

— О, нет, нужно на два размера меньше!

— В нашем магазине все вещи имеются только в одном экземпляре, — сообщила продавщица.

Мне было совершенно безразлично, какого размера были эти супер-джинсы, я не собирался их носить, я хотел их продать, и еще как, но... язык не поворачивался сказать, что я делаю покупку с целью перепродажи. Вот хоть «ляжь и покатайся», не хотел я сообщать человеку из страны, которую мы двадцать пять лет назад победили в войне, и какой-то венгерской тетке, что я, советский турист, попру в Союз заморские штаны для того, чтобы втридорога их перепродать. Одним словом, «за державу обидно» мне стало, и я промолчал. Тогда девушка вы-

несла еще одни джинсы, эти были точно на меня, но! Они выглядели так, как будто их раз двадцать постирали, хотя были запакованы в красивый пакет с кучей надписей и даже каких-то печатей.

Я недоуменно посмотрел на немца, потом на продавщицу, они были совершенно серьезны.

— О-о-о! Это люкс, это супер! — увидев мое замешательство, заверещал он. — У нас через неделю, две, эти будут самые модные!

Через два года в Союзе в моду вошли джинсы-варенки, такие, которые с недоверием я разглядывал в инвалютном магазине на берегу Балатона. Но тогда я ушел, так и не сделав покупки.

«Куплю потом», — решил я и ошибся. Во всех гостиницах, в которых мы останавливались, были валютные отделы, но продавались там национальные костюмы, сувениры, даже русские матрешки были обязательным предметом ассортимента, многое, но только не джинсы. Потом я сообразил, что за границей нормальные туристы, приехавшие из нормальных стран за впечатлениями, не пойдут в магазин за повседневной одеждой.

Сорок «бундесмарок» я продал официанту в ресторане и, решив «обмыть» удачную валютную сделку, подошел к бару. Проведя лингвистический блицтест, я выяснил, что немецкого барменша не знает, зато владеет английским, которого не знаю я.

«Ничего, пробьемся», — подумал я и взял меню. Самым дешевым из крепких напитков была наша «Столичная», я положил деньги на стойку и, показав на «родную» бутылку, на салфетке написал «150». Она подняла голову, желая посмотреть на тех, для кого, по ее мнению, я заказываю сто пятьдесят граммов водки, но, не увидев моих собутыльников, она, пожав плечами, поставила на поднос пять маленьких рюмочек и взяла в руки бутылку.

Я замахал руками и показал ей на большой фужер. Барменша понимающе кивнула головой и широко повела рукой, показывая на огромный ассортимент легких вин. Я начал нервничать, в любой момент могла появиться жена, и моя затея с несанкционированной выпивкой могла закончиться выговором, что было не страшно, и отменой мероприятия, что было уже хуже. Девушка жалобно смотрела на меня, она действительно не понимала, что мне нужно. То, что сто пятьдесят граммов водки я выпью один, ей просто не проходило в голову. Тогда я взял салфетку, нарисовал бутылку, написал на ней «STOLICHNAJA», потом рядом изобразил фужер, для убедительности показав рукой на стоящий около нее, стрелками изобразил, как из бутылки капельки перемещаются в фужер, сопровождая рисунок звуками «буль, буль, буль».

Она взяла в руки бутылку и, поглядывая на меня, стала очень медленно наливать, я, подбадривая ее, изобразил ладонями аплодисменты, после чего она, совершенно успокоившись, быстро долила нужное количество водки и поставила полный фужер на стойку.

Если то, что она уже сделала, ее удивило, то сделанное мной после этого просто потрясло. Воровато оглянувшись, я в два глотка выпил содержимое фужера, со счастливой улыбкой человека, сделавшего хорошее дело, выдохнул и расплылся в довольной улыбке. Увидев ее лицо, мне вспомнился васюкинский любитель шахмат, глаза которого «расширились до пределов, дозволенных природой». Бедняжка явно никогда не видела советских туристов, которые в бары не заходили по причине бедности, и не знала, что «сто пятьдесят водки залпом» и без закуски для русского человека не фокус, а одна из форм удовлетворения туристических потребностей.

Советские туристы в то время за границу выезжали группами по сорок человек. Мы вместе завтракали, обедали, ужинали. Вообще все перемещения разрешались только вместе, и лишь иногда маленькой группой, но не меньше пяти человек. Это допускалось тогда, когда нам выделялось личное время для посещения магазинов, представить, что кто-то из нас пойдет в иное, чем магазин, место, руководитель группы просто не мог.

Когда в Братиславе я, используя это личное время, поехал в музей, в котором, как я узнал, был один из самых больших в Европе залов средневекового оружия, меня, во-первых, пустили туда бесплатно. Работники музея, увидев первого в своей жизни советского туриста, который по своей инициативе, в одиночку пришел познакомиться с историей, а не с прилавками магазинов, переглянувшись, расплылись улыбками и раскрыли двери так, как будто они ждали меня полжизни. Во-вторых, в каждой группе обязательно был стукач, который подслушивал, подглядывал и обо всем потом докладывал «кому следует». Без такого «товарища» группа просто не выпускалась в поездку. Так вот, такой стукач, сильно напившись со мной в один из последних дней поездки, «раскололся», сообщив, кто он такой по совместительству.

— Про тебя я ничего плохого не скажу, ты хороший мужик! Я тебе такое про себя рассказал, тако-о-е рассказал, скажи и ты мне откровенно, где ты тогда был? Ну, не м-мог ты уехать в музей, ведь ты же нормальный человек! А что нормальному человеку делать в музее? Не-че-го!

— Гадом буду, в музей ездил, — оправдывался я, но он так и не поверил.

Кстати, наша группа почти полностью состояла из торговых работников. Это были люди, имеющие доступ к дефициту, и ассортимент их покупок сильно отличался от общепринятого среди советских туристов. В чем были определенные неудобства.

В двенадцать часов дня в центре старой Праги собираются туристы, чтобы посмотреть на работу древних курантов на башне. От роду им семь или восемь веков, это одна из визитных карточек чешского туризма. Пришли туда и мы с женой. За пять минут до начала исторического действия многочисленные иностранные граждане, вооруженные кинокамерами и фотоаппа-

ратами, пришли в возбуждение, старинные часы еще не били, фигурки со святыми не начали свой ход, а камеры уже зажужжали, и фотоаппараты защелкали. По старинной площади шел член нашей туристической группы, мой тезка, Валера. Он был высокий, крупный мужчина, но не его физические данные привлекли внимание иностранцев. На плече его покачивался свернутый «трубой» ковер «три на четыре». На фоне древней башни, среди легко и красиво одетых интуристов он смотрелся более чем экзотично.

Валера видел, что вся площадь «пялится» на него, это было ему неприятно, но что он мог поделать? Он на свои кровные купил ковер, которого на Родине он купить не мог, и в этом была не его вина. Он также, как все здесь собравшиеся, хотел посмотреть на древние куранты. Поэтому он стоял и смотрел, усиленно делая вид, что окружающие его не интересуют.

В нашей сумке тоже покоились не сувениры и не альбомы с видами Праги, поэтому отчасти мы его понимали, а уж сочувствовали точно.

Итак, из поездки мы привези двенадцать пар вельветовых джинсов, к реализации которых приступили в первое же после приезда воскресенье.

В тот злополучный день мы приехали как обычно на Тучу, быстро продали одну пару, буквально через минуту продали еще одну, но покупатель вместо денег достал из кармана красное удостоверение.

— Товарищи, — обратился он к стоящим рядом молодым людям. — Вы видели, как этот человек только что продал джинсы?

— Видели, — с готовностью ответили те.

— Пройдите, пожалуйста, с нами, будете свидетелями.

Одни проданные джинсы, это не повод для приглашения «пройти», я оглянулся, надеясь, что первый покупатель исчез в толпе, и понял, что «попал». Молодой парень, купивший предыдущие джинсы, стоял рядом, причем те, которые «случайно» оказались свидетелями, стояли рядом с ним, когда он их покупал.

Меня повели в здание администрации.

— Смотрите, мусора главного фарцовщика накрыли! — закричал кто-то из толпы. — На нас у них руки короткие, так дилетанта схапали!

Но мне это было уже «до фени». Я лихорадочно соображал, что мне светит и что я сейчас буду говорить, хотя я знал все варианты, которые могли возникнуть в подобной ситуации, но одно дело знать теоретически, другое — применить свои знания на практике. Двое штанов, это мелкая спекуляция, если поедут домой и найдут, а найдут точно, это был единственный раз, когда мы не отнесли товар к знакомым, то это уже «срок». Когда мы входили в здание, меня прошиб холодный пот, я сообразил, если выяснится, что я только что приехал из-за границы, то я могу пойти по статье «валютные операции», а у этой статьи потолок — высшая мера. За десять штанов меня, может, и не расстреляют, а вот получить лет десять тюрьмы я могу.

Де-сять лет тюрь-мы!!!

За десять проданных штанов, и это не с кем-то происходит, а со мной!!!

У меня не хватит таланта, чтобы описать состояние, в котором я находился, заходя в сопровождении «сотрудников» в здание администрации рынка. Мне безумно хотелось упасть в обморок и не очнуть-

ся никогда, но сознание работало четко, и я, словно в тумане, пошел по пути, страшному для меня и обыденному для тех, кто ловил «расхитителей соцсобственности».

Меня сразу взяли в оборот по стандартному варианту: сначала плохой следователь, потом хороший. Когда «плохой» наорался досыта, сообщив, что я сгнию на нарах, и сделав другие, не менее «приятные» прогнозы насчет моего будущего, пришел «хороший». Товарищ Кабачинов, я запомнил эту фамилию, узнав, что я работаю в филармонии, а до этого работал в ресторане «Океан» и в других ресторанах, мгновенно проникся ко мне самым неподдельным интересом. Я знал, почему. Каждый сотрудник правоохранительных органов должен был иметь и имел внештатных сотрудников, стукачей по-народному. Стукач среди музыкантов, это было круто. Поэтому у него сразу возникли определенные планы в отношении меня, но и у меня возникли планы в отношении него.

Среди моих многочисленных знакомых было несколько профессиональных картежников. Один из них, давая мне как-то урок карточной игры, познакомил с аксиомой «свое надо брать». Если играется «не брать взяток», а у тебя неприкрытый туз, то не нужно «дергаться», нужно брать, все равно возьмешь, потому что это «твое». В противном случае можно потерять больше.

Я понял, что «просто так» я из всего этого не выберусь, поэтому решил «взять свое», то есть потерять что-то, но приложить все усилия, чтобы в финале выйти с минимальными потерями.

Главным для меня было убедить его, что он видит меня насквозь, что все очень просто, и не допустить, чтобы он захотел «копнуть» насчет меня поглубже, зачем лишняя суета, если и так все понятно?

Разговор, пардон, допрос, был примерно такой.

- Где джинсы-то купил?
- В ресторане, еще летом.
- А у кого?
- Так там фарцовщики постоянно трутся.
- И ты их знаешь?
- Постоянных конечно.
- И по именам и фамилиям знаешь?

«Эх, потекла слюна у мента», — уныло подумал я. Особой радости от осознания того, что я вроде бы знаю, как себя вести, у меня не наблюдалось. Было плохо, как никогда в жизни еще не было. И страшно.

- Эту, у которой я купил, Люда зовут.
- А она часто в ресторане бывает?
- В воскресенье после Тучи всегда. Гуляет на полную катушку.

Он уже не скрывал своих намерений.

- А показать ты мне ее можешь?

Я замялся, чтобы его путь к цели не был подозрительно ровным.

— Я тебя понимаю, — он по-отечески закивал головой, — как-то неудобно, вроде как я тебе «стучать» предлагаю, но это только кажется. Пойми, ты музы-

кант, твое дело соло на гитаре играть, а не на рынке спекулировать и уж точно не на нарах сидеть. И тебе не нужно будет пальцем показывать, меня вообще эта Люда не интересует, таких, как она, тысячи. Просто расскажешь мне про ее компанию, может, мне когда-нибудь пригодится. Ничего в этом страшного нет. Ведь правильно?

Я кивнул головой.

— Ну, вот и отлично.

Привели жену, дали ей из уже конфискованных денег червонец на такси, чтобы она съездила за моим паспортом. Я понял, что он «заглотил» наживку. Жену послали, чтобы она убрала из квартиры остальные джинсы, потому что наличие у задержанного дополнительного количества «предметов наживы» могло «потянуть» на срок, а этого ему уже не хотелось. От меня, находящегося на воле, он мог получить гораздо больше пользы для себя лично, как сотрудника ОБХС.

Уже в городском отделе оформили все документы, а точнее говоря — дело на Костюкова Валерия Михайловича, уличенного в спекуляции (точной формулировки я не знаю).

На следующий день мой знакомый «из органов», прочитав его, сообщил мне вечером, что все не так страшно, вероятнее всего, я буду осужден за мелкую спекуляцию, за которую предусмотрено наказание в виде штрафа.

«На девяносто девять процентов уверен в том, что это все сделано по чьей-то наводке. Уж очень все гладко, просто необычно гладко. Выпасли тебя и свидетели, и тот, кто купил первые джинсы, они в этот день за тобой приехали на Тучу. Подумай, кто из твоих знакомых настолько сильно тебя «любит», что так подло капнул, причем точно по адресу».

Этого я так никогда и не узнал, хотя все тайное когда-нибудь становится явным...

Когда дело было закончено и изменить в нем что-либо было невозможно, я наотрез отказался сотрудничать, что моего «хорошего следователя» особенно и не расстроило, это для меня все произошедшее было потрясением, а для него — обычная повседневная работа.

«Встать, суд идет!»

Эти слова прозвучали в зале, в котором на месте обвиняемого находился я.

Зачитали обстоятельства дела, показания свидетелей, судьи задали несколько вопросов мне.

Прокурор попросил два года тюрьмы. Я обмер.

Защитник сказал несколько слов о том, какой я хороший, о том, что мотив моего поступка не жагда наживы, а желание приобрести хороший инструмент, что, кстати, действительно было так. Потом все удалились, а я остался сидеть в зале суда, моля Бога о том, чтобы все это поскорее закончилось. Что самый гуманный суд в мире три часа делал в комнате, где якобы обсуждалось мое дело, не знаю. Мне показалось, что приговора я ждал сутки.

«Штраф двести пятьдесят рублей, с конфискацией предметов наживы» таков был приговор суда. Итак, я потерял одни джинсы, две с половиной сотни — и не менее трех лет жизни от пережитого. Таков итог моих походов в мире фарцовки, осуществляемой в социалистической стране.

«Окно в Европу» — свердловская Туча продолжала радовать продавцов незаконной наживой, покупателей импортными товарами, и о моих злоключениях, конечно, не узнала.

«Отряд не заметил потери бойца!» — так пелось в песне времен гражданской войны.

Начинающий фарцовщик пал в борьбе за обладание незаконно нажитыми денежными знаками; так и не став матерым специалистом в этом нелегком, как оказалось, деле. Но это было не страшно, потому что ему было чем заниматься, было куда стремиться, и вообще, все, что ни делается, делается к лучшему!

Недавно, направляясь в мужской монастырь на Ганиной яме, который время от времени мы с женой посещаем, я проезжал мимо места, на котором происходили все описанные события. Какой огромной, просто гигантской казалась тогда Туча! А сейчас, проезжая мимо небольшого поля с плохим асфальтом, на котором расположился автодром, где начинающие водители постигают азы вождения, трудно представить, что это был центр незаконной коммерции огромного Свердловска, где по воскресеньям бурлило и шумело многотысячное людское море.

То, чем занимались на Туче фарцовщики, нарушая законы государства и рискуя оказаться за решеткой, является сейчас уважаемым и абсолютно законным делом, которым сотни тысяч российских граждан зарабатывают себе на жизнь. И люди, которые работали в карательных органах в советские времена, говорят, наверное, то же, что и те, кто в тридцатых расстреливал «врагов народа»: «время было такое»...

Автор Костюков Валерий Михайлович — профессиональный музыкант. Родился в 1952 году. Гитару в руки взял в 15 лет. С 1970 года: самостоятельность, ансамбли, оркестры ресторанов. Преподавал класс электрогитары на эстрадном отделении музыкального училища, работал в Свердловской филармонии в ансамблях «Малахит» и «Лица друзей». 1990—1994 годы: группы «Апрельский марш», «Банга-Банга», студийная деятельность. 2000—2001 годы: частные уроки, работа в барах и ресторанах курорта «Золотые пески» и г. Варны (Болгария). В настоящее время живет в г. Березовском Свердловской области.

Ордена из кованого сундука

(документальная повесть)

Два капитана

Сегодня я имею возможность сказать то небольшое, что узнала об Анатолии Николаевиче Нифонтове, уроженце села Беловодье Камышловского района. На войне он был радистом, а до войны еще подростком работал на Свердловской железной дороге. Потом фронт, ранение. После госпиталя снова 58-я гвардейская танковая бригада, 8-й гвардейский танковый полк. С ним он освобождал от немецких фашистов Польшу и погиб 22 января 1945 года в районе города Янов. Похоронен в братской могиле.

«За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками гвардии красноармеец Нифонтов награжден Орденом Отечественной войны I степени» — так сказано в наградном удостоверении. Это сообщил мне племянник уральского героя, тоже Анатолий — его назвали в честь погибшего солдата. «В нашем роду память о нем вечна. У меня дома рядом со святыми образами большая рамка. Под стеклом семейные довоенные фотографии. На них с родными и наш Толик. С фронта он прислал всего одну фотокарточку — с боевыми друзьями. Молодой, веселый. Таким он и останется навсегда».

Как проверить: не осквернено ли сейчас в Польше то братское кладбище? Не хочется жить по посылке: «Ни одно добро не бывает оплачено злом».

Вот еще одна строка наградного списка. В документах 1941—45 годов названо имя уральца, капитана саперных войск Бориса Петровича

Лысенко. Его ищет со времен войны орден Боевого Красного Знамени. Однажды прочла я по радио эту фамилию, тут же — телефонный звонок в редакцию. Звонивший сказал: «Жизнь и смерть капитана Бориса Петровича Лысенко — одна из страниц Уральского политехнического института. Здесь он учился, мечтал стать строителем, а в 1943-м в составе 5-й Гвардейской дивизии вступил в бой под Курском. В 1944-м он уже командовал гаубичной батареей. Погиб в апреле — за несколько дней до Победы. Тогда его батарея приняла бой с танками врага. Пехота, которая их должна была прикрывать, осталась в тылу, и поэтому батарея оказалась на прямой наводке танков. Здесь мой дядя погиб. За этот бой и за предыдущую его деятельность ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Похоронен Борис Петрович Лысенко в городе Делна, это в Польше, на центральной улице, в братской могиле, в которой вечным сном спят 3706 русских солдат».

Я племянник Бориса Петровича Лысенко. Но думаю, что мой замечательный дядя — все-таки однофамилец того человека, которого вы разыскиваете».

Так оно и оказалось. Герой Советского Союза капитан Борис Петрович Лысенко действительно тройной тезка капитана Лысенко, который «недополучил» свой орден Боевого Красного Знамени — награду за одну из крупных саперных операций. Но об этом храбром земляке, сколько я ни называла его имя по радио, узнать так ничего и не довелось.

Ответ на мучивший меня долгое время вопрос, почему в той войне polegло так много безымянных

солдат, искать надо и в архивах, и глубинах нашей совести. Сошлюсь на несколько строк из газеты «Ревдинский рабочий» от 25.01.94.

Руководитель отряда «Рокада» Е.Карпова пишет о вопиющих фактах, которые подростки обнаружили в архиве в Подольске. В начале девяностых годов приехав в Зубцовский район Тверской области, где в 1943-м шли кровопролитные бои, поисковые отряды из Дегтярска и Верхней Салды подняли и захоронили останки 155 солдат. Но перед этим они провели большую подготовительную работу: рылись в старых журналах боевых действий, вчитываясь в донесения и в оперативные сводки, рассматривали карты, схемы и описания операций. Особо их интересовали потери и работа похоронных команд. И что оказалось? Оказалось, что таких команд в большинстве случаев просто не было. Вот почему погибшие солдаты до сих еще лежат там, где их настигла пуля врага. В подольском архиве ребята своими глазами видели кипу неотправленных похоронок, равнодушно вклеенных полковым писарем в книгу «безвозвратных потерь».

Поисковый отряд из Архангельска, работавший рядом с уральцами в Зубцовском районе, поднял останки солдат с медальонами. Удалось прочесть имена многих бойцов, запросили ЦАМО, 9-й отдел (безвозвратные потери рядового и сержантского состава) и оказалось, что бойцы эти в картотеке просто не числятся. Людей этих как будто бы вообще не существовало. Вот почему память наша о той войне с такими странными провалами.

Продолжение следует.

Продолжение. Начало в №№ 5, 6, 9, 11

Говорящие головы отца Герасима (Журналистский мемуар в контексте истории)

Обладавший удивительным голосом левитановского тембра диктор Сергей Коровкин, талантливый и неунывающий самородок, хохмач и пивохлеб, окрестил (за глаза, конечно) председателя комитета по радиовещанию и телевидению при Свердловском облисполкоме (так называлась тогда эта организация, предшественница СГТРК) «отцом Герасимом». В маленьком кабинетике в конце коридора массивная, как у бывшего грузчика или спортсмена-тяжеловеса, фигура Герасима Сергеевича Юрина казалась монументальной: крупная, седая, лысеющая голова, лицо чаще всего непроницаемое для просителей и разного рода любителей осведомлять начальство, тяжелые, но ловкие руки, которые когда-то запросто могли играть двухпудовками. Просторный темно-синий или же черный, как и полагалось функционеру тех времен, костюм. Медлительно начальственная манера речи, взгляд далеко не всегда приветливый и открытый...

Мне он (по молодости) казался тугодумом, мог и рывкнуть на сотрудника, но все же был отходчив и доступен. Он прощал до какой-то поры бесшабашному Сергею Коровкину его экстравагантные выходы, и тот

подметил верно: проскальзывало у Юрина в отношении к молодым иной раз что-то отцовское. Сын его принадлежал, как и мы, к журналистской поросли из Уральского университета, но его Герасим Сергеевич под свое крыло в телерадиокомитет не взял, дабы не разводить семейственность.

...Летом 1959 года я вернулся из Забайкалья. За плечами были поездки по степным гарнизонам Даурии и удалые маршевые стихи:

*...От старинной Днестровской заставы
До Камчатских седых гольцов
Мы проходим — и с нами слава
Штурмовавших Берлин отцов.
Путь наш доблестью был отмечен.
И как прежде — на том стоим —
Нам эпоха легла на плечи,
И она по плечу молодым.*

В газете их напечатали и ожидали от меня еще...

А на Урале слышался мне «зов предков», маячила благодатная осень. Герасим Сергеевич определил меня корреспондентом в сельхозредакцию, последовали и командировки на село. В помощь придавался поначалу звукооператор Кузьма Верхотурцев — тогда еще не было приличных магнитофонов «Репортер-6», а прежние часто барахлили. Верхотурцев, как шофер какой-нибудь полуторки на сельской дороге, мог тут же «откинуть капот» и приступить к ремонту. «Кузьма, понюхаем назьма!» — приговаривал я, когда мы получали командировочные.

Уборке урожая тогда сопутствовала сухая, солнечная, в основном, погода. Стояла она и после страды, когда в парке областного центра открылась сельскохозяйственная выставка, организованная поистине с хрущевским размахом. Театрально-праздничные пшеничные и ржаные колосья в шеренгах снопов; не видавшие еще полей, необкатанные, «с иголочки» тракторы и комбайны; задумчиво-породистые с тучным выменем буренки и негодные для корриды, функциональные (на цепях) быки; кони атлетического сложения...

Трепыхались лозунги: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» и «Коммунизм — удел всех народов!» Из парковых рупоров далеко разносились песни «Святое ленинское дело» и «В коммунистической бригаде с нами Ленин впереди!».

Эдуард Молчанов и Виталий Половников
в начале дистанции. 1960 г.

Ветераны уральских редакций, радиорепортеры пятидесятих годов прошлого века, писатели (справа налево): Борис Путилов, Феликс Вибе и поэт Герман Дробиз. 2002 г.

Выполнялась задача — сдать государству за один год два годовых плана по мясу, маячили ордена, премии и геройские звания. Стали толще (надолго ли) шницели и котлеты, Свердловская область была награждена вторым орденом Ленина. А в одной из центральных областей первый секретарь обкома партии, ставший Героем Социалистического Труда, осознав последствия сногшибательного почина, застрелился...

Пока же плыла золотая осенняя паутина, царило праздничное настроение. Репортажи о выставке звучали едва ли не каждый день. Несколько таких репортажей, с легкой руки Герасима Сергеевича, провел и я. А потом выпала мне командировка в Талицкий район за радиоочерком для передачи к очередной годовщине Октября. Заданность была в том, чтобы участник Гражданской войны, какой-нибудь от сохи чапаевец, рассказал, как лихо рубали белых, благодаря чему состоялись в дальнейшем и коллективизация, и светлая жизнь.

Сорок с лишним лет спустя я уже не помню имени того мудрого старика — за его плечами были и штурмовые ночи Спасска, и Волочаевские дни. Однако же прежде, чем стать красноармейцем, он вместе с отцом будущего легендарного разведчика Николая Кузнецова был на какое-то время приставлен к коням в обозе армии адмирала А.В.Колчака. Выживать приходилось и при белых, и при красных, и между ними. Крылатую фразу из кинофильма «Чапаев»: «Белые придут — грабят. Красные придут — грабят. Куда крестьянину

податься?» — он повторил мне несколько раз без киношного примелькавшегося конфуза — как свидетель обвинения. На этой основе строился весь его рассказ. Это и было правдой.

Герасим Сергеевич почему-то вызвал меня, послушал запись (стационарный магнитофон стоял у него в кабинете), набычившись, нажал кнопку «стоп» и велел немедленно размагнитить пленку. Знал, конечно, и он, партийный ветеран, прошедший через кадровые чистки, что такое жернова братоубийственной Гражданской войны.

— Что ты тут нагородил!? — последовал удар кулаком по столу.

Однако он унял себя и, вспотев, зловеще произнес: «Не узнаю Григория Грязнова»...

Очерк не состоялся, но вурдалаком Юрин не был; единственным «оргвыводом» стал мой перевод в другую редакцию.

Взяв меня на работу, Герасим Сергеевич, думается, не рылся ни в родословной моей, ни в характеристике. А там, между прочим, был выговор, полученный в университете «за комсомольский авангардизм».

«Инакомыслие» заключалось в желании не дать в обиду своих. На последнем курсе наших ребят Олега Чекризова и Юру Карповича исключили из университета за излишние запальчивые, якобы идеологически враждебные выступления.

Помнится, Олег Чекризов и Юра Карпович на семинарах и в общезитии протестовали против шельмования в газетах романа В.Д. Дудинцева «Не хлебом

единым», опубликованного в «Новом мире». Они его оценивали как очень своевременную, освежающую душу книгу, которую прочли с пользой для себя. В романе, нашедшем широкий читательский отклик, открыто было высказано то, о чем думали многие из нас. Судьба главного героя, не мирившегося с пороками тоталитарного общества, по существу, нацеливала на борьбу за права человека.

А на комсомольском собрании они были среди тех, кто самозабвенно ратовал с трибуны о необходимости реальной демократии, широких дискуссий; предлагали также повысить студенческую стипендию и заменить преподавателя, тяготясь читавшего лекции по истории большевистской печати.

Исключение наших товарищей из университета означало запрет на профессию. И мы с Виталием Половниковым (впоследствии многолетним главным редактором областных теленовостей) решили выручить однокашников. С нашим защитительным письмом (от комсомольского бюро курса) ребята поехали в Москву, добились приема в ЦК комсомола. И свершилось чудо: «отщепенцев» восстановили в комсомоле и в качестве заочников — в университете. Нам же за выступление против университетского комитета комсомола «закатали строгача».

...Среди тех, кто работал тогда в телерадиокомитете, выделялись бывшие фронтовики, их было немного. И мне всегда хотелось держать на них равнение, слушать их разговоры, играть с ними в шахматы, пить пиво после удачной передачи. У Владимира Новоселова, бывшего броневойщика, я учился монтировать репортажи. Он был старше на десять лет и хлебнул фронтовой мурцовки, получил сильную контузию в бою под Прохоровкой на Курской дуге. А после учебы в Уральском университете прошел репортерские хляби и стал собкором Центрального радио по Среднему Уралу. Обычно я старался забрести в студию, где он тщательно «чистил» записи своих собеседников, «гонял» пленку, выбирая лучший вариант, шлифовал свой корреспондентский текст. Позднее Владимир Сергеевич перешел на режиссерскую стезю, снимал киноочерки для телевидения, печатался в журнале «Урал», писал рассказы и повести. В нем жил азарт и репортера, и писателя-документалиста, литература факта привлекала его и не казалась скучной в его исполнении. Чувство локтя возникало у меня с немногими. Чаще всего это были знакомцы по Alma mater.

...Так уж распорядилась судьба: встречаемся мы с Борисом Путиловым уже полвека. Нечто, присущее когда-то баскетболисту, обладавшему приличным дриблингом, можно при желании, конечно, приметить в его походке и теперь. А между тем дымкой забвения подернулись годы, когда он, Борис Путилов, перепрыгивая через три ступеньки, азартно пробегал по лестнице на очередную лекцию мимо массивно-зловещей фигуры вождя, маячившей на широкой площадке между этажами. Вспоминая в очерке «Мои университеты» о тоталитарно-утопической талмудистике, на

которую было обречено наше поколение, Борис был, безусловно, прав: «Как же все-таки случилось, что мы сохранили душу живой и вылезли из этой бесовщины в большинстве вполне нормальными шестидесятиниками — светлыми, крикливыми и несчастными гуманистами? Значит, было что-то, что помогло нам сохранить нашу веру, любовь и надежду!».

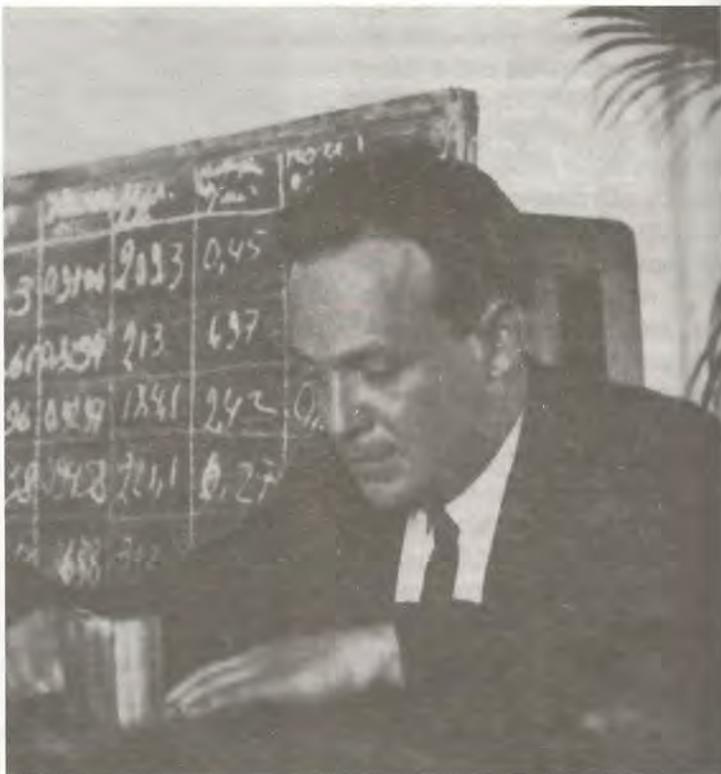
На факультете было немало тагильчан, но меня влекли два Бориса — Воробьев и Путилов, яркие, самобытные, сильные парни, по общему мнению, подающие надежды... Теперь Борис Путилов, автор многих книг, несмотря на изрядно «попысевшую» походку, почти не убавил азарта, слывет любителем творческих проветриваний, громко спорит, заядло курит, с удовольствием вспоминает о своих давних победах на баскетбольной площадке, на шахматной доске и даже на интимном фронте. Я храню его книгу «Юганская повесть» с дарственной надписью: «Эдуарду Молчанову; товарищу по университету, по шахматам, военной службе резервистов и — по жизни».

Он не делал карьеру из журналистики, не лизал тарелки в закрытых партстоловках — словом, держался не за место, а за право на самовыражение, на вольный поиск. Учитель литературы, директор школы, редактор издательства, а потом еще и слесарь, бурильщик на нефтепромыслах, забойщик в шахте... Летун этот, однако, неустанно корпел над текстами своих рассказов и повестей, из которых составлялись книги, писал сценарии на высших сценарных курсах Госкино.

Склонность Путилова к литературе факта привлекает меня ничуть не меньше, чем то, что было ему продиктовано чудесной творческой формулой: «над вымыслом слезами обольюсь». Он создал повествования о директоре завода, о строителе — герое труда, об академике, вернее даже сказать, о коллективе ученых института, где работал почетный гражданин Екатеринбурга, советник президента Российской академии наук, лауреат Государственных и Демидовской премий Сергей Васильевич Вонсовский. В другом документальном повествовании мужественно и проникновенно вписал он судьбу матери в хронику уральского рабочего города.

Из произведений Бориса Путилова можно узнать об Урале едва ли не больше, чем из былых газет с интернациональным девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

В литературу норовил податься и темпераментный репортер с артистической внешностью и профессорской фамилией — Феликс Вибе. Не однажды в страдную пору выездных редакций колесили мы с ним на дарованном судьбой расхристанном газике по колхозам и совхозам Пышминского, Камышловского, Талицкого, Тугулымского и других районов. Лейтмотив наших репортажей был, разумеется, задан в облсельхозуправлении: «Пора сеять — время не ждет!» Руководители хозяйств не хуже областного начальства знали о том, что весенний день год кормит. Но полезная оперативная информация в наших репортажах была: звучали голоса колхозных и совхозных агроно-

Участники радиопередачи в Восточном углехимическом институте: д. технических наук В. Н. Новиков и академик И. Я. Постовский. 1935 г.

мов, механизаторов, инженеров, бригадиров. Были и деловые запросы, и полезные рекомендации. Радио — это говорящие головы, в отличие от телеэкрана, невидимые для слушателя, но смысл того, о чем они говорят, от этого почти не проигрывает, было бы время и желание слушать сказанное.

Азартный любитель рыбалки, Феликс привлекал меня и широтой творческого диапазона, философским взглядом на жизнь, каламбурами и афоризмами: «Не повезло в газете — дуй на радио, а если не повезло на радио — дуй на телевидение». Он мог бы, думаю, кое-что добавить и о кино. Его лучшими друзьями со студенческой скамьи были Валерий Усков и Владимир Краснопольский, удачно перекочевавшие из Уральского университета во ВГИК. Имена этих режиссеров вписаны в энциклопедию отечественного кинематографа. Их наиболее известные фильмы «Самый медленный поезд», «Времена года», «Вечный зов», «Тени исчезают в полдень», «Ермак», «Две судьбы» влекут зрителей разных поколений. Да и сам Феликс с его пылкой жестикуляцией и аурой шестидесятника походил тогда на киношника, но почему-то им не стал.

*Частью по глупой честности,
частью по простоте,
Пребываю в неизвестности,
прозябаю в нищете,*
— бывало цитировал он Некрасова.

Походные неурядицы, обычные для командировок, казалось, не влияли на настроение Феликса, и он с энтузиазмом утешал меня словами Маяковского:

*Если встретите человека белее мела,
худящего,
худей, чем газетный лист —
умозаклучайте смело:
или редактор
или журналист.*

Позднее Феликс стал автором нескольких сборников юмористических рассказов, в журнале «Урал» он вел отдел юмора, утраченный теперь. В документальных повестях рассказал о замечательном русском металлурге Владимире Ефимовиче Грум-Гржимайло и о докторе технических наук, профессоре Иване Ивановиче Вибе, своем отце. Фрагменты его новой книги недавно опубликованы в Вестнике Уральского отделения РАН «Наука. Общество. Человек». С дружеской улыбкой я думаю о Феликсе, лауреате губернаторской премии, всякий раз, когда слушаю радиостанцию «Немецкая волна» и там звучит уютный голос комментатора Элизабет Вибе. Очевидно, радиоволны благосклонны к этой фамилии.

...Пожизненной шестидесятницей оказалась и близкая мне по духу Оксана Булгакова, редактор вещания для молодежи. Обаятельная, загадочная филологиня, преданная жена офицера-артиллериста, она писала о многом, но предпочтение, пожалуй, отдавала не ударным комсомольским стройкам, а теме ратного подвига и видела ее объемно — как связь поколений. Оксана стала участницей коллективного поиска материалов о

Григории Яковлевиче Бахчиванджи, первом летчике-испытателе реактивного самолета. Несколько лет она работала над сценарием телефильма «Воспоминания о летчике», удостоенного премии ЦК комсомола. Через 30 лет после гибели в уральском небе к Григорию Бахчиванджи пришло народное признание, имя его было присвоено нескольким школам, улицам, а фотопортрет появился в павильоне «Космос» на ВДНХ.

Очерки Оксаны Булгаковой, в дальнейшем переехавшей по месту службы мужа в Челябинск, рассказывали о реальных судьбах магнитогорских «фезеушников» из памятного по первому послевоенному году кинофильма «Здравствуй, Москва!», о сталеварах, строивших Магнитогорский комбинат и прошедших дорогами войны, о буднях военных моряков подводной лодки «Челябинский комсомолец»; на основе некоторых очерков были созданы документальные кинофильмы. В Южно-Уральском издательстве вышла ее книга «Караван счастья».

Памятна и встреча с ветераном-фронтовиком Алексеем Васильевичем Певцовым, знатоком истории Михайловска и известного в стране завода по обработке цветных металлов. Для совместного репортажа он водил меня по фольгопрокатным цехам, подарил образцы фольги (их с интересом рассматривали потом в телерадиокомитете), а после обеда в заводской столовой с его легкой руки завязалось знакомство с героем моего будущего радиоочерка тридцатилетним Валентином Певцовым. Сын офицера-пограничника, Валентин остался без родителей, они погибли в первые же дни войны. Из концлагеря в окрестностях Каунаса, где мальчик был обречен на голодную смерть, его спасла семья литовских крестьян, приютив у себя на хуторе. Они же после победы помогли ему вернуться к родным на Урал.

До выхода в эфир очерк попал на глаза старому мудрому режиссеру Федору Матвеевичу Тайцу, и тот пригласил для записи одного из лучших артистов областного драматического театра Бориса Захаровича Молчанова. В его исполнении очерк прозвучал так, что вызвал отклики радиослушателей.

Неотторжимы те, за встречу с которыми я благодарен судьбе. В передаче, посвященной тридцатилетию Восточного научно-исследовательского углехимического института, прозвучал рассказ доктора технических наук Владимира Николаевича Новикова, который вместе с будущим академиком И.Я. Постовским еще в тридцатые годы занимался исследованием углей восточных районов страны с целью использования продуктов коксования, получения смол и технических масел уже в заводских условиях. Результаты этой работы стали основой для снабжения в годы войны коксовой промышленности восточных районов страны углями необходимого качества. Рассказ Владимира Николаевича (в несколько иной авторской интерпретации) был приведен и в научно-популярной книге Б.А. Дижур «Конструкторы молекул», вышедшей позднее в Средне-Уральском издательстве.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы
для библиографического словаря)

Б

БОРНОВОЛОКОВА Мария (псевд. Брнвлква, М.), писательница.

Сотр. в «Новост. р. лит.» П.Сохацкого на 1802-05 гг. Масанов; Сопиков. Ч.111. 3904.

БЕРНШТЕЙН Софья Абрамовна, драматург.

Венгеров. Источ.

БОРОВИКОВСКАЯ.

Сотр. журн. «Родина» — Б-ская. Масанов.

БОРОВИТИНОВА Ольга Александровна (урожд. Иолшина; псевд. Антонина Белозер, Провинциал, Очеводец; ? — 1910), дет. писательница.

Сотр. в «Игрушечке», «Дет. чтении», «Живоп. обозрении», «Роднике», «Новостях», «Пб. листке», «Пб. газете», «Минуте» 1890-х гг. — Белозер, Белозор, Антонина. Под тем же псевд. вып. кн.: «Бабушкин сюрприз», СПб., 1895; «Были и былинки». СПб., 1903; «Рассказы бабушки-всезнаюшки малым детям». СПб., 1903 и др. О ней: Гаршин В.М. Собр. соч. Т. III (Иолшина О.А.).

Масанов; Венгеров. Источ.

БОРОВКОВА-МАЙКОВА Мария Семеновна (1879—?), авт. трудов по др.-рус. литературе.

Авт. кн.: «Великий старец Нил, пустынный Сорский» (1908); «О литературной деятельности Нила Сорского» СПб., 1911; «Нил Сорский и Паисий Величковский». СПб., 1911; была публикатором и авт. вступ. ст. «Сорский, Нил. Предания и Устав» (1912). Была ред., авт. примечаний и вводной ст. кн. «Арзамас и арзамасские протоколы». Л., 1933. Авт. ст. «Пушкин в Болдине в октябре 1832 г.» \ \ \ Временник Пушкинской комиссии. 4—5. М.-Л., 1939. С. 479—480.

Венгеров. Источ.; Розанов (у него — Боровикова-Майкова); РНБ.

БОРОДАЕВА.

Писала в юные годы (1821). Венгеров. Источ.

БОРОДАЕВСКАЯ Александра Антоновна (псевд. Каноненко), писательница 1900-х гг.

Масанов; Венгеров. Источ.

БОРОДАЕВСКАЯ Варвара Ивановна (псевд. Ясевич, В.; 1861—1920), исследовательница раскола и сектантства.

Оконч. Екатеринославскую гимн, Полтавский ин-т благородных девиц; училась на СПб. высших женских курсах. Была знакома с И.С.Тургеневым, А.С.Пругавиным, Я.П.Полонским, Г.И.Успенским, Я.В.Абрамовым. Уч. в «хождении в народ». Сотр. в «Рус. вед.», «Сев. вестн.», «Ист. вестн.», «Новом слове». Уч. в сб. «Памяти Надежды Васильевны Стасовой». СПб., 1896 — как авт. некролога Н.В.Стасовой.

Масанов; Венгеров. Источ.; Автобиогр.; Смирнов-Сокольский.

(Продолжение на стр. 29)

Самая глухая, самая маленькая, самая чистая Утка

Деревня Утка, вернее то, что от нее осталось, — это один из самых глухих и труднодоступных уголков Пригородного района. Осталось всего три жилых домика с 3–4 жителями в них. Несколько домов уже давно заброшены и разрушились. Нехоженные луга вокруг деревеньки, прекрасная чистая речка, глухая тайга, болота. Как награда путешественнику за долгий, трудный путь, открывается деревенька чистой, большой поляной в излучине реки Межевая Утка. Место слегка приподнято над рекой, над тайгой и болотами. Поляна эта, в изгибе-полукольце речки, наклонена на юго-запад, понижается к речке и радует душу и глаз. Умели предки выбирать место для жительства. Выделяется деревенька не только чистым, гармоничным

пейзажем, но и своими жителями. Они не сквернословят, приветливы, гостеприимны, нет безудержной пьянки.

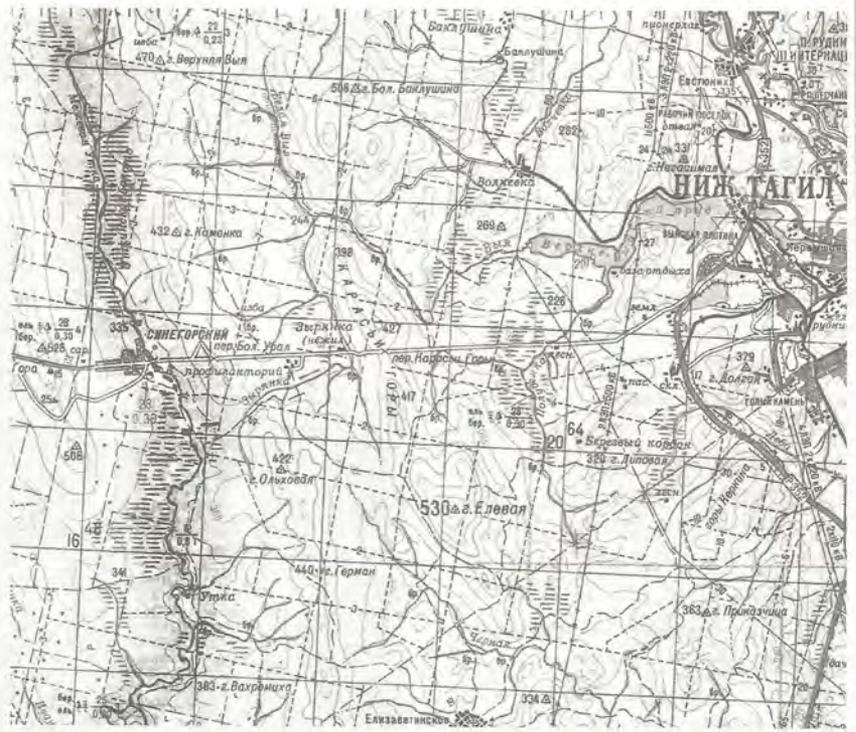
У нас было 4 населенных пункта, в которых присутствовало название Утка. Все они расположены по речке Межевая Утка. Это поселок Межевая Утка (ныне Синегорский), деревня Утка, поселок Висимоуткинск, село Усть-Утка. Из них деревня Утка самая малоизвестная, самая маленькая, самая заброшенная. В ней есть еще банька, строящаяся дача, крошечное кладбище, которое сразу и не заметишь. Кладбище в виде группы деревьев, между которыми могилы. Это всего в 50 метрах от жилых домиков. Самое большое строение — будущая дача. Она принадлежит гальянскому свя-

щеннику отцу Геннадию, батюшке, как называет его старожил деревни Василий. Грустное впечатление оставляют давно заброшенные, разваливавшиеся дома. Ведь когда-то жителей в деревеньке было значительно больше. Старушки перемерли, молодые не задержались. В 4 километрах от деревни Утки, на Карасевой горке, был кержацкий скит и жили люди. Но Советская власть не любила тех, кто хотел жить сам по себе, независимо от нее Скит разогнали в 60-е годы. Часть жителей с Карасевой горки сбегала в деревню Утку, часть посадили. К тому же, «до кучи», старушек кержачек ограбили, отобрав самое ценное, что у них было — иконы. В деревне Утке население прибавилось, было даже до 20 изб. В 90-е годы

в деревне появились казаки. Они с энтузиазмом попытались сделать из деревни казачий хутор. Принялись пахать, сеять, даже поставили крест на месте будущей часовни. Жизнь и работа в такой глуши требует немало жертв. Нужно оставить такие блага, как электричество, центральное отопление, водопровод, горячая вода, газ, магазины и другое. Так или иначе, но казаки охладели к деревне. Но зато деревня понравилась тагильскому священнику, где у него уже 8 лет живет отец Иван Зосимович. Иван Зосимович заядлый рыбак, и я с большим удовольствием говорил с ним о речке, о жизни, о рыбалке. Из старожилов в деревне остался один Василий, ему 50 лет, и живет в доме, что остался ему от бабушки. У него я и останавливался и кушал прелесть настоящего молока. От него я узнал многое из жизни деревеньки. В прошлом в домике Василия останавливались рыбаки и охотники, иногда негде было ступить из-за спящих людей. Нередки были волки, медведи, немало было глухарей, тетеревов.

Итак, лет 6 назад шефство над деревенькой взял батюшка, и надо сказать, весьма активное. Свидетельство этой активности — 2 танка и один бульдозер. На 3 домика и четырех жителей это с избытком. Эта техника необычно смотрится в такой глуши. Один танк (инженерная машина на основе танка) сломался, другая инженерная машина и бульдозер еще живы. Священник время от времени проверяет свое хозяйство, своих служителей и работников. Василий смотрит за коровами, доит их, помогает ремонтировать технику. Встретился я со священником в жаркий июньский полдень. Один мужик в трусах на бульдозере с ведром, а двое под бульдозером что-то ремонтировали. Тот, что в трусах, и оказался батюшкой. Об этом я догадался по интонациям в голосе, по культуре речи. Батюшка сравнительно молод, симпатичен. Он в тот день приехал на вездеходе в сопровождении трактора со стороны Бобровки (село Елизаветинское). Отец Геннадий взял с

собой четырех красивых дочерей. Две младшие при моем грозном появлении стали прижиматься к отцу, чувствовалось, что они его любят. Я поздоровался со всеми, договорился с Василием и пошел отдохнуть и закусить после тяжелого пути в его домик, затем стал готовиться к вечерней рыбалке.

Василий уважает батюшку, несмотря на то, что тот строг со своими работниками. Василию скучать некогда. Он пасет коров и коз, доит их, печет хлеб, ремонтирует домик, читает художественную литературу, рыбачит. Его кот забавно выполняет команды хозяина, одна коза ходит на задних ногах, с Василием можно с интересом поговорить о жизни.

Теперь перейду к рассказу о жизни речки и ее обитателях. В этом году в верховье Межевой с 20 мая установилась наконец-то ясная, жаркая погода. Если ночи еще холодные (до 0°С), то днем температура поднималась до 22°С в тени. К июню установилась настоящая жара. Даже ночью температура не опускалась ниже 15°С, а днем поднималась почти до 30°С. 18–19 мая начался мощный паводок в верховье речки, из-за интенсивного таяния снега в лесу и по берегам речки. Уровень воды поднялся почти на метр. Обшир-

ная пойма ниже Синегорска была залита водой.

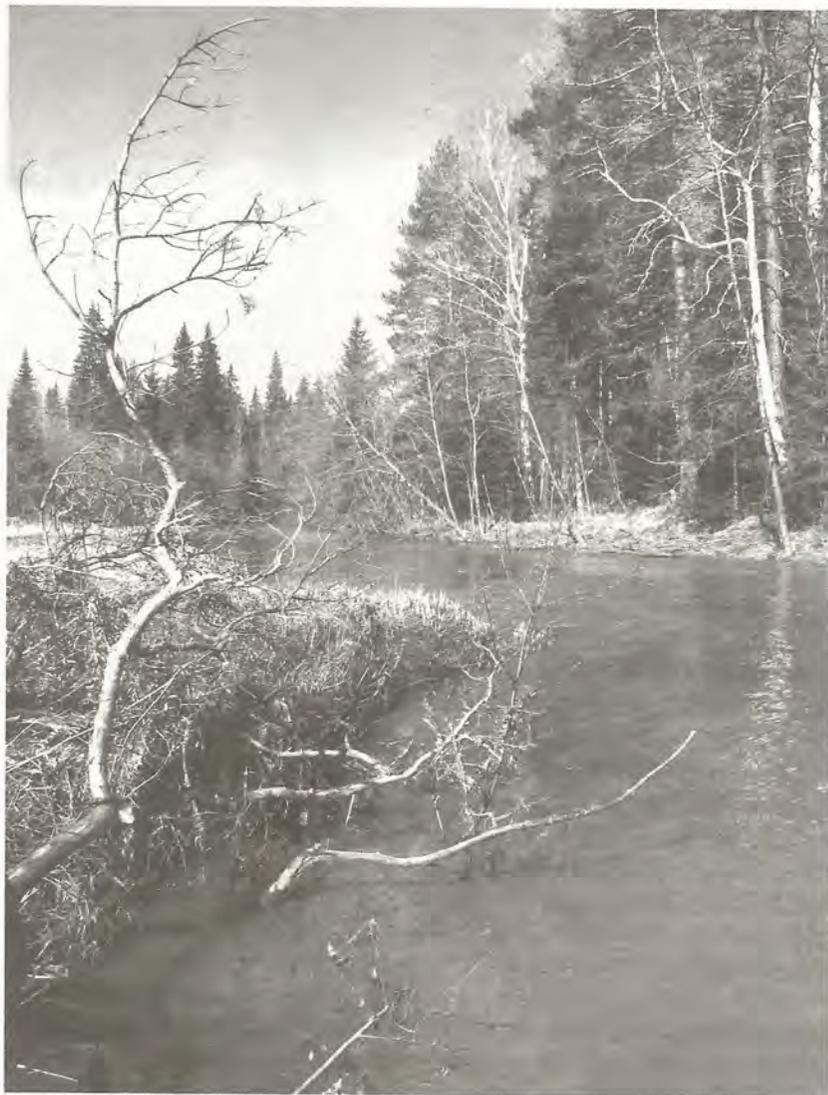
Несмотря на жару, кое-где по берегу речки в конце мая были еще подушки снега до метра толщиной. Вода была холодной (6–8), коричневого цвета, с прозрачностью до 1 метра. Но из-за жары вода быстро прогрелась, особенно в пойме. В проточном Гагаринском озере, которое образует Межевая Утка, 4 километра ниже Синегорска, вода прогрелась до 22°С. В самой речке ниже озера, у деревни Утка, всего 15–16°С. Причина этого — очень холодные ручьи, впадающие в речку ниже озера (Филенка, Ольховка и др.). В этих ручьях, даже в самую жару, вода не прогрелась выше 12°С. Сама деревня расположена чуть ниже устья Ольховки. К середине июня вода сильно спала, полои исчезли, речка вошла в межень, прозрачность немного увеличилась. Обычно для предгорных речек, какой и является Межевая Утка, характерно следующее: чем выше по течению, тем вода в речке холоднее, чище, прозрачнее, тем меньше примеси болотных вод.

Для речки выше деревни характерна обратная ситуация. Естественной причиной такой ситуа-

ции является наличие Гагаринского озера, верховых Уткинских болот. Искусственными причинами являются многочисленные гидротехнические сооружения выше Гагаринского озера. Основная часть воды реки у Синегорска направлена по восточному каналу, с его шлюзами, сбросами, тоннелями.

Другая часть реки образует у Синегорска небольшое водохранилище. Из которого по трубам, что проложены под дорогой на поселок, она протекает в западный канал и в пойменные озера. Проходя по западному каналу, вода проходит через мертвый подтапливаемый лес, затем образует небольшой проточный пруд-озеро. Выходя из пруда, западный канал сливается с восточным и в виде одного потока впадает в Гагаринское озеро, из которого Межевая Утка вытекает единым потоком. Естественно, проходя через всю эту систему каналов и озер, через мертвый лес, вода приобретает свойства болотной воды, прогревается, особенно летом. Верховые Уткинские болота тоже придают воде болотные свойства. Короче, из Гагаринского озера вытекает уже не горная речка, а лесная, с большой примесью болотных вод. Этим Межевая Утка (верховье) отличается от Большой Ашки, верховье которой рядом. В Большой Ашке такой аномалии нет. Это настоящая полугорная речка. Такие свойства воды верховья Межевой приводят к тому, что чем выше подниматься от деревни Утка по речке, тем хариуса становится все меньше и меньше. Гагаринское озеро также является препятствием для хариуса, особенно летом из-за прогрева воды. Елец и особенно хариус не любят теплой болотной воды. Ниже Гагаринского озера в речку впадает много холодных ручьев. Вода в речке все более охлаждается, и относительно меньше становится примеси болотных вод. И уже у деревни Утка успешно можно ловить хариуса, ельца, налима.

В Гагаринском озере рыбаки ловят окуня, щуку, сорожку, а в холодную погоду и налима, который

в озере крупнее, чем в речке, и достигает 1,5 кг. Зимой попадает и крупный хариус. Обычным спутником хариуса в речке является надоедливый речной голян-красавка, который часто заглатывает червя, равного ему по величине. В начале лета голяны оделись в брачный наряд: тело стало черным, а губы и брюшко-ярко красными. Хариус и елец уже давно отметили икру. Пескарей почти нет у деревни Утка, как и уклейки. Во множестве они появляются ниже Смородинской плотины. По словам Василия, в речке у деревни водится и бычок-подкаменщик.

Со слов местных рыбаков, в 2005 году появилась форель у деревни и в ручье Ольховка, считают, что она пришла из Смородинского водохранилища, что значительно ниже по течению, куда молодь форели выпустил какой-то предприниматель.

Первое путешествие мое в конце мая пришлось на сильный паводок. Воды было очень много, необычно холодной, клева не было. У Синегорска рыба пошла в полои, и в местах, где вода вытекала из них, рыбаки пытались ловить ее сетями и экранами, но без успеха. Им изредка попадалась щучка, которая тоже двинулась в полои за рыбной мелочью. В середине июня жара еще усилилась. Вода сильно спала, и я неплохо половил вечером хариуса и ельца у деревни Утка. Клев утром, против ожидания, был слабым. Причина этого, вероятно, в усилении жары и высокого давления, в сочетании с интенсивным прогревом воды. Хариус не переносит сильную жару, но еще более не любит ее налим, который не брал совершенно. Недоедал голян. Хариус попадался, в основном, мелкий, елец крупный. Более крупный хариус, по моему, сейчас

ловится ниже Висимо-Уткинска и в Большой Ашке. Но приведу воспоминания заядлых рыбаков из деревни Утка по этому вопросу.

По их словам, в 60–70-е годы «золотари» мыли золото у Синегорска. Их штрафовали иногда (но бесполезно) за порчу хариусиной речки. Речка все время была мутной, зато круглые сутки ловился налим. Хариус раньше попадался 600–700 граммов, сейчас лишь до 300 граммов. Причиной измельчения хариуса они считают постройку Смородинской плотины, из-за нее хариус перестал проходить из низовьев речки в верховья. Согласен, но добавлю, что замутнение речки в прошлом и интенсивный вылов местными и приезжими рыбаками внесли свою лепту в уменьшение размеров хариуса и его количество. По словам местных рыбаков, раньше по ведру хариуса за вечер ловили. Зимой рыбаки не ловят хариуса, да он почти и не ловится, хотя часть хариуса все-таки остается в речке на ямках. Зимой в теплую погоду изредка попадает очень мелкий хариус.

В беседе с местным рыбаком я усомнился в том, что они ловят голавля у деревни. Скорее всего, их «голавль» не тянет на такового сразу по нескольким признакам. Это, очевидно, крупный подвид ельца, а именно сибирский елец. Голавль и елец очень близкие виды одного рода ельцовых, и их легко спутать. Сибирский елец бо-

лее крупный и более яркий, чем обычный елец. Голавль же ловится у Висима и ниже. Хариус еще заходит в речку Смородинка, что впадает в Межевую значительно ниже.

Чуть ниже деревни каменные перекаты, по которым речка течет в тоннеле из склоненных над водой ив, черемух и ольхи. Чуть ниже, проходя более пологие и спокойные болотистые места, речка начинает делать коленца-изгибы, затем снова убыстряет свое течение на перекатах.

На дне речки на перекатах встречаются пластинки темной, почти черной породы, нередки и светлые, кремнистые породы.

Упавшие в воду деревья — частое явление. На нехоженных лугах по берегу цветут: лютик едкий, купальница майская, герань лесная, чистотел, одуванчик, мать-и-мачеха, иногда зверобой, чемерица и другие травы. Над водой склоняются ива, черемуха, ольха. Цветет шиповник. Чуть далее от берега, с краю поймы, обычны береза, осины, липы, сосны, ели, изредка лиственницы. В начале лета все было в пышной зелени. Лето на подъеме. У самого уреза воды цвела желтыми цветами калужница болотная. На мелководье обычны белокопытник, хвощ приречный. Если берег низкий, вместо луговой растительности преобладает уже болотная из осок нескольких видов, камыша лесного. Мощная полуводная рас-

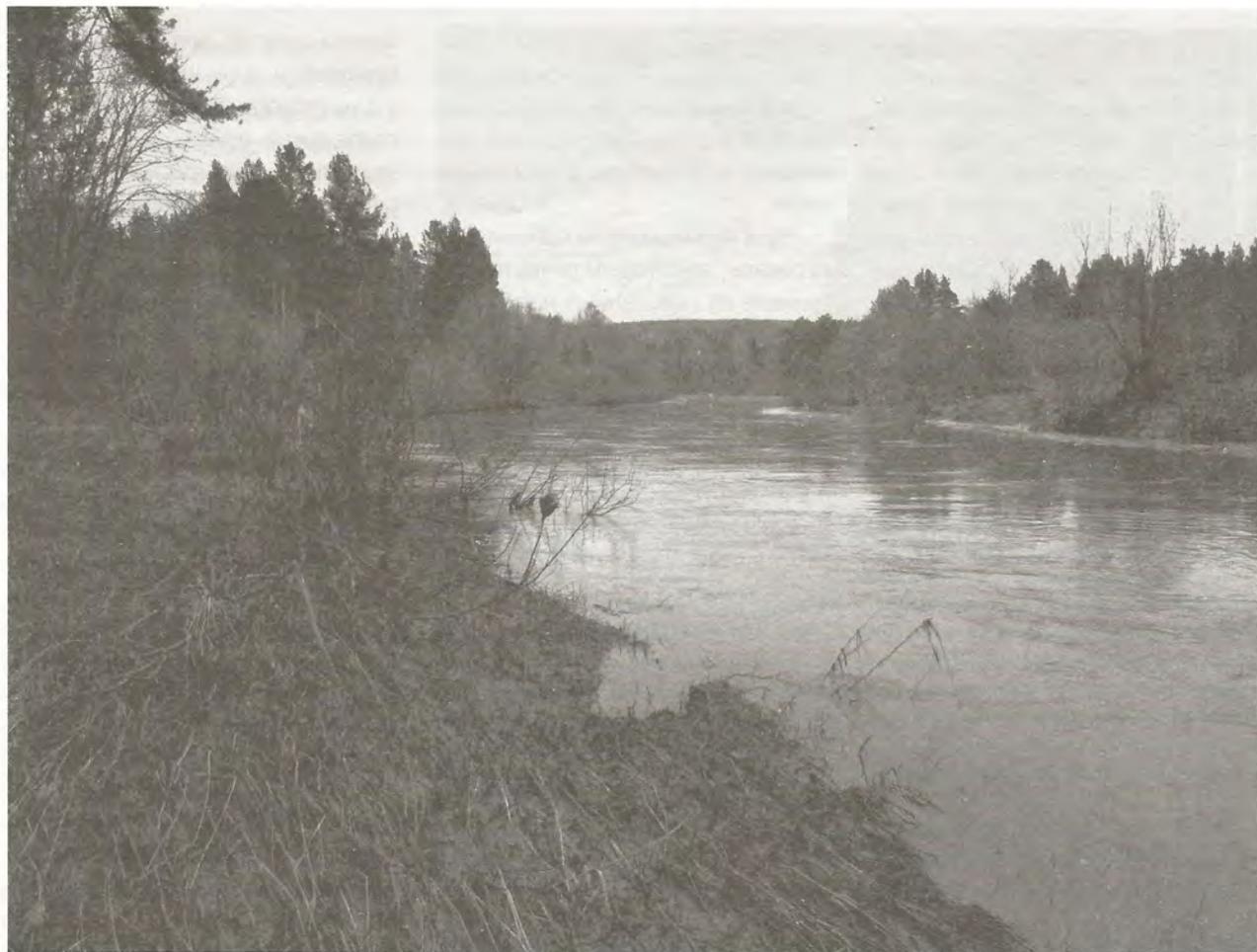
тительность из рогаза, тростника характерна для широкой поймы у Синегорска. Ниже Гагаринского озера такой поймы нет, как нет и заросли из этих растений. А дно речки украшают настоящие водные растения: лютик диварикатус, ключевой мох-фонтиналис, который делает из камней темно-зеленые подушки. Эти растения любят чистую, холодную воду. Ближе к берегу, где потише, встречается элодея канадская.

В начале лета закружились по речной поверхности серебряными живчиками жуки-вертячки. Заскользили водомерки. Стрекозы появились во множестве лишь в начале июня. Крупных стрекоз в начале лета не попадалось, а лишь мелкие: красотки, стрелки. Из настоящих водных насекомых встретились реофильные виды ручейников родов анаболия и стенофилакс. Из поденок встретилась крупная, до 2-х сантиметров, личинка, возможно, рода лептофебия.

Вода в речке не цветет из-за холодности, по крайней мере, ниже Гагаринского озера. Нет речных раков, но в прошлом веке они были в Межевой Утке. Перловицы — крупные двустворчатые моллюски — здесь отсутствуют, хотя во множестве появляются ниже Смородинской плотины. К подводным камням иногда прикрепляются мелкие двустворчатые моллюски. Меню хариуса и ельца (определил по содержимому желудков) здесь состоит из личинок ручейников, стрекоз, мелких моллюсков, мелких пиявок, жуков-вертячек, мелких водяных клопов. В меню также входят черви и гусеницы, жучки, бабочки, слепни, мухи, муравьи и другая живность, попавшая в воду. Могут поедать икру голянов и других рыб.

В середине июня у Синегорска в западном канале наблюдал неприятное зрелище. Из-за жары и быстрого прогресса воды тысячи брюхоногих моллюсков-прудовиков всплыли, их снесло в закоряженные места. Здесь они образовали большие копошащиеся биомассы, оставляющие жуткое впечатление,

т.е. сильная жара не нравится не только хариусам, но и моллюскам. Лесные болота недалеко от речки оглашались в конце мая мощным лягушачьим концертом. Иногда травяные лягушки играли свадьбы прямо в талой воде на льду.

Ужей не заметил, лишь ящерицы оживляют прибрежную траву. Из птиц на берегу обычны всеядные трясогузки. Голоса кукушек оживляют лес в начале лета. В паводок не раз вспугивал уток, которые уже разбились на брачные пары. В конце мая над обширной, залитой водой поймой у Синегорска носились и пронзительно кричали чибисы. К середине июня вода спала и прогрелась, чибисы стихли, но на смену им пришли крикливые чайки и крачки. Ниже Гагаринского озера в лесу нет простора для чаек, крачек и чибисов, нет и их самих. Речку оживляют и ондатры. Ниже деревни Утка есть и настоящие речные архитекторы — бобры, которые перегородили речку плотиной настолько прочной, что даже паводок не

может ее смыть, вода просто переливается через плотинку. Ондатры и бобры — самые симпатичные из грызунов, достойны внимания и даже любви. Они очень украшают и оживляют речку. Их надо беречь, как нашу самую ценную рыбу — хариуса.

Собираясь в обратный путь, я впервые увидел в этой почти погибшей деревеньке женщину средних лет. Она одинока, вернулась из

Елизаветинского (Бобровка), где проработала несколько лет. Вернулась к могилам предков, несмотря на то, что домик ее давно разрушился. Привела с собой несколько коз. Пытается снова обустроиться в родном месте, хотя это будет не легко. Ей пришлось добираться одной через тайгу

Хочется верить, что с возвращением женщины деревенька возродится и будет жить всегда.

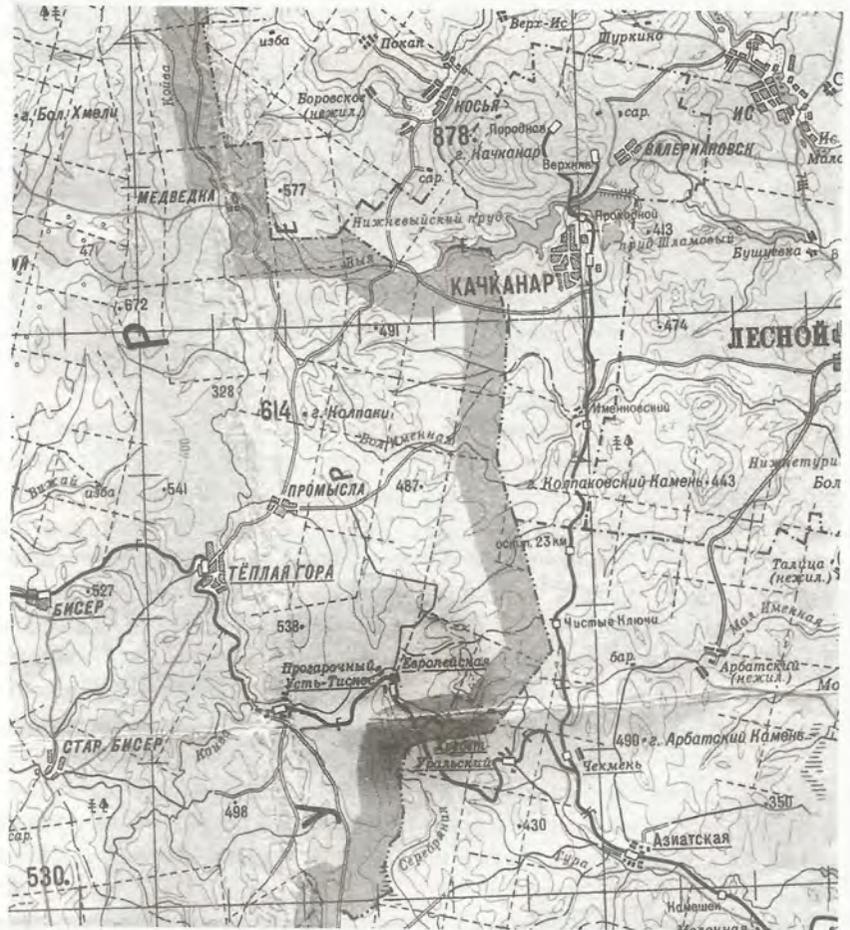

Неизвестная катастрофа

В июне 2000 года мне пришлось участвовать в двух интересных экспедициях по поиску места катастрофы современного истребителя МиГ-29, которая произошла более десяти лет назад. Точное время катастрофы мы, участники экспедиции, не знали и вообще располагали лишь устными рассказами двух свидетелей — жителей станции Европейская.

Прибыв на станцию, мы первым делом разыскали одного из очевидцев воздушного учебного боя, который рассказал нам, что в летний ясный день 15 июля 1991 года наблюдал в небе полет двух современных истребителей, притом один из них явно преследовал другого. Они выполняли различные виражи, резкие подъемы и пики, а затем один из самолетов исчез за горизонтом, послышался отдаленный гул, и произошло небольшое сотрясение земли. Второй самолет, совершив круговой облет, вскоре исчез из виду.

Уже на следующий день жители станции Европейская могли наблюдать, как над близлежащими лесами летали и самолеты, и вертолеты. Они явно что-то искали в районе небольшой горы Подпора, на склоне которой с обеих сторон проходят две линии электропередачи. Лето тогда было жаркое, грибное, и наш знакомый с братом отправился по грибы в ту сторону, где летали вертолеты над тайгой. Через семь километров им стали попадаться металлические части серебристого цвета. Стало ясно, что здесь что-то случилось, произошла катастрофа, так как неделю назад они собирали в этом же месте грибы и никаких железяк здесь не валялось. Затем над лесом завис очень большой военный вертолет, совсем рядом с верхушками деревьев, пилот спра-

шивал жестами в раскрытое окно кабины, можно ли здесь приземлиться. Они жестами показали, что здесь невозможно приземлиться, и вертолет улетел в сторону лесосеки, где и совершил посадку. А вскоре на месте катастрофы военными был установлен памятник.

В день гибели летчика военные всегда прилетали на могилу к своему однополчанину, но вот уже несколько лет ее никто не посещает. Заросло место катастрофы, заросла тропинка к памятнику, и найти ее несведущему человеку трудно, практически невозможно.

Наш очевидец не смог проводить нас к месту гибели летчика, зато он подробно рассказал нам, как можно найти это место, и мы отправились в путь. Тысячи комаров и слепней сопровождали нас все семь километров пути. И вот у высоковольтной линии мы увидели первые признаки данной катастрофы. В траве лежали обломки серебристого металла, куски электронных плат с торчащими лохмотьями проводов, трубки, составлявшие когда-то конструкцию самолета. Можно было лишь догадываться, что вон та тяжелая железяка — часть шасси...

Долго бродили мы вокруг, натываясь на обломки грозного некогда истребителя. А вот могилы что-то не было видно. Тогда мы разбились на

тройки и разошлись в разные стороны, продираясь сквозь кустарник, петляя между деревьями.

Через четверть часа поисков раздался, наконец-то, долгожданный крик: «Александр Сергеевич, нашли!» Не зря я так верил в своих ребят. Это не домашние избалованные дети. В этих ребятах я всегда уверен — не дрогнут, не устанут, не подведут. Потом, пробираясь на возгласы, заметили уже блеск обелиска. Вот она — могила, поросшая кипреем, обрамленная по краям

серебристым металлом с рваными краями — тем, что осталось от истребителя.

С поблекшей уже фотографии смотрит на меня симпатичный двадцатилетний парень. Только здесь узнаю полное его имя — Александр Иванович Хохлов. «Погиб при исполнении служебных обязанностей», — написано на памятнике.

О чем думали мои следопыты, молча стоя вокруг могилы летчика? До всех ли дошло, что нашли они не очередную достопримечательность района, а сотворили как раз то, ради чего живет человек? Прикоснулись к истории родного края, отдав дань памяти совершенно незнакомому им человеку, соотечественнику...

По возвращении из первой экспедиции на станцию Европейская показали местным жителям небольшие части от самолета, которые мы взяли с собой, чтобы отдать в музей. Одна из жительниц сказала: «Не берите ничего с места катастрофы, там все радиоактивное. У нас один мужчина натаскал себе в сарай кучу железяк с самолета и вот недавно умер, а ведь молодой еще был. И еще одна женщина заболела, она эти части в руки брала». Мы немного смутились, но женщине не поверили и не выбросили находки.

Приехав в город, мы сразу обследовали наши находки в СЭС на радиоактивность, которая оказалась

в норме. После этого председатель комитета по охране природы дал нам задание сделать отбор пробы грунта с места катастрофы, чтобы и ее исследовали в СЭС на радиоактивность.

Итак, мы выехали во вторую экспедицию, чтобы выполнить данное нам поручение. Воронку от взрыва мы искали также очень долго, все заросло травой кипреем, мелким кустарником. И все-таки воронку мы нашли — на небольшом пятачке размером в пять метров ничего не росло. Именно сюда врезался истребитель. Взяв пробу грунта, мы вышли к могиле, возложили венок и, окруженные тысячами комаров и слепней, отправились в обратный семикилометровый путь.

Пробы грунта также оказались не радиоактивные, но мы считаем, что на этом месте необходимо провести новые исследования по влиянию этой катастрофы на экологию данной местности. Найденные части и разбитые приборы с места катастрофы мы передали в музей.

Все известные катастрофы имеют свои адреса, координаты, имеют свои памятники. И живые, приходя в эти трагичные места, знают о происшедшем, вспоминают, грустят о погибших, поминают их. Это называется народной памятью.

Хочется, чтобы эта, практически безвестная, могила летчика-истребителя Хохлова имела свою историю не только в скупых строках «погиб при исполнении служебных обязанностей». Необходимо найти ответы на возникающие вопросы: почему, как, по какой причине погиб человек? А кто он, этот 29-летний офицер? Была ли у него семья и где его родители? В какой военной части он служил, кто его друзья, однополчане? Также возникают другие вопросы — отразился ли на экологии района катастрофы удар о землю 15-тонного военного истребителя, напичканного до предела современными приборами и радиосхемами и заправленного наверняка не одной тонной авиационного бензина или керосина? Судя по обследованному месту катастрофы, был удар истребителя о землю, но взрыва и возгорания не произошло. Поэтому и не могли военные сразу найти место катастрофы.

Прошло более десяти лет, и никто не интересуется экологией этого места из-за замалчивания военными этого происшествия. А ведь люди в этих местах собирают грибы и ягоды. Нам хочется найти ответы на вопросы, мы хотим, чтобы не заросла тропа к могиле нашего соотечественника, погибшего при исполнении воинского долга перед своей Родиной.

БОРОДИНА Александра Григорьевна (урожд. Перетц; псевд. Йорик; 1846—не позд. 1915), переводчица, писательница, мемуаристка.

Жена ботаника И.П.Бородина. В журнале «Будильник» и др. публиковала статьи и бытописат. фельетоны; эпизодич. выступала как критик. Напис. пов. «Драма в сумасшедшем доме» («Мирской толк», 1879, № 5—10, 12, 13), где тема свободной любви развивается на «худож. уровне» бульварн. романа. Вместе с А.Н.Энгельгардт (См.) впервые пер. на рус. яз. «Сентиментальное воспитание» («Воспитание чувств») Г.Флобера и «Исповедь сына века» А.Мюссе. Кроме того, переводила сказки Э.Золя, а также немецкие сказки для детей. В доме карикатуриста Н.А.Степанова (его сын был первым мужем Б.) познакомилась с А.С.Даргомыжским и Н.А.Некрасовым, о которых оставила воспоминания. Не опубл. ее воспоминания «Н.А.Степанов и кружок сатирич. журн. «Будильник» (ИРЛИ. Р. 1, Оп. 2. № 105).

Слов. рус. писательниц (Степанова А.Г.); Русские писатели (портр.); Венгеров. Сл.; Автобиоогр.

БОРОДИНА Екатерина Сергеевна (урожд. Протопопова; 1832—1887), авт. воспоминаний.

Пианистка, композитор, жена композитора и ученого-химика А.П.Бородина. «Воспоминания об А.П.Бородине, записанные С.Н.Кругликовым». — В кн. Музыкальное наследство. Т.3. М., 1970. С. 241—251. см. также: А.П.Бородин в воспоминаниях современников. М., 1985.

ИДРДВ. Т.3.Ч.3. № 6427; Т. 5. Ч. 2. Ук. им.

БОРОДИНА Мирра Ивановна, поэтесса, авт. критич. статей.

Дочь ботаника И.П.Бородина. Совм. с Р.Н.Блох (см.) вып. кн. стихов «Заветы» (Брюссель, 1939; рец. — Пильский П. \ \ Сегодня. 1939. № 284, 14 окт. С.8).

Венгеров. Источ.; Алексеев А.Д.

БОРОДИНА Ю.

«У окна» \ \ «Маленькие альманахи» Кн. 4. СПб., 1911. Голубева.

БОРОДКИНА Мария Викторовна, публицистка.

Авт. ст. «Рыбацкий быт в Прибайкалье». Иркутск, 1926. «Деревня Иткара Томского края: Хозяйственно-бытовые очерки». Томск, 1927. Здобнов; РНБ.

БОРОЗДИНА Елизавета Николаевна (?—1890), дет. писательница.

Издавала и редактировала журн. «Детский сад» (с 1869 г.) сначала в сотр. с В.Токмачевым, а потом с А.С.Симонович (см) и печаталась в этом журн. — Е.Б. С 1877 название переименовалось на «Воспитание и обучение». «Рождественские рассказы для детей». СПб., 1870—71; «Ядовитые растения». СПб., 1870; «Год в деревне. Ч. 1. Весна» — «Детский сад» 1871. № 1.

Слов. рус. писательниц; Масанов; Венгеров, Источ; РНБ.

БОРОЗДИНА-КОЗЬМИНА Тамара Николаевна (1892—1959), историк искусства, востоковед.

Заведовала отделом Востока ГМИИ (1912), была зам. председателя Комиссии по восточному искусству Всесоюзной научной ассоциации востоковедов (1924). (См. Шилейко В.: Последняя любовь. Переписка с Анной Ахматовой и Верой Андреевой и др. материалы. М., 2003). Авт. брошюр: «Египетские культурные модели». М. 1917; «Древне-египетский танец». М. 1919.

РНБ (Бороздина Т. Н.).

БОРХСЕНИУС Екатерина Иринеевна (урожд. Миропольская; ?—после 1930), литературовед, авт. воспоминаний.

Жена доктора Н.Ф.Борхсениуса, лечившего Н.С.Лескова в последние два года его жизни. «Мои воспоминания о Николае Семеновиче Лескове» \ \ В мире Лескова. М., 1983. С. 342—359 (1891—1895. Знакомство с Лесковым на даче под Нарвой. Общение с писателем). Сотр. «Пантеона Литературы» 1880-х гг. Ее надгробная речь напеч. в сб. «Памяти Надежды Васильевны Стасовой» (СПб., 1896). авт. исслед. «представители реального романа во Франции в XVII столетии». СПб., 1888.

Венгеров, Источ.; Смирнов-Сокольский; ИДРДВ. Т. 5. Ч. 2. № 2800.

(Продолжение на стр. 57)

Сказка Трунеля*

I

За углом трактира трое мальчишек били ногами четвертого. Били не слишком вдохновенно и не проявляя особой изобретательности. Видимо, они размышляли, не прервать ли свое занятие, требующее некоторого напряжения сил, ради какого-нибудь другого, менее утомительного. Тем более что они могли бы продолжить забаву на следующий день. Мальчик, вынужденный сейчас лежать на земле и получать удар за ударом, тоже не выказывал сильных чувств. Он вел себя смиренно и не пытался сопротивляться, если не считать того, что он принял привычную для себя позу и скорчился, защищая голову руками, а промежность коленями. Он даже закрыл глаза и, казалось, потерял всякий интерес к происходящему. Не получив очередного удара, он некоторое время полежал в прежней позе, а затем сел и завертел головой. Его обидчики уходили прочь, не оглядываясь. Тогда он похлопал себя по бокам, убедился, что непоправимых повреждений ему не нанесли, и поднялся на ноги, после чего засвистел и уверенной походкой направился к двери трактира.

— Эй, трактирщик Лурвиналь! — тонко и пискляво закричал он, входя в зал. — Налей-ка мне выпить, да поживее. И запиши на счет — звонкой монетой я сегодня не запасаю.

Эти слова он сопроводил безобразным ругательством, что, однако, не произвело никакого впечатления на собравшуюся публику. Как обычно, в зале сидело полдюжины мастеровых и один дальний путешественник с испитым лицом, а в углу за столиком спала падшая женщина по кличке Плетка.

— Тебя что, опять побили? — поинтересовался трактирщик по фамилии Лурвиналь. — Вот болван! Зачем пожаловал?

— За выпивкой, — ответил побитый мальчик. — Да не вздумай отказать.

— Мал ты еще, — сказал трактирщик. — Поди-ка лучше отомсти своим обидчикам.

Мальчик понурился и пошел к выходу, но не сделал и нескольких шагов, как одним скачком оказался у стола, за которым сидели фермеры. Он схватил чью-то кружку и в одну секунду осушил ее. После чего замер, покорно ожидая трепки. Но никто не подошел к нему, зато раздался одобрителный хохот. Мальчик подумал, потом резко подпрыгнул и перекувырнулся в воздухе, встав ногами на прежнее место. Раздались жидкие хлопки; Плетка приподняла голову, обвела зал сонным взглядом и снова зарылась лицом в свои пухлые ручки. Дальний путешественник почесал грудь и бросил мелкую монету, которую мальчик поймал, ответив дарителю презрительной усмешкой.

— Монета принадлежит мне, — заявил трактирщик Лурвиналь. — Довольно тебе являться сюда без разрешения и не платить за мое вино.

— Ты за все получаешь другой монетой, — ответил поваленный мальчик. — Или ты больше не рад тому, что моя мамка балует тебя дружбой? Я скажу ей, что ты скряга. И кто знает, захочет ли она дальше терпеть рядом с собой такого увальня, как ты. Не пришел на помощь, так хоть не жалея лекарства.

— Ай, как ему не стыдно, безобразнику, — всплеснул руками трактирщик. — погоди, однажды мы сговоримся с твоей родительницей, и тогда я непременно возьмусь за твое воспитание на законных основаниях.

Это происходило в небольшой долине, посреди которой возвышался большой и могучий форт, окруженный сухим рвом, в который часто падали фермерские козы. Лет десять назад гарнизон форта почему-то поджег его и оставил. Наверно, поступить так его вынудили очередные тревожные события в столице, о которых никому не было точно известно. Вообще, такие слова, как «столица», «король» и «армия», произносились только шепотом. Те времена вообще были беспокойными. Опасались, что вот-вот откуда-нибудь нагрянет чужое войско и натворит дел, как бывало раньше. Иностранцев-соседей тогда представляли не иначе,

АВТОР

Молодой уральский писатель Алексей Кошкин, автор книг «Мышата из старого замка», «Люди и те, кто против них», «Указка», опубликованных в Екатеринбурге и Москве, закончил роман «Щит Паальхарда». Это история некоего европейского государства начала эпохи Возрождения. Некоторые из частей романа представляют собой сюжетно законченные произведения. Их можно читать как отдельные повести. Журнал предлагает читателям первую часть романа.

* С согласия автора печатается в сокращении.

как закованными в латы, с окровавленными копьями и черепами на знаменах; их конница непременно должна была топтать всех и вся, мучая и убивая. Об этом кричали королевские глашатаи, которые предупреждали подданных о неминуемой агрессии враждебных государств. Особенно боялись государства Апалант на севере, которое с некоторых пор стало республикой, а его жители, лантийцы, стали, по слухам, подозрительно счастливыми, богатыми и всю декларировали собственное миролюбие. Однако чужое войско не появлялось, зато по дорогам передвигались крупные и мелкие отряды вооруженных робелийцев, как правило без знамен и часто без предводителей; кому принадлежат эти отряды, порой и предположить было невозможно. Предсказать их действия тем более было нельзя: иногда они шли мимо, не заходя в кабаки и даже не заночевывая ни в одном ближайшем поселке, молчаливо исчезая в сумерках. Напротив, случалось, что такой отряд на несколько месяцев застревал где-нибудь в долине и образовывал что-то вроде фермерской общины. Часто от

подобных отрядов исходила опасность — они пытались установить свои порядки, требовали налог с местных жителей, а недовольных убивали. Впрочем, наоборот, иногда убивали довольных, а недовольных не замечали. Подобные истории кончались одинаково. Появлялся другой отряд, во имя короля мугузил жестоких пришельцев, и становился на их место.

А в столице творилось что-то новое, великое и кровавое. Местный собака-судья ходил бледный и задумчивый — ему предстояло писать отчет о проделанной годовой работе, однако он почему-то медлил. Лениво выполняли свои обязанности и все другие государственные чиновники в долине, да, наверно, и во всей Робелии. Те, кто сунулся было в столицу с докладом, вернулись не все, но возвратившиеся нехотя намекали на скорые перемены. Какие перемены? Может, кто-то и знал, но сказать не хотел или не умел, а так уж повелось, что сельский люд не слишком-то понимает намеки. Но однажды появился старый человек, одетый как знатный вельможа: его сопровождал один такой же старый те-

лохранитель с замечательных размеров тесаком на поясе. Вельможа произнес следующую речь, причем лицо его выражало неподдельное облегчение, ведь только сейчас он доподлинно знал слова, которые мог произнести, не опасаясь за свою жизнь:

— Слушайте же, благочестивые подданные славного королевства Робелия! Ныне вами правит величайший из королей, а величать его — Шарбо Первый. Прежний король, да не будет названо имя его, презреннейший из ничтожнейших, ввергнут ныне в пучину заслуженных страданий, которые ожидают каждого преступника по ту сторону смерти. Ваш мудрый повелитель Шарбо Первый высочайше повелевает...

По ближайшим поселкам пронесся ропот: спрашивали друг друга, что означают эти странные новости, что такое «шарбо» и как понадежнее упрятать куда-нибудь собственное имущество. Однако вскоре среди удивленного населения появились серьезные люди с внушительными дубинками на поясе. Они цепким взглядом отделили тех, кто удивлялся вслух, от тех, кто просто присутствовал при этом, развесив уши, и первых куда-то увели, а вторым ничего не сказали. Народное удивление прекратилось, и все пошло по-прежнему. А еще через некоторое время в погорелом форте появился новый гарнизон и взметнулись новые флаги. По окрестностям проехала карета с генералом в мятых золоченых латах. Генерал велел народу раз в месяц поставлять в форт продукты или же серебро.

Мальчика, побитого за углом трактира, звали Трунеля. Били его часто, но причину этого никто, даже он сам, не помнил. На судьбу он не жаловался, потому как не знал, чего желать взамен.

Хотя нет, он мечтал, как однажды приедет в большой и красивый город на берегу моря. Но море было далеко; говорят, к нему и не попасть сейчас: ведь за горами идет война. Хорошо еще, что здесь, в теплой стране Робелии, нет пока войны. Или почти нет, но мать говорила, что война — это когда приходит чужое войско и надо спасаться, а спасаться уже негде — городские ворота закрыты, и жителям предместий остается только упасть на колени и закрыть голову руками — может быть, войско пройдет мимо. Нет, то, что творилось тогда в Робелии — нельзя было назвать войной. У Трунеля была книга про войну. Так получилось, что мальчик сам учился читать по этой книге. Школы в поселке в то время не было.

А в книге той храброе войско робелийцев успешно сражалось с государством злобных и жадных лантийцев. Лантийцы, жители государства Апалант, были не просто злобны, они были вероломны и бессмысленно жестоки. Отрубая робелийским детям руки и языки и творя многие другие бесчинства, они добрались до столицы Робелии и потерпели там сокрушительное и заслуженное поражение, после чего, если верить книге, бегали по полю и просили пощады у стойких и благородных робелийцев. Те пощады им не даровали, но отпустили двух или трех, чтобы те нагнали страху на следующие поколения лантийцев. Так кончалась книга, и последними словами в ней были слова робелийского короля,

обращенные к своим генералам: «Теперь наша славная Робелия заживет богато, спокойно и счастливо».

Король из книжки ошибся. После той давней войны случились еще десятки войн, и не всегда, как говорят, можно было разобраться, кто против кого воюет. И, если верить взрослым, Робелии нынче далеко до богатства, а тем более до спокойствия и счастья. Но Трунелю книга нравилась, и он нередко читал из нее наизусть тот или иной отрывок.

И хотя к десяти годам он умел читать и даже писать, никто не мог сказать, что ждет его, потому что долина лежала в стороне от основных торговых путей — и не только торговых, но и жизненных. Столица была где-то далеко, у выхода из долины текла река; говорят, она впадает в другую реку, и если плыть по ней, то скоро будет и столица, а за ней горный хребет, а еще дальше — сухая трава, колючки, полудикие лошади и разоренные когда-то фермы, до которых уже давно никому нет дела. О том, что жизнь идет мимо, в долине говорили без обиды, и даже с облегчением. Нашествия разбойников однажды прекратились, и теперь мирной жизни ничего не угрожало. Вот только граница с Апалантом находилась не очень далеко.

И вот как-то в очередной раз били Трунеля, он же думал о другом — как снова украдет вино; ветерок исчез, небо раскрывало свою глубину, был ясный вечер, долина погружалась в сумерки. С фермы возвращались люди, скрипела дверь трактира, в пыли бегали и засыпали цыплята. Людям было уютно и скучно, отчего они ложились спать раньше. И самый старый в долине дед, который доживал последние дни, просиживая с утра до вечера посреди залитого солнцем двора и не узнавая уже никого из правнуков, вдруг очнулся от дремы и поднял палец с отросшим ногтем.

— Время идет, — проскрипел он. — Но мир давно расколот, отделен от скорлупы и поделен нами, стариками. Ядро ореха съедено, а молодым достанется скорлупа.

И хотя все происходящее в долине было словно написано кем-то один раз, и столичному жителю могло показаться, что написано сухим языком, лишенным красок и живости, когда-то Трунелю все-таки пришлось подвергнуться новым переживаниям. Как говорили, в итоге ему просто повезло, что он не погиб. Хотя сам он считал иначе, ведь так велико было искушение оставить мысли о земной жизни...

Появился в трактире очередной проходимец с залатанной сумой. Выпил и отказался остаться на ночь. Никто его и не уговаривал. Трунеля же, поймав на себе взгляд посетителя, ухмыльнулся открыто и произнес ругательство, выражавшее его минутную скуку и вечную беззаботность. После чего попросил у Лурвиналя вина, получил хмурый отказ, схватил все-таки одну из налитых кружек и выбежал из трактира. Осушив кружку, он стоял в замешательстве от своего нелепого поступка, когда к нему подошел человек, только что им обруганный.

— Твой хозяин попросил передать, — сказал он, — чтобы ты явился к нему немедленно. Боюсь, тебя ждет наказание.

— Он не хозяин, он метит мне в отцы, — отвечал мальчик. — Он озлился, что я опять украл его вино.

— Для такого мальчика ты чересчур независим, — заметил прохожий. — Но я не уйду отсюда побежденным, ведь я знаю, как смутить даже такого шакаленка, как ты.

Мальчик не преминул ответить на оскорбление, и было видно, что у него еще немало в запасе острых слов. Прохожий поморщился и вздохнул.

— Я немало видал таких, — сказал он. — Бесенята, путающиеся под ногами, норвящие цапнуть насмешливым взглядом, цедающие ненужные слова сквозь расшатанные в постоянных сварках зубы. Слова подкрепляете комками земли, огрызками яблок, иногда засохшей крысой, которую переехала телега. Вы знаете, что были всегда, без вас не обходится ни одна дорога. Вы не слушаете упреков, смеетесь в глаза учителям, забываете побои родителей. Однако я принимаю этот вызов, и ты запомнишь встречу со мной... Как я люблю самоуверенность, свойственную таким, как ты, живущим в поселке без названия, в котором и переночевать-то означает лишь нахвататься вшей да послушаться пьяных баек! Самоуверенность? Уж будь уверен в чем угодно, только не в собственной незаменимости и оригинальности. Ты такой, как и все другие — не нужен ты ни королю, ни стране, ни даже родителям...

Насмешливо скалясь, прохожий опускал белые руки в мешок. И вынимал книги. Перед носом мальчика проходила история всего мира с допотопных времен и до наших дней, пронесенная на остриях копий великими королями древности. Потом поплыла другая история, та, которая была на самом деле. О ней догадались немногие мудрецы и были осмеяны толпой, и была та история ярче и веселее, чем заученная поколениями. Потом на свет вышли совсем уж чудесные повести, фантазмагории и аллегории, за которые в иные времена короли сносили головы своим шутам. Приоткрылись Трунелю сатирические формы и подмигнули опальные персонажи в пестрых колпаках и чулках, с ядом на языке. Издевательски глядел продавец на мальчика, а тот потрясен был красками, видимыми лишь ему, и обрушившимися на его голову калейдоскопом образов.

Из-за холма подул ветерок, заскрипела в сумерках телега, залаял соседский Кусай. Очнулись оба. Прохожий сказал:

— Беги домой, маленький глупец, и получай заслуженную трепку. Не для тебя эти книги. Продам их городским детям, и им книга укажет верный путь. Тебе же в твоём паучьем углу она содится лишь как подставка под ножку стола. Прощай.

Провожая его глазами, Трунель задумчиво почесал в затылке. Это было, наверное, самое удивительное знакомство из всех, что выпали ему в его недолгой жизни. И оно показалось ему предвестником чего-то более удивительного. Пока же мальчик оставил себе одну книгу, спрятав ее за спиной от близоруких глаз прохожего. Трунель гладил ее, потому что ласкать гладкую обложку оказалось приятно. Потом заметил, что приятность, которую испытывают пальцы, сообщается

и сердцу — прежде всего потому, что сумел отплатить прохожему кражей. Книга была лантийская. Трунель не знал слов чужого языка, но когда открыл томик, поверил искусным картинкам на каждой странице. В книге рассказывалось о прекрасной стране, веселом и большом городе на берегу широкой и чистой реки; мальчик видел башни-великаны, которые отражались в воде; на башнях люди развешивали яркие флаги, а внизу играли дети и пели песни, обсуждая приготовление к свадьбе их вождя. В книге было много про этого юного вождя; отважного и красивого весельчака, любителя танцев и конных скачек, окруженного множеством друзей; от которого смущенно отворачиваются девчонки, заливаясь румянцем. Но юный вождь уже выбрал одну из них, самую скромную и с доверчивыми глазами, в которых посвященный может разглядеть вещий огонь; разглядеть и сгореть в нем без остатка, забыв самого себя от внезапного чувства сродни космическому.

Постигая тайны волшебных картинок и силясь проникнуть в текст, Трунель днями лежал на чердаке. Ничто на свете больше не занимало его, даже та старая книга. Новая была во много раз лучше, и дело было в том, что Трунеля не покидало чувство, что скоро многое изменится, и изменится, разумеется, к лучшему. Это чувство преследовало его как чесотка, и отчасти неудобство было связано с тем, что он, пока валялся с книгой, собрал на себя всю чердачную пыль. Но мальчик не замечал этого, он вдруг открыл в себе редкий талант — талант мечтать. Первые часы все то, что представало перед его внутренним взором, казалось ему почти реальным, зримо воспринимаемым в пыли чердака. Он даже думал, что так воздействует на него волшебная книга, словно ее волшебство породило эти образы, и стоит только выйти на улицу, как оживет и чудесный город, и гордые люди с картинок, девушки с тонкими талиями и многозначительными улыбками, уточки на глади пруда и золотые канарейки, расппевающие на белом сахарном балкончике. Потом мальчик понял, что дело не в книге, а в его собственной силе представления. И Трунель не знал, один ли он во всей долине наделен талантом оживлять картинки, или на это способен каждый человек, и получает этот дар по мере взросления. Как бы то ни было, Трунель решил как-нибудь это выяснить, но сейчас он не спешил, снова открыл книгу и, уткнувшись в нее головой, прошептал:

— Если мне больно или грустно, я не унываю. Все удивляются, но теперь я понял, почему я такой. Просто я всегда знал, что однажды волшебство спасет меня от боли и от печали.

Мать Трунеля, которой трактирщик Лурвиналь давал приют у себя, никогда не ласкала сына и не пыталась сблизиться с ним. Причины он знать не мог, но представлял себе, что подобные отношения в порядке вещей. Однако в этот день, когда он, спрятав украденную книгу, спустился с чердака, мать окликнула его, и голос ее был мягче, чем обычно. Она заметила, что лицо и руки его в пыли, отчитала его, но не слишком строго. Неумело играя с ним, она протянула ему леденцы. Охотно приняв подарок, мальчик потянулся к ней,

но мать велела ему немедленно помыться. Видимо, почувствовав нынешнюю веселость Трунеля, никак не связанную с обычной злой веселостью, мать не отпустила его и сама отвела в сарай, где согрела в бочке воды и намылила ему волосы. От ее ласки мальчик расплылся в теплых и нежных образах, среди которых снова появился золотой лантийский город, он понял, что беды его позади. Тем приятней ему было смыть старую грязь, и он подставил матери шею. Она, однако, промедлила, и в голосе ее была неприязнь. После секунды теплого сна очнулся Трунель, и мать сказала ему, что с потолка в бочку упал старый паук и погиб точнехонько между мочалкой и Трунелем. И что-то случилось, что грязной паучьей пеной смыло прежнюю беззаботность. Все прежнее вернулось в одну секунду...

Бочка опрокинулась, и мальчик побежал прочь. Что-то кричала мать, но он не разбирал слов; даже

сама мысль о том, что можно остановиться и вернуться в сарай, показалась ему холодной. Вдруг он понял, что и книга, и случайная ласка матери — все это обман. Тут он решил умереть, и умереть немедля... Рванулся в сторону, и воздух ошпарил холодом его голые плечи. Мальчик бежал по тропинке, которая вела к реке; ноги скользили на глине, но в последнюю секунду руки сделали спасительный взмах, и он не падал.

Не оглянувшись, ничего не слыша и не о чем не думая, кроме как о скором спасении под водой, он забежал в реку и поскорее погрузился с головой. Быстрое течение отнесло его на глубину; он съежился и ждал, что будет дальше. С удивлением он понял, что ужас остался снаружи, в том воздухе, который был везде и проникал во все щели. А в теплой речке было спокойно и безопасно. Обессилев, Трунель опустился на дно, спрятавшись за бугром от течения, и уперся ногами в ил, погрузившись в него по щиколотку.

Глаза его видели сизую муть; где-то были пятна света, но они не пугали. Неповоротливая рыба не уплывала от мальчика, а с пренебрежением осматривала его костлявое тело. Он хотел засмеяться, но чуть не вдохнул воду, тогда он просто помаhal рыбе рукой.

Задышавшись, он все-таки медленно, сдерживая движения, поплыл вверх и чуть выставил голову над поверхностью. Спасительный, но такой жестокий воздух, как горькое лекарство, ворвался ему в рот и нос. Трунель несколько раз вздохнул и тогда понял, что из глаз его бегут слезы.

Он нырнул вновь и устремился к прежде невидимому для него пятну голубого света. С легким сердцем отпуская от себя слезинку за слезинкой, чувствуя, как готово к безумному и целительному крику его горло, он плыл и плыл, но не приближался к цели. Он словно бы увидел тот чудесный город, где кто-то гулял на веселой свадьбе, по утрам рисовал на крышах зверей и птиц, дарил детям леденцы и не боялся пауков. Тех людей любили матери, у них были отцы, там не было немых и беспощадных стражников, и там, наверно, трактирщик Лурвиналь хотя бы разик, но спас Трунеля от побоев, не опасаясь неприятностей от закона.

«Ты уже не скроешься от меня среди серого ила, — радостно думал Трунель, приближаясь к городу. — Ты примешь меня, как принимаешь всех, кто узнал о тебе и поверил в чудо. А жить я буду возле мостика с узорчатыми позолоченными перилами; куплю шляпу с оранжевым пером и буду прохаживаться под маленьким балкончиком; подружусь со всеми детьми, или нет, хватит одного друга, самого верного, сильного и отважного; он

будет смелее всех, и мы будем сочинять с ним стихи и объезжать белых скакунов» ...

II

Обязанностью старшины придорожной заставы было собирать мзду с проезжающих через поселок. Служба его была легкой, а он был ленив, поэтому вести о чужом лагере дошли до него позже, чем до других: он спал в своей будке, а растормошить его никто не посчитал нужным. Да и не принято было у местных тревожить начальника...

Проснувшись в потемках, старшина почесался, нашарил на столе кружку с недопитым пивом, тоскливо посмотрел на звезды, которые мерцали за окном, пробормотал проклятие и сказал сам себе:

— Ох и устал я спать... Хоть бы какой-нибудь дурак поехал ночью по дороге! Уж я заставлю его раскошелиться и не отпущу до утра — пусть развлекает меня беседой. Глядишь, и новости какие-нибудь узнаю.

Потягиваясь, старшина вышел на улицу и зажег фонарь. Некоторое время он прогуливался по улице села, топчя грязь и поглядывая на темные дома — не загорится ли где хотя бы самая неяркая лучина, не мелькнет ли в окне хоть на одну секунду отблеск света... Еще издали он заметил под фонарем одиноко стоящего человека. Подойдя ближе и с нескрываемым подозрением оглядев его, старшина с удовольствием понял, что перед ним не местный. На человеке был бедный балахон, где-то грубо и некрасиво залатанный, а в остальных местах обветшалый и дырявый. Незнакомец исподлобья наблюдал за приближающимся старшиной. Кажется, он был чем-то перепуган, глаза его бегали, а голова вжималась в плечи, и это прибавило старшине уверенности в своих силах и правоте, а потому и удовольствия. «Заплатит тройную цену за проход через мой участок, — думал старшина. — А потом поговорим по душам за кружкой пива».

Незнакомец не стал дожидаться, пока его окликнут. Он сам начал разговор, сделав навстречу старшине несколько шагов.

— Здорово тебе, вояка! — обратился он к нему, как к знакомому. — Не ты ли сторожишь эту деревню?

Старшине не доставило удовольствия такое обращение, которое как бы равняло прохожего с начальником. Но, с другой стороны, так говорить мог человек, который путешествует давно и стражников не опасается, потому что не знает за собой никакой вины. И всегда исправно платит дорожную пошлину — или же просто пытается заговаривать зубы представителям власти, чтобы те не вспоминали о деньгах. Как бы там ни было, но на всякий случай старшина отвечал недружелюбно.

— Я сторожу, — кивнул он, останавливаясь. — А ты, никак, странствуешь?

Незнакомец улыбнулся и развел руками.

— С божьей помощью, — ответил он и возвел глаза к темному небу. У него были светлые глаза и рыжая борода, которая не понравилась старшине — очень уж она вызывающая. А еще ему не понравилось, как странник стукнул зубами и как подрагивали его колени.

Не спуская с него глаз, старшина спросил, есть ли у него подорожная. Прохожий торопливо кивнул, не попытавшись, однако, вытащить ни кошелек, ни документы. Это опять же не привело старшину в восторг. Он окончательно уверился, что странник безденежный и потому переминается с ноги на ногу и нервничает, не зная, пропустят его или нет.

— Я заплачу деньгами, — сказал странник, — хотя и не знаю, за какое удовольствие я должен платить. Ведь платят там, где бродить безопасно...

— Что, фермеры обидели? — сочувственно спросил старшина. — Да, народ тут дикий. И чего тебе понадобилось в наших краях? Сидел бы себе дома, как порядочный человек — не получил бы по шее.

— Я и так пока не получил, — отмахнулся странник. — Только дело не в фермерах. Не думаю, что это фермеры разбили лагерь за той рощей, где дорога поворачивает к разрушенному мосту. Я слышал лошадей, а не видел — костров никто не жжет.

— Эх! — с укоризной сказал старшина. — Показался ты мне честным прохожим, готовым выполнить свой долг и поделиться с бедным стражником своими богатствами. Знаю, знаю! — с деланной грустью продолжал он. — Многие из вас пытаются напугать меня лживыми известиями о разбойниках-конокрадах, от которых якобы житья не стало в здешних краях. Почему вы, бессовестные странники-бездельники, думаете разжалобить меня рассказами о своих мытарствах? Хорошо хоть, ты не врешь мне, что неизвестные грабители вывернули все твои карманы. А я-то хотел пригреть тебя и пустить в свою сторожку. Давай, выкладывай деньги и убирайся.

Странник понизил голос:

— Я слышал, как кто-то перекликается в темноте. И готы поклялись, что то была речь иностранцев.

Днем был дождь.

Фонарь служил старшине в первую очередь для того, чтобы различать лужи и участки грязи... Однако никаких признаков чьего-то присутствия не было заметно, хотя прошли по дороге не меньше мили. Стояла тишина, ни одна птица не встревожила кусты, когда странник повел старшину по тропинке в лощину — откуда, он говорил, лучше всего видно незнакомый лагерь. Выглянув из лощины, старшина не увидел ничего подозрительного — бледное голубое поле освещала луна, слышалась речка, шевелились куры в деревенском птичнике и во сне ворочались бараны в сараях; далеко-далеко закрипели ставни — кто-то вопреки королевскому указу не спал. Впереди — ни одной лишней и тревожной тени в спокойной сельской ночи, только звенел в траве комар. Странник манил старшину пройти дальше... Фонарь они погасили, но не успели сделать нескольких шагов, как им приказали остановиться. И старшине было странно слышать голос, искаженный акцентом и явно принадлежащий военному. Мысли о собственной неосмотрительности пришли в голову старшине, когда он открыл рот для ответа:

— Кто здесь? Я только представитель закона, и это моя обязанность — знать обо всем, что происходит поблизости.

Насмешлива была речь:

— А мы представители беззакония, которое в скором времени встанет на место ваших робелийских законов. Именем лантийского таккина Моллойна эта земля отныне провозглашена новым государством, государством истинных таккинов.

И на них бросились со всех сторон. Однако руки и ноги старшины работали быстрее, чем его мысли, и напавшие разлетелись по сторонам. Он попытался, оглянувшись — сзади появились факелы, неведомым врагам спешили на помощь. Поодаль странник тоже пытался сопротивляться, однако через секунду его уже прижимали к земле.

— Беги, добрый человек! — во все горло закричал странник. — Расскажи всем, что лантийцы начали войну! Предупреди короля — они перешли границу!

Последние слова он едва смог произнести, потому что ему встали коленом на горло и поднесли к лицу острие клинка. Это было последнее, что видел сельский старшина в сплосхе приближающегося факела. Решив, что увиденного вполне достаточно и помочь страннику уже нельзя, он врезался в кусты и помчался в темноту, не замечая, как ветки секут его по лицу. Хорошо зная местность, он устремился туда, где сразу за рощей начинался овраг и в нем маленькая речка, где его не смогли бы достать стрелы врагов. Он не слышал, есть ли за ним погоня. Вернее, его уши не уловили шагов и хруста веток по пятам, но старшина знал, что его могут обойти сбоку и перехватить у оврага, поэтому ему и в голову не пришло на секунду остановиться и подумать, не вернуться ли в деревню. В своем поспешном бегстве, лихорадочной работе ног и локтей и сбивчивом дыхании он убедил себя в том, что от деревни его уже отрезали. Благополучно избежав гибели, он всю ночь пропутешествовал по руслу мелкой реки, пока не добрался до другого поселка, считавшегося центральным в этом районе.

Ранним утром ноги, заплетаясь, принесли его к военной заставе, и старшина едва мог вспомнить, о чем, собственно, он должен был предупредить — так силен был его испуг. О несчастном страннике, с которого он так и не взял ни одной монетки, он не сказал ни слова, посчитав это излишним.

Однако если бы во время своего бегства сельский старшина догадался сделать крюк и, воспользовавшись темнотой, вернуться, чтобы продолжить разведку — поступок безрассудный, но смелый — то он мог бы наблюдать, как странник, геройски спасший ему жизнь, беспрепятственно поднялся с земли и сбросил рваный балахон. Его рубашка белым пятном замаячила среди веток, когда он направился в сторону лагеря. Те, кто только что прижимал его к земле и грозил оружием, почтительно следовали за ним. Оказавшись на открытом месте, он жестом потребовал камзол и шапку. Одевшись, долгим взглядом посмотрел на солдата, который коленом прижимал его к земле. Видя, что тот опускает глаза, странник обвел взглядом остальных:

— Ну что же, братья! Бегство этого господина отрезало нам все пути назад. Теперь их король узнает о нашествии лантийцев. Что же, готовы мы к схватке?

— Готовы, таккин, — ответили солдаты.

Один из них сказал:

— Пока вас не было, таккин, из Лантиона в лагерь приехал таккин Эйвантер. Он говорит, что хочет присоединиться к нам.

— Я ждал его, — торжественно сказал командир. — Я знал, что Эйвантер не будет бездействовать, когда происходят такие великие события. Немедленно проводи меня к нему.

III

Трактирщик Лурвиналь женился-таки на матери Трунеля. Заплатил собаке-судье за отметку в учетной книге и поставил бесплатную выпивку — гуляй кто хочет.

Нельзя сказать, что в поселке одобряли его женитьбу. Женой его стала женщина хоть и пригожая, но извечно хмурая и молчаливая. Она уже несколько лет помогала Лурвиналю в делах и отличалась требовательностью и неуступчивостью. Ни для кого не было секретом, что живут они вместе давно, однако все думали — баловство. И все бы ничего, но был у нее сын, и относились люди к парню по-разному. С одной стороны, весел он и забавляет народ витиеватыми речами, на манер собаки-судьи, и поучительными прибаутками. Только посмотришь на него с другой стороны, и покажется что-то — то ли тоска, то ли злоба нездешняя. Иногда называли парня Утопленником; говорят, едва не случилось с ним однажды несчастье — прыгнул в реку, да и пропал, а вынесло его на берег за три мили отсюда. Сейчас шел ему пятнадцатый год, и ни с кем из мальчишек не мог он сдружиться, а постоянно нарывался на драки.

Дела у Лурвиналя шли прекрасно. Он продлил в форте разрешение на содержание трактира, нанял возчиков, помогавших путешественникам добираться от форта до речной пристани, сделал пристройку к основному зданию, открыл даже пару торговых ларьков и занялся разведением коз. Вместе с тем у Лурвиналя нашлась работа для двух десятков жителей долины и даже не местных, которые прежде шатались без дела и голодали. Еще он построил новую пристань, очистил берега от двух сожженных когда-то деревушек, в которых ютились забытые всеми старики, и построил для этих самых стариков новый общий дом. Наконец, Лурвиналя вызвал местный генерал и в присутствии собаки-судьи вручил круглую золотую медаль на шелковой ленте и объявления благодарности. Трактирщик повесил медаль в общей комнате и часто указывал на нее со словами:

— Теперь я важная персона, друг генерала. Бояться меня не надо, но уважайте вдвое больше. Приходя в трактир, оставляйте за порогом те крохи инакомыслия, которые вы еще носили в себе. Не обсуждайте сгоряча вести из столицы, не спорьте, в какой долине лучше живется, и не называйте собаку-судью собакой, иначе он отберет у меня медаль. С приходом Шарбо Первого в Робелии наступил золотой век, и у каждого в сердце должна быть любовь и благодарность.

Впрочем, его шуточный тон испугал содержание этих слов, и посетители не переставали любить трактирщика и считать его отзывчивым и великодушным. Жители поселка любили заглянуть в трактир по вечерам; спускались в зал и те, кто остановился в трактире на несколько дней. Нельзя сказать, что беседы их носили всегда при-

стойный характер, но, безусловно, отличались интересностью, живостью и, как правило, искренностью.

Однажды вспоминали последние войны, благо, было кому вспоминать. Сидели двое увечных ветеранов, оба были без руки и без ноги, шумно они доказывали остальным, что армия Робелии непобедима, потому что вдохновлена личным участием в боях короля Шарбо, — о том, что он в пору войн еще не был королем, а был только одним из генералов, деликатно умалчивалось. Ветеранам кричали в свою очередь, что последние войны не настоящие, а представляют из себя не что иное, как усмирение зарвавшейся знати. Упомянули и ту, сорокалетней давности войну, когда вроде бы робелийцы наголову разбили лантийцев, кровавым ураганом прошедших по стране до самой столицы...

Неожиданно для всех вспыхнул посетитель, который держался независимо и горделиво и сидел в стороне.

— Да чепуха это все! — сказал он, грохая кружкой. — Не потерпели лантийцы никакого поражения. Нам врут, а мы слушаем!

Наперебой его просили продолжать. Он продолжил:

— Сорок лет назад лет назад их войско не приняло боя с нашим, просто повернулось и отправилось домой. Никто из ваших хваленых добровольческих отрядов не пытался мешать ему, потому что было оно сильно и могущественно, храбрые вожди вели его. Вернулось войско в Аполант, разошлись солдаты по домам, но не потому, что испугались наших вояк.

— Почему же? — спросили его.

— Сорок лет назад умер король в Аполанте, и наследников его на трон не пустили. Те, кто взяли власть в свои руки, решили не продолжать войну... Байки могут казаться привлекательными детям, но взрослые люди вроде нас с вами не должны прельщаться подобной ерундой.

Двое увечных ветеранов поднялись было, готовые наброситься на постояльца, но остальные, участвовавшие в беседе, обняли их за плечи, усадили на место и заказали им выпивку. А того, горделивого, спросили:

— Видать, ты много знаешь про лантийцев. Будь добр, расскажи о них еще.

— Они славный народ, — сказал горделивый, — превыше всего ставят уют домашнего очага и семью, а еще добрые отношения с соседями. А самое любопытное, что забавны они в своем состязании с соседом, да только состязание то не в богатстве — там им любой может похвастать, а в знании, в пытливости ума. Детям покупают книги с малолетства, да и сами читают взахлеб...

— Лантийцы оттого живут в довольстве, что они раздвинули свои границы за счет слабых соседних городков, — добавил кто-то, — и теперь все торговые пути проходят через их земли.

— О, да! — отвечал горделивый. — Но этим преимуществом надо уметь воспользоваться. Лантийцы воспользовались и получили огромные выгоды. Каждый купец, проезжая через земли Аполанта, платит законную пошлину, но мало у кого из них хватает бесстыдства роптать. Ведь лантийцы окружают гостя почетом

и доброжелательностью, обеспечивают ему безопасность, жители угощают его роскошными кушаньями и вином, и каждый норовит сунуть путешественнику ту или иную безделушку на память. Любо́й в Апаланте знает, что ни ночью, ни днем его жизни в дороге не угрожает ничего, кроме разве что голодного волка. Где-нибудь на окраине Республики, в глухом лесу, можно напороться на разбойников, но и те довольно необычны. И отношение к ним странное. Например, мне рассказывали историю про одну довольно удачливую шайку, обиравшую купцов где-то неподалеку от границы с нами. Эти лихие ребята, однако, не лишали жизни свои жертвы, обращались вежливо, с извинениями прося показать содержимое их мешков. Забирали не все, а не больше половины, и отпускали удивленных и не слишком испуганных купцов восвояси, приглашая еще не раз посетить их лес. Таккины изловили разбойников всех до одного и — что бы вы думали? — увезли подальше от границы, на не очень оживленную дорогу, и там отпустили. Всюду было объявлено, что желающие ради развлечения стать жертвой ограбления могут ехать той дорогой. И поверьте, среди лантийских богачей немало нашлось желающих так необычно провести выходные, и с тех пор та дорога стала весьма оживленной.

— Уж наверно, — сказал один из посетителей, — лантийское благополучие долго не проживет. Утратив чувство опасности, они распустят свою армию, оставив только тех солдат, которые годны лишь для парадов и представлений.

Горделивый сказал:

— Ну уж нет! До сих пор армия у них сильная и обученная. Хотя сами лантийцы говорят, что воевать не любят. Действительно, солдаты Республики совсем не такие кровожадные, какими их себе представляют, например, у нас. Может, они и были такими когда-то, однако времена изменились. Обычно не стыдно бояться чужого войска, что идет по дороге. Завоеватели убивают всех встречных, разоряют дома и грабят храмы. Потому что наживы легкой ищут, а главное, память о себе хотят оставить, устроить людей. Да только не такова лантийская армия. Благородны лантийцы и дружелюбны всем встречным. И, к слову, щедры. Я сам видел, как нищие садились у дороги и ждали армию Республики — и дрались за место у поворота, где войско замедляет движение. Что же — вот прошло войско, протопала их пехота, прогарцевала конница, неся зачехленные знамена — и встают счастливые нищие, собирают горстями серебро и прячут его от своих же товарищей. Добрая слава у лантийцев в тех землях, где побывали они.

Его спросили:

— Почему же у нас в королевстве до сих пор не любят их, если они такие благородные? Разве ты не помнишь, что не однажды велись кровавые войны, что наши деды проклинали язык свирепых завоевателей — лантийский язык!

— То было давно, — отвечал горделивый. — Слышали вы о таккинах? Сорок лет назад они были королевскими слугами. Заносчивыми были сверх меры, а главное, жестокостью своей славились. В плен к ним не попадай — будут мучить, пока богатствами своими не откупишься, да только потом все равно убьют. Многое изменилось, короля давно нет. Сейчас таккины — истинные вожди лантийского народа, беззаветно преданные идее процветания Республики. Излишествами они себя не тешат; их имена — глухие и холодные укрепленные замки, каждую минуту готовые к осаде, в то время как у простых лантийцев — нарядные дома, украшенные цветами и резьбой. Таккины только в молодости предоставлены сами себе и могут беззаботно предаваться земным радостям, а потом их подчиняет себе высокое служение, и они отказываются от развлечений.

— Они что, дураки, эти твои таккины? — спросили его.

— Возможно, — сказал горделивый. — И для народа — счастье, что у него есть такие дураки. Но тебе не понять их великой дурачности. Ведь это их клятва, их судьба, а остальные даже иногда жалеют таккинов, измученных на службе, изможденных грузом ответственности.

— А сам ты, часом, не лантиец? — спросили его.

— А, нет! — как бы с сожалением махнул рукой горделивый. — Но вот уж минуло десять лет после моей попытки поступить на службу в лантийскую армию. Не вышло — не всякий им еще подойдет, тем более иностранец. Но прежде чем настало время избрать из нас, обучавшихся, самых достойных, я прослушал лекции об истории этой республики, а кроме того, много видел своими глазами.

В эту минуту всех удивил трактирщик Лурвиналь. Подойдя к горделивому посетителю, он нагнулся и шепнул что-то ему на ухо. Тот недоуменно вскинул глаза, но трактирщик только покачал головой и протянул ему деньги. Горделивый скорчил усмешку, но встал и, не приняв денег, вышел на улицу. Больше его не видели.

Беседа продолжалась, но уже без прежнего оживления. Сильнее других был разочарован Трунель. До этого он сидел в сторонке и, раскрыв глаза, слушал рассказы горделивого посетителя, повторяя шепотом такие слова, как «лантийцы», «таккины», «республика». Никогда он не был так увлечен. Вновь образ золотого города и его веселых жителей встал перед ним...

Образы рухнули, когда трактирщик прогнал горделивого посетителя...

Трунель просиживал штаны за столом в трактире, забавляя народ речами и историями, которые на ходу выдумывал. Помощи по хозяйству от него не было никакой, зато его привычка воровать вино у посетителей никуда не делась, и от Трунеля решили избавиться. Это

оказалось не так просто. Пробовали пристроить его на крупную птицеферму, вокруг которой кормилась треть долины, пытались отдать его в форт, где обучали будущих солдат, посылали в соседнюю долину учиться кузнечному делу — отовсюду юнец возвращался, с позором изгнанный. Возвращался — и вновь оказывался за столом, с ухмылкой и шутками, без друзей и без будущего.

Свои юношеские тайны, все какие были, он повеял одной лишь Плетке, которая часто присаживалась к нему за стол, ожидая очередного, интересующегося ее прелестями. Тайком от хозяина потчует Трунеля вином, она с сочувствием выслушивала его откровения. Если их разговор прерывали, чтобы увести Плетку наверх, Трунель начинал страшно издеваться над посетителем, указывая на его недостатки и давая советы, как вести себя с женщиной. Как ни странно, его никто не прерывал и не выказывал обиду; напротив, остальные посетители ставили на стол кружки, слушали и от души забавлялись.

— Смотри-ка, — сказала однажды Плетка, — ты уже стал им. А ведь ты, наверно, не ожидал им стать, а мыслил себя моряком или солдатом?

— Кем же я стал? — спросил Трунель.

— Ты стал сельским дурачком, — объяснила Плетка. — Любому другому открутили бы голову, начни он произносить те оскорбления, которые произносишь ты. Я немало видела, как расправляются с насмешниками. Мы ведь дикий народ — то есть, я хочу сказать, что и грамоту мы знаем, и воспитание, да только сердцем дикие, не прощаем даже самой малой грубости. Любой знает, что поссорься он с соседом, и житья им обоим не будет, пока не доведут друг друга до смерти. За искоса брошенный взгляд люди могут отплатить ударом в сердце. А тебе прощают — не просто прощают, а даже получают удовольствие от твоих шалостей.

— Да, это так, — признался Трунель. — Но почему меня бьет Фликман и его компания? Я половины им не сказал из того, что мог бы.

— Посмотри за тот стол, — сказала Плетка. — Там сидят фермеры. Вон сидит солдат, вон там — лодочник, а это — вор. По лестнице идет твой отчим, он — трактирщик, а за стойкой твоя мать, она его помощница. Будущее этих людей уже здесь, оно известно. Они нормальные, ты убогий, и ты их забавляешь. А твои враги — юнцы. Они еще не знают, кем будут, будущее их не определено, и больше всего они боятся стать такими, как ты. — Плетка нагнулась к юноше и игриво прошептала: — Пообещай мне разделаться с Фликманом и его приятелями. Так, чтобы они запомнили, что ты не убогий.

— Зачем? — удивился Трунель. — Обычным быть тоже не хочу. Мне другое подавай. Хочу жить в большом и красивом городе у моря. Да только никто не обрадуется, потому что не буду я жить в таком городе. Правильно говорят — не для нас стоят такие города.

— А для кого?

— Например, для лантийцев, — ответил Трунель и принес Плетке свое сокровище. Плетка тыкала пальцем в давно знакомые Трунелю картинки.

— Видела я немало таких книг. «Новейшая история лантийского государства» — кто ее прочитает, тот, — (Плетка хихикнула, и Трунель дернулся как от удара), — еще больше полюбит своих вождей. Вот, кстати, нарисован таккин Эдомед Паальхард, глава над всеми таккинами. Это его жена Ланга. Это их дети. А это, — она открыла самую заветную страницу, с сияющим золотым городом, — это столица, город Лантион. Я там была, но они, — (Плетка усмехнулась), — они выгнали меня из города и отвезли обратно в Робелию.

Однако их разговор оборвался — пришел посетитель, и Плетке пора было наверх. Гневу Трунеля на сей раз не было предела, но Плетка прервала его брань, скользнув к нему и прошептала:

— Забудь о лживых сказках! Тебе жить наяву, а для этого надо стать сильным... сильным, как таккин Паальхард! — (Трунель улыбнулся — где уж ему!) — Покажи им всем, какой ты на самом деле, а после я расскажу о своем путешествии в Республику. И кроме того... — наклонившись совсем близко, она прошептала несколько слов, обещаний совсем иного рода, от которых Трунель смутился и потупил взгляд, но улыбка его расплылась еще шире.

Прошел день, и Трунель, подкрепленный не только, впрочем, обещанием падшей женщины, но и поднявшейся, наконец, яростью, улучил момент и оказался со своим врагом один на один.

— Очевидно, ты считаешь себя сильнее меня? — спросил он без предисловий.

Враг подтвердил.

— Тогда, — продолжал Трунель, — ты, наверное, еще и смелее?

Враг подтвердил и это предположение.

— Но не считаешь ли ты себя умнее, чем я? Скажи! — потребовал Трунель.

Врагу ничего не оставалось, как согласиться в третий раз.

— И ты, наверное, умеешь считать? — полюбопытствовал Трунель. Видя, что его враг не оспаривает это утверждение и, мало того, потерял терпение и намеревается перейти от разговора к побоям, Трунель поспешил закончить свою мысль:

— Я предлагаю состязание. Оно раз и навсегда расставит все по своим местам.

Он вытащил нож, украденный на кухне, и полоснул себя по руке. Потом протянул нож врагу:

— Это был раз... Будем бить себя по очереди и считать. Кто первый собьется в счете, тот проигравший. Отныне и навсегда о нем будут говорить как о слабаке. Ну же, Фликман, докажи, что знаешь счет. Я готов подсказать тебе начало — за «раз» идет «два», а потом «три».

Прошло несколько секунд; Фликман не двигался, но ухмылялся все больше. Трунель все протягивал нож, но его враг попятился, показывая, что боится Трунеля — он играл в испуг, однако зрителей не было. Трунель так и остался бы стоять, окровавленный и с ножом, а враг уходил; но вдруг чувства перелились через край. Неожиданно вспомнились картинки из заветной книги... Тогда он бросился вслед за Фликманом, повалил его;

тот хватал его за руки, не пуская нож к своему лицу. Трунель боролся и победил. Тогда Фликман увидел перед собой не сельского дурачка, а саму смерть. Он заголосил, одновременно проклиная и моля пощадить; отовсюду бежали люди и собаки.

Налицо было преступление: попытка лишить жизни человека. Трунель сидел под охраной в форте, а Лурвиналь потратил немало денег, спасая пасынка от тюрьмы. С другой стороны, Фликман-старший поощрял собаку-судью, чтобы тот упрятал виноватого надолго. Причиной борьбы двух богатых противников стало то, что собака-судья поправил свои дела и стал готовиться к переезду в столицу. На его место назначили другого: приехал бедный и рябой недавний студент, судя по всему, сбегавший от долгов. Сразу вникнув в местные порядки, он открыто объявил, что примет взятки от обеих сторон, а уж потом решит, на чью сторону встать. Тем временем прошло уже несколько месяцев, и посетители трактира скучали по Трунелю, но местные мальчишки готовы были расправиться с преступником, если его выпустят. Наконец, новый судья получил свое, принял решение, и Трунель появился в воротах форта. Его ждали мальчишки. Фликмана не было, родители отдали его куда-то в обучение, опасаясь новой встречи с Трунелем. Но те из врагов, кто остался, судя по их виду, имели довольно серьезные намерения проучить Трунеля. Он вновь почувствовал себя словно в центре страницы в луче света. Вдохнул свежего воздуха, взглянул на облака, только перебрал через плечо худой мешок и сказал:

— Никак жаждете расправы? Что же, месть приносит облегчение. Правда, ненадолго — до тех лишь пор, пока вас не свяжут и не бросят в сырую камеру.

То ли новые интонации его речи, то ли здравый смысл, то ли страх и уважение к тому, кто побывал в тюрьме, что-то изменило намерение мальчишек, и они отправились восвояси. В мешке Трунеля лежала всего только книга, которую принесли в форт по его просьбе. Теперь он отчасти мог ее читать и легко подражал речам лантийских таккинов.

Трунель поспешил в трактир, собираясь потребовать у Плетки исполнения ее обещания. Однако — о, жалость! — неделю назад она ушла с солдатом и не вернулась...

Отчим набросился на Трунеля, едва тот вернулся из форта:

— Нынче не смей болтать о своих глупостях! Сказки и мечты — хорошо для ребенка, однако ты не ребенок. И не дай бог, услышит кто твои разглагольствования о том, какие лантийцы добрые и мудрые. Странные наступили времена: с севера приходят люди, называют себя «истинные таккины» и говорят о каком-то Моллойне, новом нашем повелителе. Приказано их ловить и вешать, но никто не ловит. Напротив, все уши развесили и вслед за пришельцами поносят короля Шарбо...

Через деревни все чаще проносились королевские гонцы с тем самым приказом «ловить и вешать», причем, на север их ехало много, а обратно — все меньше, и попадались среди них оборванные, окровавленные и донельзя обозленные. Говорить с сельчанами они отка-

зывались наотрез. А лантийцы-пришельцы, по слухам, успели проявить себя с лучших сторон. Отловили всех разбойных атаманов и развесили их вдоль дорог. Освободили деревни от королевского налога. Все больше стало появляться лантийцев — держались кучками, по одному не расходились, но были приветливы и последовательны в речах. По их словам, пришел конец кровавому узурпатору Шарбо, настал век благоденствия, когда труд будет вознаграждаться, а преступление наказываться. При этом устраивали для робелийцев веселье: лантийский кузнец состязался с местным в ковке и доказал преимущества своего способа, лантийский объездчик лошадей быстро и красиво усмирил коня-убийцу, втоптавшего до этого в пыль нескольких робелийцев, и лантийский скромный господин, вызвав на бой силача с фермы, на радость всей долине надавал ему по мордасам. Вдобавок пятеро храбрых парней-лантийцев, отстегнув оружие, за два дня поставили небольшой, но прочный дом, подарив его какой-то вдове. Лантийцы уходили, волнуя простых людей удивительными историями о новой стране и грядущем строительстве замков и дворцов, едва ли не подобных сказочным.

Стражи робелийские на столбах висели и потому помалкивали. Потешался простой народ над прежними своими притеснителями, да о лучшей жизни задумываться начинал.

...Городки, утопающие в зелени! Увитые хитрым плющом домики, стоящие под сводами вечнозеленых колоссов, деревьев черного ореха. Своды окуривались дымами жарящегося на открытом огне мяса, обманчиво представлялись такой надежной защитой от дождя и всех прочих бед! Однажды не уберег черный орех — кончилось мясо, упали и обуглились уютные домики. Потекла людская кровь по дорожкам да по лесенкам и прямо в реку. Реке что, она кровь сглотнула и в океан унесла. А люди остались, обескровленные. Спилили черный орех, крепости из него сложили. Да только не помогли те крепости, пришел враг, да за ним другой, а там и третий, крепости наши не заметили, не заметив, сожгли.

Не защитили нас высокие стены и верные сторожевые псы. Не уберегли мы добро. И за то не любят нас наши дети. И страны нашей не понимают. Что есть она, что нет. И то правда, что за страна без гордости своей, без любви? Так себе местность...

В поселке происходили те же события. Как обычно люди дрались и пили, но в воздухе словно родилось что-то, неподдающееся объяснению. То ли стало больше птиц, то ли звонче лунный свет, но флаги форты уже не казались, как раньше, зловещими и враждебными. И словно весы качались — так менялось настроение людей. Равновесия не было теперь, то буйство охватит, то печаль, и с каждым днем все сильнее. Вот и отчима своего застал однажды Трунель сидящим возле стены с золотой медалью. Трактирщик неслышно плакал и сжимал кулаки. Трунель не захотел подойти, да и кому как не ему знать, что в такие минуты лучше всего одиночес-

тво. Примерно в то время Трунель застал мать сидящей за столом и не отвечающей на вопросы. Перед ней дымились травы, и Трунель узнал запах, с раннего детства преследовавший его повсюду. Он оставил мать в покое, не зная, как быть иначе. Тем более что с того случая с бочкой мать уже никак не выказывала своей любви к нему. А Лурвиналь часто ездил по долине, но о своих делах не отчитывался даже перед женой. Однажды Трунель поинтересовался у отчима, не прибавило ли растущее богатство ему врагов и завистников, но Лурвиналь только отмахнулся, зато на следующий день серьезно заговорил с Трунелем:

— Нечего тебе сидеть здесь. В помощники мне ты не годишься, никто другой тебя на работу не возьмет — вдруг ты снова захочешь с ножом баловаться. Будешь учиться, — решил Лурвиналь. — Перестанешь быть посмешищем для народа, обретишь твердость характера. Денег хватит, чтобы отправить тебя в университет... хотя бы к ним, к лантийцам твоим!..

Данные пасынку обещания Лурвиналь не сдержал.

Трактирщик повесился на исходе зимы, когда холмы стянуло последними заморозками. Рассвело, и проходившие мимо трактира люди могли видеть через окно, как тело качалось посреди общего зала на жгуче, укрепленном на потолочной балке.

— Черт вас возьми, — сказал Трунель собравшимся людям. — Да и меня тоже... Похоже, трактир сегодня не откроется.

Пожаловал священник.

— И тебя черт возьми, — закричал ему Трунель. — Я тебе даже супа не налью.

— Куда девалось у мальчика благоговение перед святой церковью? — спросил кто-то.

Трунель сказал:

— Замолчи, болван! Сам ты даже не знаешь, куда девалась твоя жена...

Малый сбесился, поняли все. Взяли его, положили под скамью. Священник повел народ наверх, будить хозяйку... Задохнулись от страшного воздуха, как будто был не воздух, а спекшаяся кровь. Чародейство, подумали все разом. Взяли и мать мальчишки, вынесли вон из поселка. Бросили на меже. И потекло вино из бочек покойника, взорвалось местечко песней...

Той весной трактир открылся вновь, только хозяйка в нем теперь были другие. И трудно сказать, откуда взялись они, но так было заведено, что брошенное имущество ничьим оставалось недолго. Что же касается прежних хозяев, вернее, жены хозяина и его пасынка, то они наспех покинули долину и более в ней никогда уже не появлялись.

IV

Это случилось ранней весной. Городок утонул под ледяным дождем. Ураган гулял по кладбищу, губя беззащитные липы, а тяжелые вороны, как мокрые тряпки, перелетали от дома к дому, с привычной ненавистью глядя вниз.

День прошел для городка в тревожном беспокойстве. Начался-то он как обычно, с перебранки стражни-

ков и дребезжания церковного колокола, потом проскрипела карета с местным генералом — спешил на бал в столицу. Посреди уличной слякоти цветом алчности и подозрительности раскрылся маленький рынок...

Окружной судья не считал себя жестокосердным человеком, но ни капли жалости не испытал он к утренним своим посетителям. То была вдова сорока лет, говорившая мало и слушавшая его решения с непроницаемым лицом, и ее сын — тот вообще ни звука не произнес, но не переставал презрительно улыбаться. Эти двое прибыли из долины, которая славилась дикими нравами. Приключившаяся история, конечно же, была печальна и поучительна. Единственный кормилец просителей, хозяин трактира и вообще известный и влиятельный в тех местах человек, неожиданно для всех лишил себя жизни. Казалось бы, члены его семьи являлись прямыми его наследниками, однако вступить во владение им не дали соседи, изгнав из поселка и запретив когда-либо возвращаться. В другое время судья наверняка проникся бы сочувствием к пострадавшим. Однако сегодня перед ним лежали документы, имеющие прямое отношение к этой истории... Распространение ядовитых ароматов по всему трактиру — говорилось в одном из них — возможно, пагубно повлияло на психику мальчика, который в результате сделался абсолютно непригодным к здоровой жизни и труду, зато успел полгода пробыть в тюрьме за попытку убийства. Прочитав другой документ, судья нарисовал для себя вполне четкую и логичную картину. Та долина, где у вдовы отобрали трактир, находилась не так далеко от лагеря некоего лантийца Моллойна, который мутил народ на севере страны, подбивая робелийцев к восстанию. Королевская секретная служба милостиво ставила судью в известность, что покойный трактирщик неоднократно связывался с Моллойном и снабжал информацией. Были известны случаи, когда люди, засланные Моллойном в долину для совершения разжигания смуты, находили теплый прием в трактире и им оказывалась всяческая поддержка. Таким образом, арест мятежного трактирщика, который втерся в доверие тамошним властям и получил даже благодарность от генерала, был неминуем. Возможно, преступник решил избежать бесчестия, или же его одолел страх, но так или иначе служба запоздала с арестом. Но разорение трактира как возможной опорной базы начавшегося нашествия лантийцев было необходимо.

Судья облегченно вздохнул и объявил свою волю: трактир и остальное имущество возвращены не будут. Просителям велено удалиться и найти себе иное место в жизни и благодарить Бога, что их не постигла суровая кара за те или иные преступления, уже, должно быть, совершенные ими, но еще не ставшие известными Закону.

Мать велела Трунелю до вечера не появляться в гостинице. Он знал, что она вновь будет вдыхать дым трав, которые всегда прятала под платьем. Они расстались, и Трунель поплелся по городу... Из всего утраченного имущества он больше всего жалел о лантийской книге. Но ему было жаль и мать. У нее была трава, у него был его

золотой город; с тем они и доехали до городка. Однако, выслушав решение судь, Трунель решил про себя, что ни в коем случае не останется здесь, и, судя по лицу матери, у нее были те же мысли. Деньги кончились, не было никого из родных...

Когда Трунель попал на рынок, обычное оживление, царившее там с утра, уже прекратилось. Трунель проходил через ряды, но никто не предлагал ему товар, никто не дергал за одежду и не лез в карман. Все головы обратились в одну сторону, откуда доносился не очень громкий, но внушительный голос. Пройдя еще немного, Трунель увидел, что посреди рынка, перед кукольным театром, стоит человек с рыжей бородкой и в таком же рыжем балахоне и обращается к людям...

— Кто это? — спросил Трунель у мясника.

— Похоже, короля опять скинули, — отвечал мясник. — Этот рыжий говорит, что он — наше новое правительство.

— И что же это за правительство?

— Теперь всем будут править лантийцы. Завоевали нас они, понял?

Трунель при слове «лантийцы» вытянул шею и внимательнее взглянул на оратора. Первый лантиец, увиденный Трунелем, не был выдающегося роста или внешности, и не было на нем сверкающих доспехов. И позади оратора были только покосившийся кукольный театр и такая же покосившаяся улица. Трунель подумал, что рыжий человек сошел с ума... Наконец, он разобрал то, что говорил оратор.

— ...безнаказанность и равнодушие, — сказал рыжий. — Простые люди ненавидят их, и недаром стражников привозят из других городов, чтобы никто не мог отомстить их семьям. Теперь все будет иначе. У лантийцев страж порядка — почетная должность, и он не нанесет вам напрасного вреда. Я бы много еще мог сказать о достижениях лантийского общества, но вам это ни к чему... О наказаниях все-таки упомяну. Что делают в Робелии с человеком, который украл?

Из толпы крикнули:

— Бьют плеткой сто раз!

И жалобный голос откликнулся:

— А меня так двести...

— А если дважды украл? — спросил рыжий. Стражники за его спиной пританцовывали и оглядывались в конец улицы, мучительно дожидаясь разрешения схватить сумасшедшего.

— Руку долой!

— А мне глаз!

— А мне — оба!..

Толпа зашумела, по рынку понеслись проклятия и жалобы. Рыжий человек махнул рукой, успокаивая людей:

— Теперь будут другие законы! Никаких пыток! Никаких увечий! Общий для всех закон. За исполнением приговоров будут следить неподкупные судьи. Никто больше не сможет именем короля творить безобразия. Да вы и сами знаете цену вашему королю — никакой он не король, а просто зарвавшийся вояка, без роду, без племени. Теперь над всеми вами — Верховный таккин

Эдомед Паальхард, мудрый ваш благодетель. Его род насчитывает тысячелетия, и за все это время никто не мог упрекнуть Паальхардов в бесчестии и корысти. Я, как человек, близко знающий вашего нового повелителя, могу добавить, что он терпеть не может войну и никогда не заставит своих граждан напрасно лить кровь. А ваш король Шарбо пришел к власти, устроив во дворце кровавое побоище, и считает, что имеет право повелевать вами, свободными людьми. Робелия — великая страна. Мне, как иностранцу, со стороны хорошо видно ее величие, ее скрытая мощь. Поэтому лантийцы только сначала помогут вам встать на ноги, научат работать и уважать закон, научат ничего не бояться и позволят велиться вволю, делясь радостью с другими.

Кто-то крикнул:

— Пусть освободят из тюрьмы моего сына — без вины страдает!

И по рынку понеслось:

— Моего тоже, ради Бога!

— Пусть разрешат выходить по ночам!

— Отберите вон у того стражника мои сто монет!

— Дайте нам расправиться с нашим генералом!

— Верните мои глаза!

Трунель тоже крикнул:

— Верните наш трактир!

Рыжий оратор не успел ответить ни на одно из этих предложений.

— Бежит, бежит, бежит! — закричали мальчишки с верхних этажей.

Возвращался стражник, бегавший к начальству. Еще издали он закричал:

— На месте наш король! Бейте этого негодяя, да так, чтобы мокрого места не осталось!

Рынок загремел сотнями бегущих ног, раздался вой, стоны спасающихся людей. Никто не хотел остаться, не потому даже, что боялись видеть расправу, но опасались быть схваченными. Многие успели уже встать на сторону рыжего и открыто издевались над стражниками. Узкие улицы всасывали народ; кто половчее, тот влез на верхние этажи и оттуда на крыши домов... Убив шестерых стражников, рыжий человек стоял теперь в десяти шагах от седьмого, который целился в него из самострела. Лантиец ласково разговаривал со стрелком:

— Не надо стрелять, друг. Ты все равно промахнешься и не дай бог попадешь в кого-нибудь из тех детей, которые глазят сейчас на нас. Лучше вынь стрелу, и пойдем со мной в наш лантийский лагерь. Там тебя накормят, ты отдохнешь, и вместе мы пойдем в бой против кровавого узурпатора. Слышите, люди! — обратился он к тем, кто только что торопился убраться подальше, но теперь вернулся, чтобы с ужасом смотреть на убийцу и его жертвы. — Я, таккин Моллойн, начальник передового войска Республики, набираю добровольцев, которые скоро станут героями и освободителями, первыми офицерами обновленной робелийской армии. Подойдите ко мне все, кого ничего не держит в этом затхлом городке, кто видел мои приемы боя и хочет научиться таким же, кто любит свободу и хочет поквитаться со своими

притеснителями. И немедленно идем в лагерь — сейчас он неподалеку от города.

К нему подошли несколько человек. Трунель не пошел, а только сжался, стыдливо опустив глаза, хотя на него никто не смотрел. Трунель был почему-то рад смерти стражников. Также он был рад и тому, что лантиец не обманул его и оказался сильным и благородным. Но вместе с тем он показался Трунелю подобным Богу во всем его могуществе...

В эту минуту последний стражник все-таки выстрелил. Таккин Моллойн с досадливой гримасой отклонился в сторону, убедился, что никто вокруг не ранен, и так глянул на стрелка, что тот пустился бежать. Самострел задребезжал по мостовой. Таккин Моллойн и несколько его новых товарищей пошли прочь.

Рынок постоял и ожил.

Появились офицеры и носильщики. Носильщики забрали тела, а офицеры стали искать, куда делся брошенный самострел.

Между тем Трунель давно подобрал самострел и продал мальчишкам за три мелких монетки; проделал он все это, словно искупал свое бездействие. Из разговора офицеров он узнал, что Моллойн беспрепятственно вышел из города; за воротами его ждали друзья и кони. Офицеры честили трусливых стражников, которые не закрыли ворота. Повсюду разнеслась уже весть о силе лантийского таккина, и по глазам офицеров все видели, как они благодарны судьбе, что им самим не довелось столкнуться с Моллойном.

Вопреки запрету матери Трунель решил вернуться в гостиницу и своим рассказом отвлечь ее от вдыхания дымов... А там, дожидаясь матери в пустой комнате (куда-то вышла), он вдруг вспомнил, что на рынке, когда слушал речи мясника о завоевании, сердце у него встало и застучало по-особенному. Это была, конечно, не радость, но вполне отчетливое предвкушение, ожидание чего-то невиданного. Однако вскоре он понял, что уже давно ждет мать.

...В дверях появился офицер в сопровождении солдат. Он пришел по просьбе служащих гостиницы. Женщина, которая жила в комнате под пятым номером, отбыла из гостиницы с неизвестными господами. Этот отъезд — показался служащим весьма странным. Во-первых, потому что женщина ничего не сказала о том, что передать ее сыну, да и вообще не произнесла ни слова, во-вторых, потому, что (как кто-то сразу догадался) женщина словно спала наяву и мало чего соображала, а вели ее под руки, и в третьих, потому что господа эти, покидая гостиницу, угрожали служащим кинжалами и не велели никому рассказывать об этом случае. «Самое интересное, — сказал офицер совершенно убитому новостями Трунелю, — что странные знакомые вашей матери были, как выясняется, лантийцами».

— Кем-кем?! — вскричал Трунель

В беседу вмешался один из служащих гостиницы:

— Уж я-то могу отличить лантийца. Один из них чуть не проткнул меня, и при этом ругался по-своему. Они опасные люди. По-моему, господин офицер, эту жен-

щину увели, чтобы продать в рабство. Народ говорит, у них там в Республике потому и процветание, что в подземных пещерах у них сидит куча рабов-иностранцев и на белый свет не выходит.

Слова эти прошли мимо ушей Трунеля, а офицер выслушал их внимательно. После чего вздохнул:

— Что за время!.. В таком маленьком городе так много развелось лантийцев, что за всеми и не уследишь. Мало нам одного сумасшедшего с саблей на рынке, мало того, что лагерь этих разбойников стоит на виду у города и никто с ним ничего не может поделать, так еще и эта странная история... А ты, парень, не хитри, и если чего-то знаешь, то выкладывай. Может, ты знаком с этими лантийцами?

Трунель слабо отнекивался, его мысли занимал сейчас не разговор с офицером. Страшная, но яркая мысль пронзила его: неведомые лантийцы были посланы его золотым городом. Он решил помочь избавиться Трунелю от слабости, от всей прежней жизни. Расправившись с его матерью, лантийцы также расправились и с памятью о пауке и только приблизили Трунеля к тому, чтобы он стал похожим на таккина Моллойна.

Трунель не собирался бездействовать. Не собирался он и бежать через дверь. Он напился воды из кувшина, выждал десять минут; открыл окно и прыгнул с третьего этажа, не причинив себе никакого вреда.

После чего поспешил к городским воротам.

V

В свои пятьдесят лет таккин Моллойн сохранил тело стройным и чрезвычайно ловким. Он носил пушистую бородку, а волосы завивал в косу, которую обычно прихватывал над ухом кожаным ремешком. Он ходил стремительно и плавно, однако плавность была в ногах, а руками он делал порывистые жесты; и внушительным жестом сопровождал каждую фразу. Иногда, чтобы в беспокойстве не махать руками, он засовывал большие пальцы за пояс. Оружия на поясе он не носил; его изогнутый меч держался на простой перевязи за спиной. Со всеми, кто следовал за ним в походе, он был всегда строг, а с непослушными — очень жесток.

Он словно оттаивал, если рядом была его дочь Берта, совсем еще малышка, лет четырех. Вообще, ее присутствие здесь вызывало двойственное чувство. Во-первых, просто недоумение — зачем она с отцом, что

побудило его взять ребенка в рискованный поход. Вторых, и это было даже сильнее непонимания — странное ощущение сказочности, нереальности происходящего, когда среди солдат мелькало подобное создание, словно какое-то высшее, вещее существо послало в войско свою ученицу и наблюдательницу. Отец называл ее «умница» и «мушка», и нельзя было смотреть без улыбки, как он одевал ее, разговаривал с ней или укладывал спать, как водил по лагерю за ручку, словно в городском парке, и показывал все вокруг, с серьезным лицом растолковывая, почему палатки стоят именно так, и почему они привязаны, и что делают солдаты у костра, о чем они поют. Вероятно, популярность Моллойна в таком разнородном войске была наполовину куплена нежностью, которая бывала на его лице в такую минуту, той ласковостью, которую видели солдаты в его отношении к девочке. Несомненно, она напоминала им об их собственных детях, оставшихся по ту сторону границы, в Республике.

Спрашивали, однако, не подвергает ли он свою дочь напрасной и неразумной, преступной опасности. Ведь как ни беспомощны, безответны и податливы местные крестьяне, но, скорее всего, однажды придется иметь дело с войском короля Шарбо, который проснется, наконец, от своей спячки, или, как говорили еще, очнется от самосозерцания. Не лучше ли было отправить ребенка подальше, снабдив ее верным и заботливым опекуном, а самого опекуна снабдив деньгами и наставлениями? Не лучше ли было просто спрятать маленькую БERTУ в глухой деревне, далекой от дорог и потрясений?

Однажды ближе к вечеру, когда его дочь уснула, пообедав подстреленной солдатами специально для девочки куропаткой, таккин Моллойн сам заговорил со своим товарищем и союзником, таккином Эйвантером.

— Если бы БЕРТА осталась дома, — сказал он, — меня бы мучила мысль, что она у них в руках.

— Не думаете ли вы, — спросил Эйвантер, — что Палата и тем более Паальхард смогли бы...

— Теперь я избавлен от этих гаданий, — перебил Моллойн. — Дочь со мной, и я спокоен. Между прочим, я увез ее не только от Паальхарда и Палаты. Я увез дочь, чтобы спасти ее от пагубного влияния ее матери... Вам ведь известно, Эйвантер, — продолжал Моллойн, — что моя жена совершенно тронулась умом? То есть стала подвержена тому недугу, о котором не принято говорить иначе как шепотом, а актеры слагают о нем дрянные анекдоты? В наши новые времена в моде все новое. Жена — избегаю называть ее по имени, оно жжет язык — так вот, эта женщина не пропустила ни одного раута в Лантионе, где понахваталась этих новых представлений, и стала требовать от меня восхищения своим вкусом. О, я до поры восхищался, дарил по ее выбору платья с нелепыми вырезами, заказывал еду, поглощение которой, по словам жены, «ведет к раскрепощению сознания и просветлению духовного взора», потом даже заказал для нее садовый домик с шестиугольными окнами. И она была мила со мной — между прочим, в доме появилась книга о новых любовных ласках, могущих через физическую

любовь опять-таки привести к очищению и много чему еще. Я-то был сперва не против этой новой практики, только таккина вставила в нос и язык по колечку; нашлось место и для других колечек — колечки, видите ли, мой друг, не простые, а благословленные неким пятидесятируким богом. Сняв платье и надев шаровары, жена босиком выходила в город, а возвращаясь, утверждала, что город черный. В другие дни она утверждала, что город белый. Отдалилась и от дома: сняла номер в гостинице, куда приглашала рыночных гадалок и какого-то заплесневелого шамана с севера. По ночам курился дым, готовились бесовские кушанья... Однако прекратим этот разговор, ведь вам и так уже ясна суть нашей семейной неурядицы. В то время я уже посвятил себя нашему движению, обществу истинных таккинов, и знал, что не в семейном очаге смысл моего существования... Что вы думаете, Эйвантер, о наших перспективах? Присоединились к нам с верой в успех или только из чувства долга, с поникшей головой?.. Кстати, еще полгода назад вы не верили в мои лидерские способности, заявляя, что я мелочен и угрюм. Теперь вы, надеюсь, разубеждены?.. Кстати, у вас ведь тоже в Республике осталась жена и ребенок?

— С женой мы давно расстались, — ответил таккин Эйвантер. — А своего сына я видел всего несколько раз.

Таккин Моллойн уже не обращал внимания на товарища, он вслушивался во что-то, происходившее снаружи дома. Лицо его прояснилось.

— Вот, — сказал он, — подъехали наши гости. Вы готовы? — спросил он таккина Эйвантера, и тот снова кивнул. — Люди готовы? — громко спросил Моллойн. С нескольких сторон, из темных углов, ему подтвердили.

Дверь открылась, и вошли трое. Они были в масках. В комнате зажгли лампу, нарочно ослепив вошедших. Моллойн приподнялся и вглядывался в маски, пытаясь угадать под ними черты лиц.

— Как бы мне хотелось, чтобы вы были без масок, — сказал он. — Жаль, не пришло еще время, когда мы перестанем опасаться и прятаться. С кем из вас мне придется разговаривать?

Тот, кто шел третьим, выступил вперед.

— Я начальник над этими господами, — сказал он. — Начну с того, что ваше, Моллойн, сегодняшнее выступление на рынке произвело впечатление на местные власти. Вся городская верхушка заперлась в башне, народ бунтует и избивает офицеров стражи; ворота города закрыты и вряд ли откроются завтра. Если ваши люди остались в городе, то выбраться им будет не просто.

— О своих людях я сам позабочусь, — ответил Моллойн. — Давайте-ка поговорим о ваших людях. Какие вы привезли новости из Лантиона?

— Скучаете по родине? — спросил человек в маске и, присев на краешек стола, сладко потянулся. — В Лантионе хорошо. В Лантионе спокойно. Таккины и Палата не испугались вас, Моллойн. Правда, от народа не удалось скрыть ваш исход. И что же? Горожане сходили в церкви, пропели вам анафему и занялись своими делами. С тех пор, как вы с вашими головорезами покинули Республику, стало только спокойнее. А

вы думали, народ испугается очередного, уж извините, изменника?

— Но ведь я узнал вас, — возразил таккин Моллойн. — И раз вы здесь, то вашу измену можно считать в десять раз страшнее моей.

— Вот как? — словно бы удивился человек в маске. — Вы, Моллойн, хранитель ключей казначейства, таккин, облеченный высшим доверием Палаты, вы изменили не только Палате, вы изменили Паальхарду, которому с детства считались другом...

— Значит, я обознался, — усмехнулся Моллойн. — Но тогда кто же вы? Наверное, рядовой таккин, из той мелочи, которую я забыл в Лантионе. Я-то сперва принял вас за...

— Ни слова больше! — вскрикнул человек в маске.

Все, кто окружал стол, вздрогнули и отступили, схватившись за оружие.

— Спокойно! — обратился к своим таккин Моллойн. — Я буду молчать — это выгодно нам всем.

— И правильно сделаете, — сказал человек в маске. — Если бы вы назвали мое имя, вы бы погубили нас, но и погибли бы сами. — Он тихо рассмеялся под маской. — Вы, конечно, мастер, Моллойн, но я открою вам секрет: мой клинок вымазан отравой, убивающей мгновенно. Достаточно одной царапины. Что же делать: готовясь к встрече с такими убежденными в своей правоте людьми, как вы и ваши друзья, нельзя пренебрегать даже самыми недостойными и бесчестными средствами защиты. Да и нам ли с вами рассуждать о чести?

— Я не считаю себя бесчестным человеком, — сказал таккин Моллойн. — Я здесь потому, что меня привели сюда мои убеждения. Да и вас, я думаю, тоже. Это печально, что один из нас вынужден таиться и скрывать свое лицо, а другой вообще сбежал из страны, сбежал от этого позора и показного народного счастья...

Он вскинул голову, затем прижал руку к груди и воскликнул:

— Да здравствует наша Республика! Но не теперяшняя, а та, прежняя, какой она была еще десяток лет назад! И таккины уже не те, что прежде! Они прокляты теперь и обречены на гниение — вы знаете, почему.

— Я знаю, — нетерпеливо сказал таккин в маске. — Лучше слушайте, я привез вам новость. Плохую новость, Моллойн. Ваша провокация не удалась. Их новый король, Шарбо, уже знает, что вы за люди. Он снесся с Паальхардом, и тот обещал ему помощь.

— И король не будет нападать на Республику? — помолчал, спросил Моллойн.

Таккин Эйвантер вступил в разговор:

— Если войны не будет, мы долго не продержимся.

— Он прав, — сказал Моллойн.

— А вы, Эйвантер, тоже считаете, что я изменил принципам таккинов? — таккин в маске словно бы только что заметил таккина Эйвантера и говорил с ним насмешливо. — Кстати, вам еще не поздно вернуться в Лантион — там никто пока не знает, что вы подружались с Моллойном. Все думают, что вы лежите при смерти в своем загородном доме. Теперь не удивлюсь, если и покойники вдруг окажутся в армии Моллойна.

— Здесь все — покойники, — кратко заметил Эйвантер и отошел обратно в тень.

Таккин в маске обратился к Моллойну, становившемуся все более мрачным:

— Так вот — Шарбо не собирается нападать на Республику, но сговорился с Паальхардом, чтобы вас уничтожить. Но вы еще не покойники. Вам нельзя останавливаться, необходимо действовать, и действовать еще решительней. Ваш авторитет у робелийцев огромен, с юга к вам уже скачут гонцы от врагов Шарбо, которые засели в лесах и ждут, когда придет их час. Объединившись, вы можете возвыситься, но для этого нельзя останавливаться. У Шарбо есть страшная тайна: армия развалилась. Никто не хочет ему служить. Перепуганная и озлобленная гвардия — все, что у него есть. На днях он устраивает бал для аристократии — на этом балу всей старой аристократии придет конец. После этого армию не смогут набрать несколько лет. Вы должны ворваться в столицу и свергнуть Шарбо — сил у вас достаточно.

— Ворвемся, свергнем — и что дальше? — спросил Моллойн.

— Дальше будет так, как вы предсказывали сегодня на рынке. Вы станете новым королем, наладите все государственные механизмы, ну и все прочее. Паальхард не посмеет объявить вам войну, если вы уже будете королем, а не мятежником. Ведь тогда его назовут не освободителем, а завоевателем.

— Трудно представить, — сказал Моллойн, — что Паальхард чего-то не посмеет.

— Однако выбора у вас нет, — сказал таккин в маске. — Времени у вас тоже немного. Мы в Лантионе, как сможем, притормозим решения Паальхарда, ну и тем более Палаты. Моллойн, вы должны решиться на это. Я привез вам целый ворох бумаг — закладные и векселя, подписанные самыми разными людьми, в разное время и в разных странах. Когда станете королем, они вам пригодятся.

— А много у нас с вами сторонников в Лантионе? — спросил Моллойн задумчиво. — Может, лучше вернуться и начать все заново?

— Переворот? — усмехнулся таккин в маске. — Нет уж, продолжайте, как идет, с робелийцами... Теперь нам пора. Прощайте, Моллойн, рад был наблюдать вас живым и здоровым... И вас, Эйвантер!.. Моллойн, вы нас отпускаете?

Когда люди в масках вышли, оставив на столе сумки с бумагами, Эйвантер набросился на Моллойна:

— Почему вы ему верите? Когда от ваших решений зависит так много, почему вы слушаете советы со стороны?

— Вы узнали его? — спросил Моллойн.

— Нет... Кто это был?

— Вы догадываетесь, Эйвантер. Но не решаетесь признаться в этом... Ладно, это хорошо, что вы его не узнали — когда-нибудь я шепну вам на ухо. Но я вижу, вы не верите, что этот таккин с нами заодно и что он имеет право давать мне советы и даже прямые указания?

— Я никому не верю, тем более тем, чье лица не вижу. Докажите мне, что он имеет право распоряжаться.

— А он и не распоряжается; только дает советы, — загадочно улыбнулся Моллойн. — И это дельные советы. Раз Шарбо не поверил в то, что Паальхард объявил ему войну, то нам ничего не остается, кроме как прийти к Шарбо и попытаться лично убедить его в этом... Да, к слову, Эйвантер. Этот молодец в маске держался развязно и вызывающе, и я скорее бы уничтожил его, чем внимать его советам. Но когда я был сегодня в городе, ко мне подошли, предупредили, чтобы я ждал гостя, и привели такие веские доводы в его пользу, что мне ничего не оставалось, кроме как выслушать его... Вот эти доводы, — с этими словами Моллойн достал из кармана и поставил на стол мраморную статуэтку размером с мизинец. Статуэтка изображала некое животное на четырех лапах, с большими глазами.

— Ага, — сказал Эйвантер. — Я так и думал, но меня этим не запугать.

Впрочем, он растерялся, и Моллойн заметил это — однако промолчал.

Трунель слышал их разговор.

Проникнув незамеченным в лагерь Моллойна, он увидел свежих лошадей, стоявших на привязи возле дома. Вобрав в легкие воздух, он подошел к окну, каждую секунду ожидая, что его пригвоздят к земле грубым, разоблачающим окриком. Кожа его словно горела: он чувствовал вокруг много людей, враждебных и опасных. Он подглядывал за лантийцами через окно, но не мог понять, в доме его мать или нет.

Не понял он и разговора таккинов — не дано самоучке с ходу разбирать иностранную речь. На троих в масках, говоривших с Моллойном, он смотрел с ненавистью, потому что принял их за похитителей его матери. Страх и в то же время безразличие к своей судьбе, странным образом перемешавшись, охладили его, и он сидел под окном тихо. Каким-то чудом он вернулся в прошлое, в трактир, двор которого был залит солнцем, и он знал теперь, что пока он держит прошлое за нить, его не найдут и не причинят ему вреда. Увидев, что в доме нет его матери, он понял, как жестоко ошибся, пустившись в погоню не за теми, наверно, лантийцами. И мыслями все больше погружался в прошлое, вспоминая, что не всегда ему было плохо с матерью, и искал, искал ее сейчас в темной робелийской ночи. Она еще где-то недалеко, но чужие кони несут ее все дальше от него, в неизвестность.

Он вернулся в настоящее в тот момент, когда таккин Моллойн спрятал в карман белую статуэтку и подошел к окну. Трунель пригнулся и тихо, как только мог, стал отступать от дома, скользя мимо черных стволов и не зацепляясь ни за один сучок.

— Что я вижу! — раздалось позади него приглушенное восклицание. — Это же Утопленник! Зачем пожаловал в наш лагерь?

Обернувшись, Трунель увидел фигуру одного с ним роста, в которой он с облегчением, и в то же время обозлясь, узнал своего давнего недруга, Фликмана. Кулаки обоих привычно сжались, а глаза сощурились, но это молчаливое противостояние длилось недолго. Фликман протянул руку.

— И ты решил быть с нами? — негромко и значительно спросил он. — Ты прав. В нашем обновленном государстве и тебе найдется дело. А я за тебя поручусь перед таккином Моллойном.

От неожиданно услышанного знакомого уже имени, которое Трунель связывал с жутким человеком на рынке, он покачнулся, и с языка у него сорвалось:

— Нет!.. Я не решаюсь.

Фликман схватил его за плечо и произнес в торжественном упоении:

— Ты что, Трунель? Не бойся Моллойна. Он благороден и справедлив, наш будущий король, и уж лучше этого дурака Шарбо. Ты тоже полюбишь его, а он одарит тебя своим расположением. Тебя ждут награды и слава, если ты сделаешься его соратником! Родители думали, что я буду преспокойно учиться в городе. А я сбежал, потому что решил стать героем... Пойдем, я представлю тебя своим друзьям. Тебя запишут в полк и накормят.

Мало что понимая, Трунель поплелся за бывшим неприятелем. Мыслями он был все еще с похищенной матерью... Но он потерял следы похитителей. Как ни было велико его отчаяние, но он все-таки догадывался, как ему повезло. Вместо того, чтобы попасть в руки неведомых злоумышленников (теперь он уже думал, что таккин Моллойн не имеет прямого отношения к пропаже его матери) и, возможно, погибнуть, или же, в случае неудачной погони, скитаться ночью по этой малолюдной и враждебной земле, он оказался у людей, которые готовы пригреть его и накормить.

VI

О да, он и не думал, что может выглядеть таким молодцом! Мягкие сапожки с серебряными отворотами и звездочками на носках нравились ему больше всего; было так удобно, что ноги казались невесомыми и нисколько не уставали. Он едва мог заставить себя не смотреть все время вниз, на эти чудо-сапожки. И как ладно сидел на нем темно-коричневый камзол с вышитым черным львом на груди. Лев — это всего лишь украшение, искусное рукоделие, причуда мастера-портного, но как он похож на родовой герб, как приковывает взгляды встречающих людей.

И Трунель смело шел по своим делам, сопровождаемый товарищами, такими же, как он...

Он побывал в том городке, где расстался с матерью, но не встретил ее. На этом он и остановился, убедив себя, что узнает о ее судьбе когда-нибудь потом, если подвернется случай. Пока что его ждали другие дела, которыми он обязан оправдать доверие таккина Моллойна и его единомышленников. Да и не о том ли он мечтал — служить лантийцам и быть одним из них?

Их войско было совсем небольшое — около двух тысяч человек. Препятствий на своем пути оно пока не встретило. Трунель с удовольствием наблюдал, как убираются с дороги те, кто окружал его с детства — ничтожные фермеры, мастеровые, вечно пьяные стражники, грязные и оборванные женщины с детьми. Войско шло теперь двумя группами — впереди лантийцы, позади

верные им робелийцы, которым предстояло, если верить Моллойну, стать после победы новой робелийской знатью.

Фликман был везде с Трунелем, но Трунель уже верховодил в их компании. Трунель очень вырос — и силой, и характером; в нем и следа не осталось от того, кого Плетка назвала сельским дурачком. Фликман же остался на прежнем уровне, расти ему было, как оказалось, некуда. Но однажды они не на шутку сцепились, ибо когда Трунель поведал товарищу о своих мечтах и украденной книге, Фликман подверг все осмеянию. Когда ссора зашла довольно далеко, оба они выхватили оружие и стояли несколько секунд то ли в решимости, то ли в замешательстве. После чего оба рассмеялись и помирились — теперь не было места детским пустякам, общее дело вело их.

Вместе с двумя другими товарищами их послали наделать переполоху в одном поселке, устроить пожар, чтобы вина потом пала на королевских стражников, и возмутить народ.

В тот день был особенно длинный и тяжелый переход, но Трунель и его товарищи не чувствовали усталости — зато сколько угодно было опьянения свободой.

Что чувствует человек, поджигая чужой, незнакомый дом?..

...Трунель не думал ни о своих прежних бедах, ни о товарищах, дожидавшихся его в ближайшем леске. Он чувствовал себя словно на прогулке. Под ногами был прочный и широкий мост, а далеко внизу невидимая река, а шел он в компании безмятежных и незлых приятелей, то и дело окликающих его по имени...

Не таясь, дошли они до поселка и завалились в корчму. Никто не мог им противостоять, у них было оружие, и они сами черпали вино, угощая всех, но большей частью проливая.

Трунель был хуже всех; он придвинул к дверям толстоногий стол и сидел на нем, забавляясь общим испугом. Люди в корчме не решались подняться и уткнулись в кружки и тарелки.

— Отлично! — сказал Трунель, обращаясь ко всем вокруг. — Ваш паучий взгляд преследовал меня, но теперь у вас нет взгляда. Взгляд у меня! Да, да, бойтесь с ним встречаться, он сильнее всех.

— Чего ты хочешь? — крикнул хозяин корчмы.

— Чтобы меня слушали, — кротко улыбнулся Трунель. — Я всегда хотел найти тех, кто ответит мне взглядом друга, взглядом, полным понимания и добра... Но зверел от глупой привычки наших грязных окраин...

Народ слушал его задумчиво. Трунель привстал и сжал кулаки, но неожиданно посветлел лицом и мечтательно улыбнулся...

И вновь началась игра. Когда товарищи не пускали Трунеля, он отталкивал их и порывался размахивать оружием. Он все больше озлоблялся, и игра становилась все опасней. Он рубил всех подряд... Взгляды окровавленных людей пригвоздили его к месту, и Трунель понял, что через миг его растерзают.

К счастью, он был не один. Фликман отодвинул стол от входной двери. Товарищи ухватили Трунеля под

прийти ли на помощь товарищам или рвануть мимо деревни в лагерь и поднять тревогу, Трунель не делал ни того, ни другого. А когда вострепнулся, ему показалось, что к нему идут. Действительно, слышались шаги; он расширил глаза и изо всех сил таращился в темноту, силясь разглядеть, кто там шагает. Он ничего не увидел, но услышал обрывки разговора. Нападавшие готовили расправу с израненными и оглушенными разбойниками; они нашли подходящее дерево и делали петли.

Поняв, что ждет его товарищей, Трунель в ужасе выпрямился и почувствовал, как грудь его словно мгновенно пронзили струи ледяного воздуха. Трунель решил пожертвовать собой и попытаться спасти хотя бы Фликмана. Он крикнул тем, кто был в темноте: «Эй, я здесь! Берите меня»... Взмахнул руками и повалился лицом в кусты, надолго потеряв сознание. Он не знал, что звук его падения и голос были заглушены злорадным воплем мстителей: наспех сделанные петли выдержали, равно как и ветви большого дуба. Троице разбойникам пришел конец.

руки, и все четверо выкатились из корчмы. Навстречу им распахнулось небо. В небе качались созвездия. Ветер набросился на разбойников, и в нем теперь была не свобода, а угроза.

Со всех ног разбойники побежали в сторону лагеря. Трунель отстал и поспешал за ушедшими вперед товарищами. (Он хватился было оружия, но обнаружил клинок снова у себя на поясе.) Он ощущал стыд — скорее всего из-за того, что упал в глазах товарищей. Впотымах оступился Трунель, но трое шедших впереди не оглянулись, когда он выбирался из канавы. И нельзя было избавиться от грязи на ладонях и одежде; он шел, а грязь словно становилось все больше. И подступила тошнота, потому что представилось, как волочится за ним грязь, как рваный шлейф.

Их перехватили и навалились с трех сторон. Троице, шедшим впереди, ничего не оставалось, кроме как встать спиной к спине, но они сразу упали. Трунель наблюдал за схваткой из кустов. Когда все кончилось, один из нападавших стал жалобно ругаться, ощупывая бок. Мучительно раздумывая, что делать дальше —

Наконец, ветерок подул ему в лицо. Это кто-то чужой и огромный, неприятно пахнущий, сдвинул гору, освободив бледный желтоватый свет, который вторгся в его царство. Трунель боязливо оглядел свои владения — родной угол под кроватью, всегда пахнущий лежалой пылью, стенку шкафа с присохшими к ней таракашками, знакомые щели, в которые он любил забиваться иногда, если становилось слишком холодно. Гора, то есть дверь его комнаты, заскрипела тяжело и пронзительно, впусив человека-гору. Трунель с ненавистью смотрел на ноги пришельца, они все ближе; тогда Трунель подскочил и выхватил клинок. Словно молния сверкнула, и спокойствие темного угла взорвалось свистом стали. Трунель увидел, что клинок стал его девятой лапой. Паук-Трунель побежал навстречу ногам великана... Под луной раскинулись холмистые луга, и нигде не было видно ни огонька, ни отблеска.

(Окончание в следующем номере)

Сугомак и Егоза

(Кыштымская легенда)

В Челябинской области среди городов, возникших еще во время появления демидовских железнорудных заводов, есть небольшой город Кыштым, ранее известный художественными чугунными изделиями Каслинского завода, который входил в Кыштымский горный округ. После Великой Отечественной войны недалеко от города был построен энергохимический комбинат «Маяк», производящий оружейный плутоний. Взрыв емкости с радиоактивными отходами, происшедший 29 сентября 1957 года, названный «кыштымской катастрофой», по своим губительным последствиям является вторым после аварии на Чернобыльской АЭС. Более 250 тысяч людей жили, да и сейчас живут, на территории, накрытой атомным облаком.

В этом городе прошло мое детство. В 1935 году 7-летним мальчишкой мои родители привезли меня в Кыштым, и в 1945-м, в возрасте 17 лет, после окончания школы, я уехал в Свердловск учиться в Уральский индустриальный институт.

Город расположен на землях, принадлежащих когда-то башкирам, и в 30 километрах южнее располагался так называемый Башкирский кантон, заселенный башкирами, с административным центром в поселке Аргаяш. Такое соседство даже после революции, до Отечественной войны влияло на образ и жизненный уклад населения.

В нескольких километрах северозападнее города расположены две, стоящие рядом, горы. Одна из

них, более низкая, имеет округлую, не заросшую лесом, вершину и носит название Егоза, другая, более высокая, с остроконечной скальной вершиной, называется Сугомак. Между горами и городом расположено красивое озеро, питающееся водой из подземных родников. Оно тоже называется Сугомак.

В этом краю прошло мое довоенное детство и время Великой Отечественной войны. Особенно запомнились ночевки у костра на берегу озера. Когда на озеро спускается ночная мгла и все затихает, а свет костра делает тьму непроницаемой, все вокруг становится таинственным и чарующим, создается какое-то неподвластное тебе настроение. Тебя охватывает стремление к чему-то необычному, легкое чувство страха и желание испытать то чудесное, что слышал и читал в сказках и рассказах других людей.

В довоенное время еще жило много бабушек и дедушек, которые умели и любили рассказывать сказки, небылицы и легенды. Тематика таких рассказов были события из времени Пугачевского восстания, предания о котором сохранялись в памяти людей многие десятилетия, тяжелый труд заводских рабочих, жестокое отношение к ним управляющих заводом, тайны подземелья Белого дома (здание управляющего горным округом) и, конечно, сказки и легенды из русской и башкирской жизни. В то время мне, очевидно, удалось соприкоснуться с чистым, неиспорченным устным русским языком. Не знаю, сохранился ли где-нибудь такой язык. Невольно вспоминаются сказы Павла Петро-

вича Бажова, но я не уверен, что они воспроизводят такой же язык, какой я слышал в Кыштыме в 30-х годах. Да и не думаю, что устную речь можно передать в письменной форме.

Одну из таких легенд мне хочется изложить здесь, хотя я не обладаю искусством письменного, тем более устного рассказа.

Эту легенду нам рассказал один русский старик, когда мы жили на улице Сосновского. Он часто вечером выходил из своего дома и отдыхал, сидя на лавочке у палисадника перед домом. Мы, мальчишки, досыта набегавшись во время дневных игр, подходили к нему и просили рассказать нам какую-либо историю. Ему явно льстили наши просьбы, и он, медленно свертывая сигарку из махорки, раскуривая ее и, подождя, когда мы рассядемся на полянке вокруг него, начинал свой рассказ. Он говорил медленно, четко выговаривая слова, и не растягивал гласные, как это получалось у пожилых женщин, речь которых при рассказах часто была похожа на пение. Тем не менее, его слова звучали мягко и не были грубыми. Мы всегда его слушали внимательно, с большим интересом и боялись прервать его речь своими вопросами.

Очень давно, когда в башкирских степях еще не появлялись русские люди, башкиры не знали ни Аллаха, ни Христа и молились своим собственным, простым богам. В степи было достаточно корма скоту и паслись большие табуны лошадей и отары овец. Земли хватало всем, и башкиры кочевали с места на место, обеспечивая своим живот-

Автор Юрий Иванов — инженер-теплотехник. Всю жизнь работал в системе «Свердловэнерго». Его статьи печатались в отраслевых технических изданиях, также в местных газетах и «Известиях». Сейчас Юрий Васильевич на пенсии, живет в пос. Рефтинском Свердловской области.

ным свежую траву на корм. Жизнь была богата и привольна. Пожилые башкиры мудро управляли жизнью родов, девушки были красивы и стройны, молодые башкиры были смелыми, сильными и ловкими людьми. Было много праздников, в которых они соревновались в искусстве владеть луком и копьем, в ловкости и силовой борьбе, в скачках на лошадях. А башкирки – в искусстве шить и украшать одежду, в умении петь и танцевать. Все были дружны и благожелательны друг к другу.

Но однажды один молодой башкир приревновал свою красавицу жену к башкиру из соседнего рода и в пылу ревности убил его. С этого момента мирная и счастливая жизнь закончилась. Люди различных родов стали мстить друг другу. Появились случаи убийства, стали возникать ссоры между родами из-за земли, на которой паслись табуны лошадей и отары овец. Из-за многочисленных случаев угона табунов потребовалось их охранять, и возникали драки, которые заканчивались кровопролитием. Люди стали бояться друг друга и с тоской вспоминали счастливую, мирную жизнь в прошлом. Так прошло мно-

го лет. Но в жизни часто случаются неожиданные события.

Однажды молодой, ловкий и сильный батыр по имени Сугомак из одного рода случайно встретил в степи стройную красавицу Егозу из враждебного соседнего рода. Молодые люди полюбили друг друга. Но главы обоих родов и все родственники и слушать не хотели о соединении двух влюбленных. Сугомак и Егоза любили друг друга и продолжали тайно встречаться, и это привело к дальнейшему усилению вражды между родами. Старосты обоих родов обвинили в этом Сугомака и Егозу, но их свидания продолжались. Тогда, чтобы сделать их встречи невозможными, Сугомака приковали цепью к тяжелой колоде, а Егозу увезли в горы и спрятали там. Но сила любви была настолько велика, что Сугомак разорвал свои цепи, нашел в горах Егозу, и они стали жить вместе вдаль от своих родов. Однако это только еще более разожгло ссору между родами. Сугомак и Егоза глубоко переживали то, что их любовь принесла столько бедствий их родам, но не в силах были сами разорвать свои отношения. Тогда они взмолились своим богам и сказали им, что

они готовы пожертвовать собой, но за это боги должны принести башкирам мир и счастье, а их соединить навечно. Боги услышали их, и случилось чудо. Среди башкир снова воцарился мир, и наступила спокойная, счастливая жизнь. Но боги превратили Сугомака и Егозу в две, стоящие рядом, горы. С тех пор Сугомак и Егоза вечно неразлучны и оплакивают свою неудавшуюся любовь, и их слезы наполнили глубокое озеро, которое благодарные люди назвали именем Сугомака.

Много поколений людей из уст в уста передавали друг другу эту историю, и молодые башкирки постоянно привозили своих новорожденных детей к озеру Сугомак и купали их в этой воде, потому что слезы любви делали их детей такими же сильными и смелыми, как Сугомак, и такими же стройными и красивыми, как Егоза. Предание гласит, что среди башкир появился поэт и батыр Салават Юлаев именно потому, что его еще новорожденным мама искупала в озере Сугомак.

Эта история завораживала нас, и нам хотелось стать такими же, как Сугомак и Салават Юлаев.

Горы Егоза и Сугомак, озеро Сугомак

Каким быть монументу «Наука»?

Одна из вечных тем в искусстве — прославление величия человеческого разума. В XX веке, когда научно-технический прогресс кардинально изменил мировую цивилизацию, художники пытались запечатлеть процесс стремительно развивающейся науки и найти адекватные по силе, выразительные и монументальные образы.

В Екатеринбурге, который по праву считается одним из крупнейших научных центров России, эта важная в искусстве тема в последние десятилетия практически отсутствовала. И вот сами представители научных кругов решились исправить положение. В 2004 году руководители Уральского отделения Российской академии наук объявили конкурс на создание монумента «Наука», который предполагали установить на улице Софьи Ковалевской перед одним из зданий УрО РАН.

В конкурсе приняли участие многие мастера скульптуры и монументально-декоративного искусства. Для большинства из них образ науки ассоциируется с женской фигурой, которая либо гордо смотрит вдаль (проект Б.С. Рыжкова), либо преподносит человечеству свои дары (первый проект В.Н. Казанцева). В проекте же В.С. Соколовой женская фигура, широко раскинув руки, готова оторваться от земли и взлететь к небесам, подобно птице. Контур птицы легко угадывается и в расположенной за женской фигурой конструкции из нержавеющей стали. В ее клюве сверкает ветвь — символ гармонии с природой. Валентина Соколова назвала свой монумент «Мысль-птица», считая, что именно творческая мысль, вдохновение и озарение определяют сущность познания и возносят человеческую цивилизацию к новым вершинам.

Большинство авторов воспринимают образ «Науки» как нечто грандиозное и основательное (проект А.А. Кокотеева). Художники-монументалисты и скульпторы в своих проектах уделяют особое внимание деталям, используют в монументе традиционные и легко узнаваемые образы: песочные часы — символ точности, приборы, механизмы и математические формулы.

Художник В.Н. Казанцев, дизайнер М.В. Казанцев. Нержавеющая сталь, стекло, гранит

Не случайно в ряде проектов предстает эпоха 1960–1970 годов, когда отечественная наука была лидером мирового прогресса.

Однако результаты конкурса комиссию не удовлетворили, и было принято решение провести повторный конкурс проектов. Во втором туре комиссия особо отметила три проекта скульптора Г.А. Геворкяна, в работах которого научный процесс также символизирует женская фигура. Но и второй тур не выявил победителя. Установка памятника была отложена на неопределенный срок.

Впрочем, подобный печальный результат не повлиял на творческие поиски отдельных участников проек-

Скульптор А.А. Кокотеев. Бронза, гранит

Скульптор В.С. Соколова. «Мысль-птица». Нержавеющая сталь, бронза, гранит

Художник В.Н. Казанцев, архитектор О.И. Клюкин. 2004 г. Алюминий, змеевик

Скульптор Б. С. Рыжков, архитектор А.Н. Мережников. Нержавеющая сталь, бронза, мрамор

та, они продолжили работу, стремясь прийти к новому пониманию художественного образа.

Художник-монументалист Виталий Казанцев решил создать в памятнике ощущение гармонии, легкости и поэтичности. Автор полагает, что соединение монумента с функциями фонтана должно создать и чувство природного начала, и притягательную радостную атмосферу. Стилизованная чаша фонтана ассоциируется с линзой микроскопа; из водной глади устремляются вверх спиралевидные плоскости, которые предполагалось изготовить из сверхпрочного прозрачного стекла. На

стеклянной поверхности — рельеф из научных символов, формул. Солнечные лучи, преломляясь в стеклянных гранях, будут создавать разнообразную игру света, по-разному освещая и центральную фигуру композиции из нержавеющей стали, и пространство вокруг.

Валентина Соколова создает второй вариант памятника «Мысль-птица». Продолжают поиск новых выразительных форм другие участники конкурса. Уже сейчас ясно, что в третьем по счету конкурсе на создание монумента «Наука» будут представлены и более интересные, и

более выразительные проекты. А это значит, что предыдущие конкурсные испытания не прошли даром.

Система творческих конкурсов имеет в России столетние традиции. Вошли в историю отечественного искусства конкурс на памятник Минину и Пожарскому (1808) и конкурсы на проектирования храма Христа Спасителя в Москве (1815, 1830). В сложной конкурсной борьбе отстояли свои проекты М.О. Микешин (памятник Тысячелетия России в Новгороде, 1862), А.М. Опекушин (памятник А.С. Пушкину в Москве, 1880) и П.П. Трубецкой (памятник Александру III в Санкт-Петербурге, 1909). Представители прессы и художественные критики старались детально освещать задачи конкурса, представленные проекты и результаты. Такая практика была характерна и для художественной жизни Екатеринбург—Свердловска. Однако в последние годы журналисты все реже информируют общественность о творческих конкурсах, все чаще эти конкурсы становятся закрытыми, а населению демонстрируют уже готовые монументы, художественные достоинства которых подчас сомнительны.

Остается надеяться, что третий по счету конкурс на создание монумента «Наука» все же состоится и будет широко освещаться в печати, а екатеринбуржцы смогут познакомиться со всеми представленными проектами и высказать свои мнения и пожелания.

О себе

Родился в 1946 г. в Екатеринбурге. А дальше идут одни незаконченности: не состоял, не закончил, не имею, не защитил, не сидел и т. д. Если кому-то это неинтересно, можете сразу переходить к стихам. Остается только добавить, что я — частный литератор. В том смысле, что я работаю в литературе не по найму общества (или исходя из конъюнктуры), а пишу для себя. Но нет такого понятия, как «частное сердце», точно так же это не поэзия, если она понятна только для одного человека.

* * *

Я вдоль насыпи шел,
по ладони ее,
испещрённой железными линиями.
Видно, к дальней дороге, —
подумалось мне.

Я по насыпи шел разлинованной.
И пропитан был воздух ночной
фиолетовыми чернилами.

Батарея огней
попыхнула в ночи,
разрезая на полосы
мрак.

Резким светом
раструбов
забила в глаза,
красным светом глазниц,
покрасневших
от бессонных

бессменных ночей,

от зарниц,
от ветров
озорных
и бездомных.

О, бездонное небо!
Бесстенная даль!
Вдоволь этого хлеба
ветров.

Светофоры горят.
Светофоры глядят.

Что там видят они
в беге шпал,
там, вдали,
за чертой,
в черноте,
черт те где?

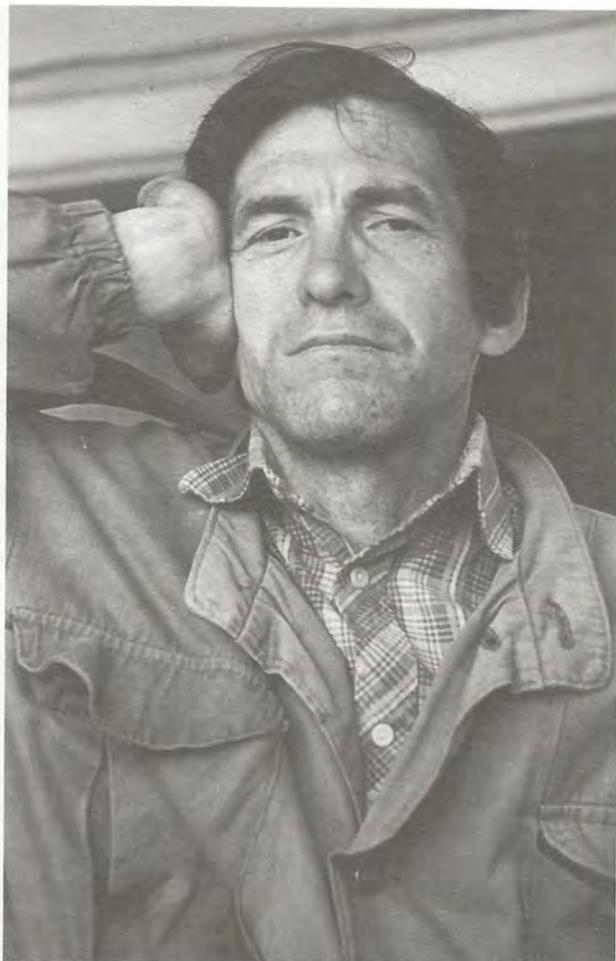

Фото А. Токарева

Смотрят с радостью
тайной
на этот предмет,
потонувший во мраке
для нас,
но открытый для взора
огней.
Смажет насыпь
со стуком
бегущий состав.
Только яблоком
хрустнет
железный наст,
на котором сигнальный отблеск
как огонь
на огнеупорах.

Эта зоркая ночь —
ложится на лист железный
пути.
Ты, гудковая ночь!
Дух мой
к письменному обрати.

* * *

...Моей жизни сумасшедший поезд,
он так разогнал мое сердце,
что уж поздно мне будет
прыгать сейчас под откос.
Все же где эта спасительная,
говорю вам,
где эта дверца?
Только где-то зловеще в тамбуре
хлопают двери вразнос.

Он помчался куда-то в ничто,
он пустым стал, летучий поезд,
чтоб просторней мне было гулять
без людей
из вагона в вагон.
Осужденный, покинутый всеми,
я вселился в старинную повесть,
где из залы в залу
шел кто-то безлиций
и в красном был он.

Кто же ты, машинист,
судьбы моей мрачный гончий?
Почему ж захватил ты меня одного
и куда же меня ты везешь?
Будет жизнь на Земле в новом веке?
Но сейчас моей жизни помочь бы...

Проулок

В моем детстве по этому проулку
ходили трамваи.
И теперь напоминанием об этом
обрубок трамвайного рельса
в кустах,
да вмятины,
которые еще сохранились от шпал.
Он узкий, проулок –
в нем тесно стоят тополя и дома.
И я помню,
идуший трамвай поочередно отражался
в каждом окне.
Он бежал в них неровной цветной полосой –
в бездонном таинственном мраке окон,
затененных густой листвой.
Он вспыхивал в каждом окне –
то сторбится, то прогнется.
И вот словно в детство дорогу убрали.
Но память так красочно
снова ее находит!
И опять спотыкается память о вмятины эти.
И опять я по ним тот старый путь нахожу.
Я хочу сесть в трамвай
с неровной цветной полосой!

Но подумал я вдруг:
а нужна ли привязанность
к этому прошлому?

И не есть ли она как вот этот обрубок
(от бывшей когда-то дороги),
покрытый глухой травой?

Впрочем, надо к нему отнестись осторожно,
к этому рельсу.
Ведь еще неизвестно,
зачем он здесь, в стороне, лежит...

Базар застойного времени

Выхожу на пустынный лесной полустанок.
Опоздал я –
куда-то унесся березовый шелест..
Поезда друг за другом ходят по расписанью.
Только вот в природе одни крушенья.
Про себя бормочу:
мне на людях побыть хоть сбоку.
Ждать поезд стану, какой получше,
чтоб меня затолкали
(или, может, отдавят ногу).
Потому беру билет до толкучки.
Меня будоражит шум разношерстный базара!
В него погружаюсь,
словно в березовый шелест.
И пускай говорят,
что там попусту шляться бездарно.
Там вещи дороже,
зато общение стоит дешевле.
А потом в переполненном поезде еду назад.
Выходить мне –
и я уже сам толкаюсь отчаянно.
За мной пролезают девчоночки чьи-то глаза.
«Ничьи еще!» – ласково они отвечают.
В них так обнаженность лесов поплыла,
и так они весело двигались вслед,
что словно вошел в меня осени свет,
и теплота родного угла.

* * *

Человек мельчает,
если он мельчайшие
движения души своей
не дает себе труда рассмотреть.
Ведь микромиры
наших душ
есть макромиры.
И если мы,
как броуновские частицы,
мечемся,
не увлечённые,
скорее увлекаемые,
и не даем себе труда осмыслить
движения
своей души,
то очень скоро уже не можем осмыслить,
во имя чего мы мечемся.

* * *

Чувства – они ведь
не материальны.
Они не бьют больно ни по кому,
а только по тому,
у кого они есть.
Каждый с ними борется
в одиночку.
Их нельзя купить в рассрочку.
Их вообще нельзя купить
ни за какие деньги.
А они почему-то
не ценятся.

* * *

Свою жизнь утверждают многие криком.
Они думают: в крике они правы.
А сочувствие в душу
приходит тихо,
как журчание соков,
идущих в корни травы.

В некрасивой речи своей
хочу быть услышан.
Я зову по лощине
бегущий поток и траву.
Я зову человеческий слух –
даже если я косноязычен.
Из прибрежных кустов
веткой каждой зову.
Я не знаю, как вам объяснить,
но в каждом бурьяне
в чистоте своей
непричесанно дышит любовь.
Только люди в погоне за благами –
в вечной брани!
И поэтому сердце мое
содержит крапивный ров.

* * *

Повернулось время на осень.
Задует сильный ветер.
Заметает мусор
от прошлой жизни
моей и твоей.
Может, ты и зовешь меня
– я не знаю..
Ветер твой призыв
заглушает.

Снегурочка

Ловил рубахой зимний небосклон.
Хотел накрыть, упрятать от волнений.
Забылся... слышу наговор осенний.
Протер глаза – весна со всех сторон.

Слепить комочек из снега я хотел..
Еще снежком березы опушённый.
Но трезвою догадкой оглушённый,
Стою и проклиная свой удел.

Еще вчера ко мне тебя влекло.
Когда не мог упасть и расшибиться.
Не мог... теперь не стоит торопиться.
Теперь между тобой и мной – стекло.

И скоро, скоро, скоро залистует.
И зелень будет некуда девать.
А для меня деревья опустеют.
И в худобе их будет не узнать.

Снегурочка! К себе меня домчи!
Туда снег заворачивает круто.
И длится серебристая минута
звездой оснежённой в ночи.

* * *

Уехала ты,
а куда – не знаю.
Дайте мне справку!
Я в адресный стол,
только знают – уехала.
Дайте мне справку!
Номер поезда, что тебя увез,
напрасно искать в картотеке.
Дайте мне справку!
Все падающие листья были без номера.
Дайте мне справку!
Все равно что послать цветы переводом.
Дайте мне справку!
Ночью сделать налет на музыкальную школу,
чтобы там поиграть на рояле.
Тогда думы мои о тебе, наверное,
все услышат.
Дайте мне справку!
Я в милицию, в розыск, а мне вопрос:
в каких я с тобой отношениях?

Это сам бы хотел я выяснить.
 Дайте мне справку!
 Друг-астролог развел руками:
 «Я предсказываю только будущее».
 Что же, выходит, все у нас в прошлом?
 Дайте мне справку!
 То, что встречались,
 ни в одном документе запись не сделать.
 Канцелярские крысы! Дайте хоть справку!

Что-то грустно размазались
 капли дождя на окнах аптеки.
 Об умерших близких
 правдиво свидетельствует осень.
 К ним я ближе, когда я гляжу,
 как на мокрых деревьях нет листьев.
 В моей памяти их образ живее,
 чем в действительности они были.
 В моём городе столько домов,
 в моём городе столько квартир,
 где я не был.
 Без меня постарела там мебель
 и потускнели зеркала и сервизы.
 Столько женщин, только потому что я их не знал,
 без меня подурнели.
 Всем, однако, ущерб возмещаю я –
 голая мокрая ветка!

Земля летит во Вселенной.
 Одна ее половина светом облита.
 Это навстречу тянутся руки двоих.
 Это пассаты баклану достичь
 помогают желанного берега.

Другая ее половина
 тонет во мгле.
 Это двое руки поднять навстречу
 не могут.
 Это у чайки в борьбе с одичавшим
 морем устало крыло опустилось.

Жизни две половины!
 За черту постоянно уходите
 света
 и тьмы.

Виолончельные звуки
 слушайте корпусом виолончели.

Ночь
 слушайте
 корпусом ночи.

Не играю я в джазике
 свинг «В настроении».

Но зато я отлично сыграю
 на скрипе железных ворот,
 невзначай прищемивших мне палец.

И опустится сверху на рану
 осенний лист
 перевязочным
 материалом.

БОРЦОВА (Барцова) Наталья Семеновна (в первом замуж. Мусина-Пушкина, во втором — фон дер Ховен; 1757 — 1843), адресат стихотв. А.П.Сумарокова.

Дочь лейб-гвардии отст. фурьера С.И.Борцова. Воспитанница Смольного института первого выпуска. При выпуске получ. золотую медаль и шифр имп. Екатерины 11. Фрейлина вел. кн. Марии Федоровны. Вместе с ней неск. мес. путешествовала по Европе. Обладала драматич. талантом, хорошо пела, выст. в операх, в придворных спектаклях. В СПб. в 1773 были напеч. «Стихи девице Барцовой на представление во французской опере, называемой *Servante et maitresse*, роли Пандольфовой» безымянного автора. Поэт А.П.Сумароков адресовал ей и другой смольнянке Е.И. Нелидовой (см) стихотворное «Письмо к девицам Нелидовой и Барцовой...», отпечатанное в кач. прилож. к «Московским ведомостям», а также в СПб. отдельн. изд. в 1774 г. О ней: Данилова, Альбина. «Благородные девицы. Воспитанницы Смольного института». М., 2005. С. 30-45. Портрет Б. работы Д.Левецкого — в Русском музее.

Сводный каталог.

БОСКЕ Мария Александровна (урожд. Шлиттер), писательница.

Печ. в лит. журн. «Иппокрена, или Утехи любословия на 1799-1801 год» (1799-1800), «Приятное и полезное препров. врем.» (1798) — Б., ; Б-е, М. я.; М.Б.; М.-Б.; М-я Б.; М-я Б***; 40. Б.; «Нов. р. лит.» (1802, ч.1) — Б-ке, М-я. Авт. кн. «Моя лепта на пользу общую» (М.А.Б.) СПб., 1847.

Слов. рус. писательниц (перечислено многое из ею написанного); Масанов; Сводный каталог.

БОСТРОМ Александра Леонтьевна (урожд. Тургенева, по первому мужу гр. Толстая; 1854 — 1906), прозаик, очеркист, драматург, дет. писательница.

Мать писателя А.Н.Толстого. Авт. многочисл. произв. из жизни провинц. интеллигенции (сб. «Захолустье»). В них — приметы безвременья, гнета обыденщины, тусклого существования без идеалов. Наибольшую известность Б. принесли произв. для детей, в т.ч. для самых маленьких. Ее короткие познавательные рассказы стали достоянием не одного поколения маленьких читателей («Подружка», «Два мирка», «Как Юра знакомится с жизнью животных», «Книга для маленьких детей» — рец. в «Вестн. Европы», 1906. № 7. С.57-58, и др.). Авт. ст. «Что говорит родительскому сердцу рассказ Андреева «В тумане». — «Образование». 1903. № 12. Из более чем десяти пьес опубл. только одна («На лугу»), «Снегурочка» шла на сцене детского театра Чистякова в Петербурге. Б. помогла пробуждению и формированию дарования сына. Черты личности матери преломились позднее в его пов. «Детство Никиты», рассказе «Логутка».

Русские писатели (портр); КЛЭ (т. 9).

(Продолжение на стр. 61)

Ленденев ~ Линденау: Загадка фамилии

В 1986 году совершенно случайно мне в руки попала книга Сергея Маркова «Земной круг». Читал ее не отрываясь. И вдруг вижу в тексте знакомую фамилию: Линденау. Боже мой! Да это же наша фамилия Lendenow (на русский «манер» — Ленденев). Еще в раннем детстве в городе Жиганске Якутской АССР, где отец мой служил в военкомате, пацаны, в особенности якуты, дразнили нас Линдя. Уже позднее нам стало известно, что южнее Жиганска в реку Лену впадает речка Линдя (Линде). Тогда мы на это и внимания не обратили, а сегодня я об этом вспомнил.

К 1960 году мы переехали в г. Ангарск Иркутской области. Став старше, я начал обращать внимание на созвучные с нашей фамилией географические названия. Например: Портленд, Ньюфаундленд, Гренландия, Ирландия, Курляндия, Финляндия и т. д.; другие похожие фамилии, например: Лендл — теннисист, Линдгрэн — шведская писательница, Лундстрем — музыкант, шведские хоккеисты Линдхольм, Лендберг, Нэслунд и др.; булгаковский Воланд; наконец — «Лендкрузер», «Ералаш Лэнд» и др.

Как тут не задумаешься: кто же «наградил» нас такой фамилией?

Родители и бабушки с дедушками говорили: «Мы испокон веку жили в Заларях и всегда были Ленденевы. И грамоту Ленденевы знали всегда!»

Во время учебы в институте, где-то в конце 60-х годов, я прочитал в «Восточно-Сибирской правде» статью «Потомки Ерофея Хабарова». Из нее узнал, что в моих родных Заларях проживают потомки участников отряда Ерофея Хабарова и даже его самого — Минеевы (наша дальняя родня).

Как известно, Хабаров пришел в Сибирь в 1630 году из Великого Устюга, то есть с Северо-Запада России. Я читал литературу об этих местах и нашел интересную информацию: в некоторых местностях Северо-Запада вместо слова «леший» говорят «лен-

дак». Слово «леший» производное от «лес», «лендак» — это тоже некое «чудо природное».

Так у меня появилась версия происхождения фамилии Ленденевых от слова «лендак», тем более, что множество Ленденевых «отшельниками» проживали по различным заимкам вплоть до XX века.

Кстати, и сегодня рядом с р.ц. Залари (км 4–5) есть деревня (заимка) Ленденево.

В Заларях три основных рода: Минеевы, Распутины, Ленденевы. С кем бы из них я ни разговаривал на эту тему, все утверждали, что фамилии наши от прозвищ не происходили. Но уровень познаний их глубже середины XIX в. не распространялся. Например, моя ветвь Ленденевых (по мужской линии) четко прослеживается тоже только с середины XIX в.

Итак, в книге Сергея Маркова прочитал заголовок «Ангарский отшельник — Яков Линденау». И далее: «Читателю это имя ничего не говорит.

Бернгард Август фон Линденау

Между тем Яков Линденау отмечен в моей «Тихоокеанской картотеке» начиная с тридцатых годов XVIII столетия.

Линденау называл себя «ветеринарным прапорщиком», полное его

Оленные коряки. 1743 г. Рис. Линденау

имя было Якоб Иоганн. Он появился в Сибири в качестве «переписчика», сопровождающего (ученых-путешественников. — Ред.) Миллера, Стеллера и Фишера.

Нелишне напомнить, что в 1736 году Г. Миллер нашел в якутском архиве челобитные и отписки Дежнева, а И.Э. Фишер продолжил поиски архивных источников по истории Сибири.

Известно, что Фишер всегда вел себя не очень пристойно: устраивал драки с подчиненными, попадал под следствие и запускал порученные ему дела. Считается даже, что Линденау собрал в сибирских архивах больше ценных материалов, чем его своеобразный начальник Фишер. Через руки Линденау прошли тысячи отписок, челобитных, наказных памятей наших землепроходцев. Про бумаги Дежнева трудолюбивый и памятный Линденау забыть не мог.

Из трудов Якова Линденау нам известна рукопись «Замечания г. Лин-

денау по пути от Тобольска через Тару, Томск, Барабинскую степь к Охотскому морю и к ламутам (тунгусам пешим)».

К 1742 году ветеринарный прапорщик составил примечания к чертежу «реки» Анадыря, в нее впадших речек и ручьев (о чертеже этом мы скажем в своем месте). Через год Линденау трудился над описанием сибирских народов и обрабатывал дневники путешествия из Охотска в Якутск. Позже он составил очерк Амура.

После долгих путешествий по сибирским окраинам Яков Линденау поселился под Иркутском, в скромной избе на берегу Ангары, близ устья ручья Оса.

Окруженный рукописями, чертежами и редкостями, вывезенными им с берегов двух океанов, Линденау на досуге предавался научным занятиям, а на хлеб насущный зарабатывал добычей селитры в горах около Балаганска.

В своей избушке Линденау прожил до 1795 года. Он и погиб в ней в возрасте девяноста пяти лет от внезапного пожара вместе со своими рукописными сокровищами.

Жизнь «ветеринарного прапорщика», знавшего Беринга, Крашенинникова и Шелехова, мало известна.

Уцелевшие рукописи Линденау еще не изучены. Они должны содержать замечательные сведения о Сибири, Камчатке и Чукотке.

В 1742 году Яков Линденау закончил «Описание о Чукоцкой земле, где она имеется». Через двести лет профессор А.И. Андреев напечатал это произведение.

...До нашего времени дошли шесть монументальных трудов Якова Линденау: «Описание якутов», «Описание пеших тунгусов в Охотске», «Описание тунгусов, которые живут у Удского острога», «Описание коряков, их нравов и обычаев», «Описание бурят, или так называемых братских, а также кыштымских и Барабинских татар», «Собрание исторических сведений о юкагирах».

У меня в голове тогда мелькнуло: «Вот где надо было искать».

Но в те годы мы с женой решили переехать из Ангарска в г. Верх-Нейвинск, тогда он еще назывался Свердловск-44. Сегодня это — Новоуральск, «атомград», население — 100 тыс. человек. До Екатеринбурга 40 минут езды на автомобиле.

Новое место работы, новая должность, обустройство жизни занимали все личное время. Затем началась перестройка...

Новый импульс моим поискам дала статья Игоря Подшивалова «Загадка одной фамилии», опубликованная в газете «Подробности» в Иркутской области 1 сентября 2005 года, в основу которой была положена семейная летопись казацкого рода Макаровых, изложенная Александром Ленденевым, жителем Заларинского района, учителем сельской школы.

Сразу скажу, что версия Александра Сергеевича Ленденева (не сомневаюсь, что мы внешне похожи: лицом, ростом, телосложением) о трансформации фамилии Макаровых в Леденевых, а далее в Ленденевых несколько романтична и нечетка.

Из опыта жизни своей и моих родных знаю: фамилия «Ленденев» до сей поры частенько теряет букву «Н» даже на официальном уровне, вплоть до официальных документов. Имел

Кузьма Николаевич Ленденев. Маньчжурия. 1905 г.

Сергей Кузьмич Ленденев. Якутия. 1956 г.

место, например, и такой прискорбный случай: на могиле моего отца был установлен памятник с фамилией Леденев. Конечно, табличку быстро заменили. Но этот случай — яркий пример того, что корень «ленд» для русского языка непривычен, противостоит естественен и практически в русских словах не встречается. Так что буква «Н» каким-то случайным образом внедриться в фамилию «Леденев» практически не могла, а вот выпасть из корня «ленд» она всегда готова.

Что еще интересно: Александр Ленденев упоминает в своем рассказе о тунгусской целительнице (шаманке) Нахнэ, спасшей от смерти Макарова, с которого, по его выводам, и пошла фамилия Ленденевых.

В исторических материалах о походе отряда русских под руководством капитана Павлуцкого в 1731 году против отчаянно сопротивлявшихся племен и народов, населявших Чукотку, упоминается тойон (князь) земель Восточно-Сибирского моря — Наихню.

Известно, что местные жители не хотели идти в подданство русского царя и героически отстаивали свою свободу: погибали в сражениях, по-

падали в плен, часто кончали жизнь самоубийством, уходили семьями на Аляску непокоренными.

Русские расправлялись с чукчами жестоко. А пленных женщин и детей вывозили в Якутию, в частности, и в Якутск. В конце концов Чукотка и сопредельные с ней земли были нанесены на карту Российской империи, а русские военные отряды покинули Чукотку, дабы она не опустела совсем.

Известно, что тойон Наихню избегал плена. Другой информации о нем я не нашел.

Целительница Нахнэ и тойон Наихню... Нет ли связи в этих именах, ведь оба они причастны одному времени (30–40-е годы). Яков Линденау, оставивший «Описание Чукоцкой земле», в 1742 году знал о Наихню. Линденау неоднократно бывал в Якутске, в котором в эти же годы находились Нахнэ и Иннокентий Макаров (по летописи). Судьба могла свести их всех вместе по какому-либо событию. Почему бы и нет?

Яков Линденау описывал и изучал шаманизм как явление, в частности, обряды камлания и др. А также чукотские, якутские и бурятские обычаи. Не эти ли встречи стали причиной

возвращения Якова Линденау в Сибирь после завершения экспедиции в 1746 году?

Почему высокообразованный, разносторонне грамотный человек, знавший несколько языков, в 1748 году поселился в самом центре проживания западных бурят (около Балаганского острога) и прожил здесь еще 50 лет до конца дней своих?

Вероятнее всего, его поступками двигали неумная страсть к познанию и первоисследованию, миссионерство, глубокое понимание своей роли как ученого-этнографа. Ведь даже в 1786 году, когда Линденау было как минимум 80 лет, он завершил описание Амура-реки, которое и было получено Академией наук.

Некоторые исследователи склонны считать, что Яков Линденау в 30–40 гг. постиг тайны шаманизма и они увлекли его. Жена его была, по некоторым данным, тунгуска. Не была ли это, например, Нахнэ или ее родственница? Уже в возрасте более 50 лет у него появились дети. Об этом говорят записи в метрических книгах Никольской церкви с. Залари 1770–1790 гг.

В первой половине XIX века в этих

записях фигурируют уже фамилии Ленденевы, Линденевы. От Балаганского острога до тракта (будущего Московского) была одна дорога — на Залари. На карте 1905 года мы видим семь поселений и мельницу с названиями Линденево и Леденево. После революции часть Ленденевых — Линденевых, представители которых были людьми дела, покинули Россию. По разным сведениям некоторые уехали в Канаду, другие в Италию и в иные европейские страны.

Осталось Ленденевых в Заларях, Иркутске, Зиме, Кутулике, в других местах СССР — много. Сегодня мне известны: москвич Дмитрий Ленденев — писатель и журналист, омич Алексей Ленденев — крупный предприниматель, мой брат Владислав — кандидат наук, предприниматель, живет в Иркутске, и другие интересные люди. Некоторые были репрессированы, расстреляны в 1937–1938 годах.

Сегодня у нас нет сомнений, что Ленденевы — это потомки Якова Линденау. Этим замечательным фактом мы гордимся. Хочется верить, что якутская река Линде названа в честь Якова Линденау. Своими делами, всей своей неординарной жизнью он уже увековечил свое имя.

Немало информации о Линденау я нашел в книгах и в различных СМИ. Но нет у меня практически никаких его биографических данных за период со дня рождения (1700, 1697? или 1706 г.?) до 1730 года. Знаем из энциклопедии, что он швед, офицер.

Фамилия Линденау хорошо известна в Германии. Директор Зеебергской обсерватории, известный ученый-астроном Бернгард фон Линденау в 1840 году был избран почетным академиком Российской Академии наук.

Граф Карл фон Линденау был с 1786 года оберландшталмейстером Пруссии при короле Фридрихе Вильгельме II.

Около Лейпцига есть местечко Линденау. Оно фигурирует как одно из важнейших боевых позиций в знаменитой «битве народов» в 1813 году, в которой Наполеон потерпел тяжелое поражение от союзной армии русских, австрийцев, немцев и поляков.

В городе Клайпедэ сто лет функционируют верфи «инженера Линденау».

Клайпедэ, Выборг и другие при-

балтийские поселения многими столетиями были городами с самым что ни на есть интернациональным населением. Кто здесь только не покомандовал: Орден, Швеция, Пруссия, Дания, Германия, Франция, Россия.

В первые годы VIII века это была территория шведского королевства. Затем пришли русские и немцы. Эти факты наводят на мысль, что Яков Линденау мог быть и не шведом, а, допустим, немцем, выходцем из той же Клайпеды или, например, из Выборга. Родом из Выборга была жена датчанина Витуса Беринга — немка Анна Пюльзе.

Все они, или их семьи, могли быть как-то знакомы или даже состоять в родстве. Закономерно, что, собираясь в дальний трудный путь, люди всегда ищут себе надежных, сильных, грамотных попутчиков. И хорошо знакомые люди в таких случаях высоко ценятся.

Анна Кристина Беринг была участницей второй экспедиции Беринга (1733–1746 гг.). Она несколько лет вместе с двумя младшими детьми (а всего их было четверо) жила в Якутске. Вернулась в Санкт-Петербург в 1742 г. после гибели Витуса Беринга (в декабре 1741 г.). Яков Линденау, работая в команде Г. Миллера—И.Фишера, старался по возможности бывать рядом с семьей Беринга.

После смерти Беринга он продолжил свои походы и на Чукотке, и на Байкале, к тунгусам Уды и во многие-многие другие неизведанные места.

К сожалению, мы не имеем информации о первых 25–30 годах жизни Якова Линденау. Мы не знаем, когда он родился, где, в какой семье, где учился, на кого учился, почему он стал офицером шведской армии и т.д.

Линденау назвал себя «ветеринарным прапорщиком». Нет ли здесь связи с Карлом фон Линденау, в ведении которого находились королевские военные конно-племенные заводы Пруссии? Конечно, Карл фон Линденау был моложе Якова лет на 25–30, но знания по коневодству он унаследовал от своих родителей и дедов.

Мы продолжаем свои поиски.

Потомки Линденау намерены изготовить и установить памятник Якову Иоганну Линденау на Московском тракте у ст. Залари, то есть, рядом с местами работы, жительства и гибели замечательного ученого.

БОТКИНА Александра Павловна (1867–1959), авт. воспоминаний.

Искусствовед, член Совета Третьяковской галереи, дочь основателя Третьяковской галереи М.П.Третьякова. «Воспоминание о семействе Боткиных». — «Клиническая медицина», 1957. Т.35. № 8. С.131–132.; «Отрывки воспоминаний». — В кн. Репин, Т.2. М.-Л., 1949. С.107–113. Авт. кн. «Павел Михайлович Третьяков в жизни и искусстве» 2-е изд. М., 1960.; 5-е изд. 1995.

ИДРДВ. Т.3. Ч. 3. № 5204, 5971, 6186; РНБ.

БОТКИНА В.

Печаталась в сибирской газ. «Свободное слово» (1918).

Голдин.

БОТКИНА З., поэтесса.

Ее стихи печатались в «Маленьких альманахах» Кн. 3–5. СПб., 1911.

Голубева.

БОУШЕВА Елена Захаровна, издательница (?)

Ей посв. сб. «Весною: (Смоленские мотивы)». Смоленск, 1889.

Смирнов-Сокольский.

БОЦЯНОВСКАЯ Мария Семеновна, библиограф.

«Библиотека указателей». Вып. 1. Изд. Т-ва «Литература и наука» (1903?). Сост. «Указатель имен к «Дневнику» А.В. Никитенко. Т. 1–3 и «Воспоминаниям» И.И. панаева, СПб., 1903.

РНБ.

БОЧАГОВА Анна Ивановна (1880–?), авт. воспоминаний.

Работница, член РСДРП с 1905 г. «На конспиративных квартирах». — В кн. «Женщины в революции» А.В. Никитенко. Т. 1–3 и «Воспоминаниям» И.И. панаева, СПб., 1903.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 3873 а.

БОШ Евгения Богдановна (1879–1925), авт. воспоминаний.

Член РСДРП с 1901. Вела партийную работу в Киеве и за границей. Оставила воспоминания о Бернской конференции, напечатанные в подборке «Воспоминания участников Бернской конференции» \ \ Пролетарская революция. 1925. № 5. С. 179–193.

ИДРДВ. Т. 5. Ч. 2. № 833.

БОШНЯК Елена Илларионовна, переводчица.

Вдова полковника. Печатала переводы в изданиях 1890–1900-х гг. Пер. с англ. «Как написать повесть: Практическое руководство к иск-ву беллетристики» М., 1901.

Венгеров, Источ; РНБ.

БОЯРСКАЯ Евдокия Прокофьевна (псевд. Богемская), драматург.

Актриса. Член Московского общества драматич. писателей. В РНБ хранится адрес в стихах: «Талантливой артистке и автору Е.П.Боярской в день ее бенефиса 25 \ \ III 1892 г.» Вильна, 1892.

Масанов (Богемская); Венгеров. Источ.; РНБ.

(Продолжение на стр. 75)

Катя

Катя

1

Деревня, в которую забросила нас нелегкая, но довольно денежная судьба плотников-шабашников, находилась далеко от центральной усадьбы колхоза. С председателем условились о постройке двух конюшен и амбара.

Я, как малоквалифицированный семнадцатилетний работник, отвечал за ошкурку бревен. Но быстрее, чем кора с поваленных сосновых стволов, содралась «шкура» с моих юношеских мозолей. Пришлось остаться дома, кашеварить и залечивать ладони.

Проводив утром своих товарищей по шабашному ремеслу и кое-как начистив картошки для ужина, я вышел отдохнуть за ворота. Жилище, выделенное нам, смотрелось сильно запущенным, но имело крепкую крышу. Все остальное поддавалось ремонту: двери сколотили, печь подмазали, окна застеклили тем, что подвернулось под руки.

Глухой стеной дом соседствовал с речкой, узкой и темной, извищаясь между неровными песчаными берегами. За рекой в небольшой роще затаенно молчало деревенское кладбище, дальше — поля и перелески.

Воздух был еще по-утреннему легок и пуст, не замутнен знойной желтизной и горячей пылью. Ласточки раскраивали небо острыми серпиками крыльев на отрезы голубой мате-

рии, а хвостами-иголками сшивали эти лоскуты с облаками.

Нужно было сходить к фельдшеру перебинтовать ладони. Минувя дом, стоящий напротив нашего, я поздоровался с соседкой, бабушкой Валентиной. Она проводила корову в стадо, которая задумчиво копытила траву далеко за крайними избами, и сейчас сидела тихонько на лавочке возле нестройных ворот, по-девичьи поджав ноги. Быстро взглянув на мои не очень свежие бинты, она усмехнулась краешками высохших губ, но молча. И за это спасибо.

Размеренно жила деревня, без городского утреннего звона и грома. На фасаде кирпичного, дореволюционной постройки, дома тяжело провис распятый транспарант: «Ударно проведем посевную юбилейного 1977 года!» Дом делили между собой библиотека и фельдшерский пункт. Фельдшера не было. Дверь закрывал навесной замок, цепкий и блестящий, похожий на медицинский зажим. «Зайду позже», — подумал я и, немного пройдя по берегу, криво съехал на скрипящих по росе кедах к воде. Рядом со мной глядели в речку береза и рябина. Береза была приземиста, толста и напоминала грузную пожилую женщину в свадебном платье. Рябина же молодо и чутко отзывалась на каждое прикосновение ветра и солнца и уже мечтала о красивом осеннем мани-

кюре для своих нежных узких листьев.

Что-то моющая в воде старушка на мой вопрос о фельдшере проворчала в сильно прореженные временем зубы: «Вечно нету его с утра... К обеду лови, коли тебе больше делать нечего. Совести нету у молодых, шляются целыми днями, неработи». Ловить мне никого не хотелось, а вот поспать бы можно...

Попросив у бабы Валентины молока, жирно плескавшегося в кружке, я поздно отзавтракал и, поскрипев старой раскладушкой, уснул. Крепко. Потому что когда сквозь заспанную узкую туманность взглянул на часы, стрелки сжимали пространство между цифрами четыре и пять. Пора варить картошку для голодных работников, и я вышел во двор за дровами.

С тяжелой грацией беременной женщины по небу плыла черно-синяя туча с отвисшим до макушек деревьев животом. Первые капли дождя по-кошачьи мягко и крадучись пробежались по траве и крыше, затем настойчивее толкнулись в стекла. Гром падал с самого седьмого неба и гулко раскалывался о землю. Меркнувшие лучи солнца сплетались с молниями. Ветер рвал дождевые нити в клочья; они летели, кувыркаясь, словно мертвая осенняя паутина, опутывая лицо и руки. Деревья колотило крупной дрожью, и брызги с них сыпались во все стороны, как с мокрой собаки.

Алексей Николаевич Zubov живет в Екатеринбурге. Ему 45 лет, менеджер. Увлечения — книги, спорт, литературное творчество. Первый рассказ опубликован в «Уральском следопыте» в 2006-м.

В комнате было сумрачно. Дрова не разгорались, едкий дым тянул из печи прямо в глаза. У соседки без перерыва лаяла обычно молчаливая собака. Постепенно лай перешел в вой. Взбесилась? Трудно было представить спокойную рыжую морду Динки с парой остекленевших безумных глаз и комком желтой пены в оскаленной пасти.

2

Жесткий напор дождя ослабел, и теперь он с тихим хрустом перекатывался по крыше. Огонь в печи преодолел, наконец, деревянное упорство поленьев, и ужин вскоре

сварился. Опять взвыла Динка. Я подумал было отнести ей остатки тушенки, но лень, да и дождь помешали. В открытую наполовину дверь текла ночная тишина с запахом посвежевшей травы и густой земляной сырости.

От калитки кто-то легко и неравномерно шел к крыльцу, перешагивая дворовые лужицы. В сенях стукнули несколько раз каблучки, и в комнате появилась девушка в красном брючном костюме. Темные волосы плотно и влажно облепили щеки и шею. Я включил шахтерскую аккумуляторную лампу и стал смотреть. На ногах девушки белели туфли на толстой подошве, и возле них тотчас же стали расплзаться кляксы

воды, вбирая в себя мелкий мусор старых половиц.

— Можно? — негромко и отчетливо спросила она, кивнув на печь.

Я поставил стул поближе к дверце печи.

— Как тебя зовут? А я Катя. Пришла к бабушке, она напротив вас живет, но ее дома нет. Два часа прождала у ворот под навесом, а он, к примеру, протекает, — приглушенно звенел голос гостьи. Я в ответ коротко пояснил, что товарищи мои на работе, приехать не смогли, может, с трактором неполадки, и что зовут меня Андреем.

— Хочешь чаю, Катя? — спросил я, подходя к плите.

Она пила чай, и серый алюминиевый ободок кружки возле ее

губ казался солдатским ремнем на бальном платье. Своим изяществом Катя походила на огонь свечи, неподвижный и замкнутый снаружи, но трепетный внутри. Ее кареглазая доверчивость вызывала такую же доверчивость во мне. Паузы в разговоре, столь понятные при первом знакомстве, не тяготили, а просто заменяли лишние слова, которые не обязательно хорошо знаящим друг друга людям.

— Знаешь, я, бывает, долго смотрю на ночное небо, по несколько часов, — говорила Катя, — вся, наверное, пропиталась этими ночами. И вижу, как луна начинает испаряться, становится все меньше и меньше, пока не превратится в тоненькую скорлупку. А потом этот пар сгущается в капельки звезд. Когда их собирается очень много, идет лунный дождь. Лунный запах этого дождя можно уловить на рассвете, если поднести веточку дерева или цветок близко к лицу.

«Вот тебе и деревенская девушка!» — подумалось мне.

— И какой он, этот запах?

— Словами не объяснишь. Когда-нибудь зимой найди под старыми досками, заваленными снегом, травинку, просушенную и запыленную умчавшимся летом, и разотри ее в ладонях. Эта пыльца будет немного отдавать запахом лунного дождя.

Мы помолчали. Дождь совсем затих.

В то же время Катины волосы высохли и как-то в глубине своей переливались темно-коричневым цветом, точно к антикварному благородному дереву близко поднесли источник огня.

— Пора мне, Андрей, скоро рассвет, петухи уже глаза протирают, — сказала она и засобиралась.

Я видел, что ей не по себе. Стебельки ресниц потеряли упругость и смялись, между губами пролегла темной бархатной полоской утомленность.

Ночь заметно поветшала: сквозь ее черную редующую ткань пробивался свет молодой зари.

— Если хочешь, приду снова, только через три дня, раньше не смогу. Встретимся в полночь на мостике за вашим домом, — голос Кати стал опять приглушенно звенеть, словно колокольчик в вате.

Я держал ее ладони в руках. В тонких, почти не осязаемых подушечках пальцев едва ощущалось тихое толкование крови. Очень хотелось поцеловать нежные морщинки на губах, но почему-то не мог, хотя был не робок.

Долго еще я смотрел, как в предутреннем тумане алел огонек ее фигурки и вскоре погас.

Когда выглянувшие из-за леса солнце начало осторожно, по-тараканьи, поводить лучами, приехал на мотоцикле наш бригадир. Перекатывая во рту кусок хлеба, глухо проговорил, что к вечеру они вернутся, и осторожно похлопал меня по плечу. Затем перевалил вчерашний ужин в большой бидон и двинул обратно, объезжая дорожные лужи с их еще неисследованными наукой коварными глубинами.

А мне тоска мяла душу. Три дня до встречи с Катей казались тремя неделями, а ночи вообще могли превратиться в полярные. Сильно жгло содранные мозоли. Плохо, одним словом.

Решил идти к бабушке Валентине, узнать, отчего выла Динка, показать ладони и, конечно, постараться попасть в дом, где бывает Катя.

Подойдя к соседскому палисаднику, остановился. Волны крови бушевали, качая меня в стороны, накрывали сердце, и оно, захлебываясь, на мгновение умирало.

Толкнув щелястый прямоугольник ворот, вошел. Динка забилась в угол с дровами, постанывая и слабо двигая сухим носом.

В сенях вразнобой проскрипели ступени, и на крыльцо вышла баба Валентина. На мой вежливый вопрос, не взбесилась ли собака, если так страшно выла ночью, Валентина Алексеевна не менее вежливо предложила мне самому обследоваться на предмет этой малосимпатичной болезни и пригласила в дом.

В горнице пахло опрятным старушечьим одиночеством и сухим солнечным теплом.

Катю я увидел сразу. Ее фотопортрет стоял на комод, прислоненный к старому зеркалу, и лицо казалось вмерзшим в зеленоватый кусок льда. Пока баба Валя раздвигала окаменевшие от грязи бинты, я молчал. Наконец, стараясь урівнять голос, спросил:

— Кем приходится вам эта красавица, Валентина Алексеевна? Вот бы познакомиться — не подскажите, где живет?

Старушка медленно осмотрела мои ладони, потом, как всегда, усмехнулась кончиками губ:

— Где живет-то? А вон, за речкой, в роще.

— Так ведь там только кладбище, домов нет никаких?

— Довел ты, парень, рученьки свои, гноиться начали... Это Катюша, внучка моя. Погибла, пять лет вот в июне справили. Приехала отдохнуть, в городе на библиотечаршу училась, девятнадцать лет всего и было-то... Шли с подружкой от меня, мужик пьяный машиной сбил. Катеньку сразу насмерть, подругу, Ольгу-то, в больнице выходили, хромой осталась, зато живая.

Горло сдавило так, что я никак не мог выдохнуть, воздух рвал грудь. Хотел что-то спросить, но язык прижало судорожно сведенными челюстями.

— Ты чего глаза-то закатил? Больно? Это чистотел на спирту, он весь гной вымоет. Езжал бы ты, милый, домой, все равно сейчас не работник.

За воротами полдневная жара облепила голову; я встряхивал волосами, и точно горячая патока вязко ползла по плечам, спине, приклеивая ноги к земле. С утра крепкие и белобокие, облака уже темнели проталинами, оседали и становились прозрачными, словно последний апрельский снег.

На следующий день я уехал. Осенью бригадир привез наручные часы, забытые мной в горестной рассеянности. Рассказал, что соседскую собаку ему пришлось повесить, потому что Динка целый месяц выла и рвалась с цепи каждый третий день и совсем измучила старуху.

Сейчас, по прошествии многих лет, вспоминаю, что страха я не испытывал, а было почему-то обидно, до слез. Как если бы села на плечо удивительно прекрасная птица, поглядела все понимающими золотистыми глазами, пропела тихонько и невесомо вспорхнула в небо, задев теплыми перьями шею...

Леонид БУКРИН,
фото автора

Полярный Урал

Команда «Север» прошла на север через горы Полярного Урала от станции Полярный Урал до пролива Карские ворота. Этот зимний маршрут Дмитрий Тиунов откладывал до лучших времен, «настала оттепель», и военные в тот год все-таки пустили нас на остров Вайгач.

сейчас мосты уже сгнили, дамба осыпалась, доступные рельсы сдали в металлолом, но осталась память о 300 тысячах заключенных, которые погибли при строительстве железной дороги в никуда. Все это скрыли, и о ней мало кто знает, дорога утонула в болотах Тюменской области.

Но кое-что от дороги осталось — это Сейда—Лабытнанги, так как этот участок железной дороги пересекает Уральские горы, а не болота Тюменской области.

Наша нитка маршрута тянулась на север через горные снежные перевалы и вершины, мы созерцали небольшие уральские ледники, зажатые в скалы на северных склонах гор. Альпийский рельеф Полярного и Приполярного Урала ярко выражен острыми пиками гор, по сравнению с Южным, Северным и Средним Уралом.

На пятый день похода мы катились по склону с перевала на лыжах по снежным застругам. Спуск был, как по стиральной доске. На застругах лыжи хлопали, как на небольших трамплинах, скорость была приличная. Вдруг слышу, левая

Станция Полярный Урал находится южнее Воркуты, на развилке от воркутинской ж/д. ветки Сейда—Лабытнанги.

Воркутинская ветка строилась и достроилась заключенными в 1942 году, по ней в войну, после войны и сейчас возят уголь от реки Воркуты.

Железная дорога от станции Сейды до Игарки, которая стоит на Енисее, строилась тоже заключенными, но уже после войны, до 1953 года, до смерти Сталина,

и называлась Сталинская № 501 стройка. От Лабытнанг через реку Обь к Салехарду зимой вмораживали шпалы с рельсами, в летнее время поезда переправлялись на пароме.

Обдорск — Салехард единственный город в мире, который стоит на полярном круге. От Салехарда к Енисею через Надым была проложена железная дорога с деревянными мостами и дамбой. Дорогу строили и бросили вместе с техникой, рельсами и паровозами,

лыжа хрустнула по грузовой площадке. До озера Очеты, где должна быть стоянка на обед, идти было еще целый километр. Не напрягая левую лыжу, на правой, я дотянул до обеда. Снял лыжи, их проверил и убедился, что левую лыжу нужно ремонтировать, переставлять крепление вперед и идти на половине лыжи или ставить шину на грузовую площадку из толстой фанеры. Как всегда, в стране советов много советчиков, и меня убедили, что надо ставить платформу, а на платформу лыжное крепление. За время обеда я отремонтировал лыжу и стал дальше продолжать лыжный марафон. Но через 70 км, на третий день, у меня эта же лыжа сломалась, на этот раз ближе к носку, и от лыжи осталось 50 см, сломалась потому, что с шиной она не гнется, и только тогда я переставил крепление на носок.

На прощание с Уралом мы поднялись без лыж на вершину Оченырды.

Закончился Полярный Урал, дальше шли через реку Кару по тундре Югорского полуострова к проливу Югорский Шар. Тундра была черная, снегу мало, иногда приходилось идти на лыжах по ягелю и карликовой березке.

На метеостанции Белый Нос с нами должны были встретиться Евгений Сорокин и Слава Морозов, по своим причинам они не могли выехать вместе с нами.

Встреча состоялась лучше, чем мы представляли, наши друзья и мы прибыли на метеостанцию Белый Нос с разницей в 1 час.

Першли через пролив Югорский Шар на остров Вайгач, там живут ненцы-оленоводы.

Кстати, в 1893 г. на берегу Югорского Шара Эдуард Толль встретил Нансена и передал ему 27 ездовых собак. Именно с ними Нансен и Иогансен совершили свой легендарный автономный поход

через льды Центральной Арктики. 459 дней длился их поход к полюсу от судна «Фрам». На островах Франца Иосифа они зимовали 9 месяцев, случайно встретили английское судно и вернулись с англичанами домой в Норвегию.

В войну 1941–1945 гг. на Уральском меридиане шла настоящая война, немецкие подводные лодки минировали пролив и топили наши суда.

На Вайгаче с Балванского носа за проливом Карские ворота ощущается близость Новой Земли. Там в Баренцевом море у берегов Новой Земли погиб караван PQ-17 с 6 по 13 июля 1942 г. Немцы потопили 24 американских судна с грузом, шедших к нам в Мурманск и Архангельск. На Уральском меридиане потоплено у наших союзников и у нас 127 судов с грузом и 36 боевых кораблей, у немцев 42 боевых корабля.

Остров Вайгач мы обошли по льдам по периметру со стороны Баренцева и Карского морей, видели много нерп, в другом месте, ближе к Амдерме, перешли еще раз Югорский Шар и снова ступили на материк. Встретили белого мед-

ведя, он катался с крутого берега и ушел в ледяные торосы. Его след не закрывают две моих ладони, острие лыжной палки уходит до кольца, когда в снег втыкается его коготь. По рассказам, белый медведь играл с крышкой от трактора «Беларусь», лапой нажимает и отпускает, крышка подпрыгивает, и так много раз. Однажды белый медведь пришел на помойку, но военные его решили погубить. Подтолкнули его своей гусеничной машиной, медведь подпрыгнул и ударил лапой по одной гусенице так, что она расцепилась у «БМП» и та стала кружиться на одной гусенице. Медведь когтем разорвал у машины брезент и лапой стал шарить, что там под брезентом? Когда солдаты закричали, кто-то случайно вышел с заставы, и только выстрелами вверх прогнали медведя.

Медведь часами ждет на льду у продуха нерпу, а когда нерпа вставляет в продух свой нос, медведь втыкает ей в глаз коготь и вытаскивает через маленькое отверстие на лед.

Перед Амдермой на берегу Карского моря стоит первый или

последний столб Европа–Азия с оригинальным глобусом, к которому мы пришли и выстрелили сигнальной ракетой. Ракетница служила нам для отпугивания медведей.

В Амдерму мы пришли и через 10 минут улетели в Воркуту. Далее на поезде через Котлас, Киров. Ко дню Победы мы приехали в Свердловск.

За тот зимний поход по Полярному Уралу, Югорскому полуострову и острову Вайгачу команда «Север» за 24 ходовых дня прошла на лыжах 870 километров.

Более шестисот километров мне пришлось идти, прихрамывая на одной целой лыже и на обломанном носке от второй. К концу похода правая толчковая нога на целой лыже после обеда начинала болеть, приходилось преодолевать боль в ноге. Несмотря на трудности, морозы, оттепели, заструги, метели, горные перевалы и вершины, торосы и другие естественные препятствия, поход был завершен вовремя.

В 2007–2008 гг. команда «Север» готовится идти по Антарктиде и достичь Южного полюса Земли.

Рождество

Мне казалось, что он не мог умереть до конца, что стоит приложить какое-то настоящее усилие, — и я его найду.

Между тем, прошел срок от полной луны до новолуния, и еще три дня, и сорок дней, а потом — сорок дней и еще шесть.

Я искала его везде, и нигде его не было. Ни дома, откуда его унесли, где осталась мама. Ни во всех других местах, где он ходил, сидел, разговаривал и смеялся, бывая часто или редко. Он ушел сразу и отовсюду. Его бумаги и вещи еще сохраняли его запах, но энергия, легкая, живая, еще поднимавшаяся с листов, написанных его рукой, — непоправимо затухала с каждой новой неделей.

Только один раз, мимолетно, я почувствовала его бесснежной де-

кабрьской ночью, очень холодной, черной и звездной, в древнем, четырехвековом селе с древнемордовским названием, которое переводится на русский язык словом «Сквозняк».

Лежало село на горе, между других гор, и жила там папина, младшая, сестра. Ей тогда было восемьдесят пять. А мне — тридцать четыре.

Когда хоронили моего отца, стоял ненормально теплый ноябрь, с огромной луной. Луна всегда его томила, и умер он — в полнолуние, в час, когда она достигла своего пика. Меня не было с ним, но я вышла на улицу и увидела эту громадную и большую, оранжево-красную луну. А в это время в пустом доме, где он жил, остановились — на времени, когда его не

стало — его большие старые часы, которыми он очень дорожил.

Земля, которую мы бросали на могилу, была теплой, хотя ноябрь уже кончался. Но уже ночью ударили морозы. Потом наступил декабрь. И вот почти три недели держалось минус пятнадцать — двадцать, а снег все не падал. Когда мы приехали к моей тете, ни снежинки не лежало на окаменевшей, остывшей земле.

Я давно не была у тети и, пока мы поднимались в гору, поразилась и тому, что знакомые мне дома стали такими старыми, и тому, что могу это чувствовать.

Я ведь все там помнила, каждое дерево. Только теперь склоненные, трясущиеся деревья, знакомые с детства, напоминали очень старых людей: недоумева-

ющий добрый взгляд, коричневые глубокие морщины. Седые нечесанные ветви-волосы, падающие на лицо.

Развалившиеся старые деревья походили на совсем старых стариков, — тех, которые трясущимися руками подносят ложку ко рту, а еда выливается обратно.

Безжалостная, ветхая старость окружала и тетин дом. Тетя начала дряхлеть за год до того, а папина смерть и вовсе чуть не убила ее. Она жила одна, но уже не могла сама убрать, затопить печь, приготовить поесть.

Когда мы зашли в калитку, из-под крыльца вылезла седая, тоже старая, незнакомая собака. Она открыла пасть, чтобы гавкнуть, но раздумала и зевнула, — да и зевок толком не получился. Не зная нас, она смотрела нам прямо в глаза с надеждой, что мы не окажемся плохими людьми и ей не придется делать того, для чего ее держали.

Мы столкнулись с тетей на крыльце. Она вышла, неся в иссохших, тоненьких руках какую-то мисочку. Не сразу разглядев нас через толстые стекла очков, надежных, на резинке, поверх платка, она всплеснула руками. Мисочка выпала из ее рук, а она прижала нас — по очереди — к сердцу. Тетя едва держалась на ногах. Она вся была высохшая, легонькая, хрупкая.

Ночью, в саду, где неподвижно стоял мороз — беспощадный, как сама смерть, под черным небом, обсыпанным ледяными жесткими звездами, — я вдруг вспомнила, как любила когда-то просыпаться здесь, в Морквашах. Я просыпалась не рано, когда все уже расходилось по своим делам, и мне нравилось какое-то время лежать и чувствовать изнутри тетин дом. Его наполняли запахи и звуки, говорившие о временах года, о ветре и солнце или о том, что на улице снегопад, что на кухне еще топится печь, а корова уже подоена. В холодные дни по дому, потрескивая половицами, мягкими волнами ходило тепло от круглой печи, расположенной в комнатах, а в теплые — вливался в открытые окна сад.

Я вспомнила, что в летнее утро, когда по всему саду колыхались стрекозы с длинными крыльями и прозрачные, плавающие по краям разноцветные теплые тени, этот сад был особенно хорош. Дядя Гриша умел в нашем жестком климате выращивать южный виноград, который рос у него на Дону. Дядя Гриша не вернулся на родину после 10-летнего заключения, но создал кусок своей родины в Поволжье. Я не знала, в чем была дяди Гришина вина. Мне хватало того, что мой отец любил его, как брата.

Виноград рос в самой верхней части сада, образовывая большой тоннель. Огромные виноградные деревья. Высокие узловатые стволы укладывались на зиму в глубокие канавы, прорытые по краям тоннеля.

Сердце мое сжалось. А сад был черен. Зимой сад обильно покрывался инеем и пушистым снегом. И то, и другое подолгу держалось на деревьях. Но теперь не было ни снега, ни винограда, ни моего отца, ни дяди Гриши, и тетин дом за шестнадцать лет без хозяина состарился, покрылся морщинами, хотя и был еще крепок — крепче ее самой.

Звездное небо было таким черным, что казалось обугленным. Я стояла, запрокинув голову вверх, чувствуя, что душа моя суха, как эта бесснежная, жестокая ночь. Я не знала раньше, что горе может быть таким — бесслезным и оцепенелым. Я смотрела в небо и понимала ноющим сердцем, как оно может разорваться пополам.

Мне тогда хотелось умереть. Я еще не знала, что способна пережить не только это. Я была бы тогда рада собственной смерти и, вместе с тем, чувствовала, что во мне слишком много жизни. Избыток жизни усиливал боль, делая ее непереносимой.

Я смотрела в небо, чувствуя, как оно с каждой минутой становится еще чернее и выше. В какой-то момент я ощутила его бездонность — не просто высоту, но непостижимую рассудком бесконечность над неудобным, голым,

застывшим маленьким садом на склоне, над пустыми сарайчиками, где когда-то было множество животных, над темно-синим домом, где жила моя тетя — маленькая и легкая, как птица. Надо мной, стоявшей в растерянности на дорожке между черных яблонь с не снятыми, замерзшими бурыми яблоками и не опавшими равными листками. Морозные звезды что-то мне напоминали, но я не могла сосредоточиться для того, чтобы понять, что. Было так темно и звездно, что свет от окон, жиденький и робкий, терялся и таял. То ли тьма поглощала его, то ли звезды перебивали.

И вот тут я почувствовала папу — слабо и смутно. Он тогда мне еще не снился, не подавал никаких знаков. Но я почувствовала, что это — именно он. Он стоял в саду с той стороны, где тень была сильнее всего. Нет, я не увидела его и не услышала, просто — почувствовала, определенно, хотя и слабо. Так же слабо я ощутила, как папа протянул руку по направлению ко мне — вернее, слегка, не до конца, приподнял ее. Это было похоже и на произнесенную мольбу, и на предостережение. Но более всего это походило на легкое движение осеннего листа в безветрии.

Я вдруг вспомнила, как папа, в свой светлый последний день, когда я вернулась к нему из Москвы, почти не отвечая на мои расспросы о его болезни, с сосредоточенной настойчивостью расспрашивал меня о моих планах на декабрь. В декабре я должна была быть на конференции в Москве. Тогда это само собой разумелось, но папа, вдруг, взял с меня слово, что я обязательно буду на этой конференции.

Теперь же было странно думать о московской конференции в немом, безжизненном саду, под безответным небом, обжигающим зловеще-торжественными звездами. Я внимательно посмотрела туда, где только что легко стоял мой отец, и — уже ничего не почувствовала, кроме холода.

Уже не чувствуя отца, я увидела слабое мерцание между деревь-

ев, такое же слабое, как чувство, которым до того ощутила папу. Я подумала, что, должно быть, схожу с ума, но не ушла из сада. Между тем мерцание усилилось. Оно заполонило бедный, озябший сад, заслонило собой звезды, осторожно зашуршало тоненькой папиросной оберткой вокруг раскидистых ветвей — и вдруг до меня дошло, что пошел снег.

Потом были и московская конференция, и сорок дней, и первый Новый год без него, и боли было много. Но я теперь не помню подробностей той реальности, как не помнят сны. Со мною не случилось депрессии в обычном смысле этого слова. Я не просто могла работать: мне нужно было работать, все время, постоянно. Мне только трудно было раздеться на ночь, разобрать постель, принять душ. Я забывала это делать. Еще я все время думала о том холоде, который стоял на кладбище, и, когда мне самой было холодно, ощущала, как холодно там ему.

Прошло сорок дней, и еще шесть. И наступил Рождественский Сочельник.

Мы тогда опять приехали к тете Нине, и снова было очень холодно: настоящий рождественский мороз. Когда мы заходили в калитку, в синем небе над тетиним домом загорелась первая, белая звезда.

Топилась банька, а тетя, к большому нашему удивлению, готовила ужин и накрывала на стол, — на большой стол в зале, как когда-то, когда в этом доме принимали желанных гостей. И стол, как прежде, ломился от припасов, горячей еды и домашнего ягодного вина. Увидев наши изумленные лица, тетя засмеялась, как смеялась раньше, очень давно.

Перед банькой я вышла на крыльцо. С него открывались противоположные горы.

То, что в иных местах обозначают словом «ущелье», в наших горах называется оврагом. Овраги наши широки. Между домом и противоположной горой было, наверное, больше двух километров.

Не разумом, но памятью тела я вдруг вспомнила, что северный ветер приносил с Волги, из дока, запах воды, сосновых бревен и песка — смешанного со стружкой. Так пахло начало зимы. Восточный и западный ветры пахли горами.

Восточный — всегда был самым сильным, он стряхивал плоды с деревьев, ломал ветви и разметывал сено с крыши сарая. Как никакому другому из ветров, ему было где разгуляться: он летел через широкий овраг, от горы к горе. Он нес запахи выветренного известняка и дальних лесов. Он запомнился больше других ветров, осенним, когда леса с противоположных гор пахли крепче всего.

От западного ветра защищала Могутовая гора, на которой лежало село, и, собственно, он не дул, а мягко спускался с горы, в туманном золотистом ореоле распустившегося горицвета, он веял маленькими желтыми тюльпанами и первыми грибами: сморчками и строчками. Он был весенним.

В южном ветре сложно слышались тепловозное депо, цветущие летние луга и мелкие, горячие илистые озера с камышом. И всегда, при любом ветре или безветрии, стояли в тети Нинином доме запахи молока, сена, хлеба и дыма.

...Из бани несло седым дымом. Сквозь синий, густой вечер белели верхушки гор и известковые склоны. В древности горы назывались Белыми. В скупом освещении изломы белых граней можно было, издали, спутать со снегом.

В моем детстве, ночами, горы гудели: тихий, но внятный и даже несколько грозный гул. Гул подходил на ворчание или, может быть, на отдаленный раскат грома. Я смотрела в детстве с темного крыльца на звезды, очертания деревьев в садах, горы — и пыталась понять, что это гудит. Ни леса, ни село, ни что-либо другое не способны были на такое. Должно быть, гудели сами горы, древние утесы, обрывистые обветренные скалы, хрупкие и полные глубинной, вековой силы.

Папа выходил на звездное крыльцо, ерошил мне волосы.

— Что, горы гудят? — спрашивал он меня.

— Отчего они гудят, папа?

— А ты спроси у них, — смеялся он.

Горный гул начинался к полночи и стихал к рассвету.

Как и в декабре, наш приезд пришлось на третий день новолуния, и звезд было много. Они вырастали на глазах и все так же, как и в прошлый раз, что-то напоминали. Я сошла в сад, чтобы поглядеть на эти звезды.

Голый декабрь сменился снежным январем. Снегу напало — почти по пояс, но я помнила дорожки, по которым можно было пройти по снегу, не зачерпнув его валенками, которые мне попались в сених.

Мы с тетей, обе, походили на моего отца. Мне нужно было видеть ее и слышать, но не хотелось ни о чем говорить самой. Первая острота горя унялась, уступив оценению. Становилось тяжело, когда кто-то его пытался пробить. Я чувствовала, что тетя, любившая меня, ждет разговоров, и не находила в себе душевного отклика. Но сад — другое дело. Стоя на крыльце, выйти в синий снег, вспоминать отца и ни о чем не думать. Ведь вспоминать и думать — это разное.

Синий холод, синеватая сталь ветвей. Сад молчал, едва вздрагивал, качая заледенелые жестяные листья. Снег светился в сумерках. Я пыталась почувствовать сад, не прошлый, живший внутри меня, а настоящий: его покой, его распластанные над склоном тяжелые яблони, но ощущала, в основном, холод. Как если бы я находилась в холодильнике, а сад — в другом, более теплом, пространстве, и я смотрела на него через стекло. Но месяц назад все было хуже, все было одинаково мерзлым и горьким.

Яблоки, не собранные и не опавшие, висели на коричневых раскидистых деревьях, как елочные игрушки. Они были не бурые, как мне показалось в декабре, а разные: и просто сморщенные зимние яблоки, и будто бы распи-

санные по фарфору, румяные, розовые даже в сумерках, в россыпи маленьких родинок, и застывшие во льду стеклянные шарики. Звездчатый снег, хрустальные огоньки на тоненьких витых сосульках. Блестящие ледяные капельки на яблоневых ветвях. Все говорило о недавней оттепели, но я не смогла вспомнить, когда она была.

Зато я почему-то вспомнила, как тетя мочила антоновку в медовой воде, и как она варила, совсем без воды, медовое варенье, и какими яркими в нем были яблоки. А потом — как в моем раннем детстве у кого-то здесь, на горе, среди яблонь и груш, стояли ульи, и почувствовала вкус того, бледно-желтого, яблочного меда: тонкий аромат белых цветов.

Я закрыла глаза, прислонилась к стволу. Когда я их открыла, исчезли и яблоки, и сосульки, а через широкую, сквозную крону светили большие прозрачные звезды. Я вдруг поймала ту мысль, которую они во мне будили. Часть этих звезд погасла несколько миллионов лет назад, а свет все идет на землю.

Легкий шепот прошел по саду, слабое эхо. Невесть откуда взявшаяся — при ярких высоких звездах — метель пришла в сад и робким зверьком, белым столбиком замерла у калитки, прежде чем подойти ко мне, посыпая белой крупой мои следы. И вдруг, вначале неожиданно и смутно, как тогда, в декабре, я почувствовала папу. Я почувствовала его, как чувствуют улыбку. Блуждающей улыбкой, бесприютной, беззащитной, но без тени горечи, — словно он еще не знал о своей смерти. А может быть, это я не знала что-то такое,

что уже знал он. Он прошелся по саду вместе с метелью, коснулся моих волос, выбившихся из-под шапки. Когда я уходила в дом, он уже был везде.

И потом, в тетинном доме, я продолжала ощущать его: вот здесь он сейчас, а отсюда только что вышел, а сюда вообще не заходил. Я ходила по комнатам и слышала, как тетя говорит моему мужу:

— Она думает, что ее папа был святой.

Я знала, что она имела в виду. Я подошла к ней и спросила, имея в виду то же, что и она:

— А разве вам — не все равно?

— Мне-то все равно, — сказала тетя. Она говорила правду. Она очень его любила.

— Мне тоже, — сказала я.

Снег шел всю ночь. Нам постелили в пустующей комнате моих двоюродных братьев. Мне — на прежнем моем месте, у теплой стены, за которой была печь и тетина маленькая комната. Мужу — на кровати у окна, где стелили папе, пока я еще не полюбила спать одна. Я понимала, что значило для моей слабенькой тети заправить обе постели чистым бельем (кроватьи были широки, хватило бы и одной), и понимала, что она хотела этим сказать.

Ночью я опять вышла на крыльцо. Небо белело, как открытое окно, и белым паром, снежным туманом катило по саду. Заснеженные яблони качались, махали ветвями, как крыльями — взлетающие птицы, и казалось, что если бы не крепкие корни — они бы улетели совсем. И гул стоял в высоком небе.

Я вернулась в дом, в комнату, где мягкие слезы текли по вспотев-

шим окнам. И везде был мой отец, в белом небе, в снежном цветении яблонь, в прозрачной росе на окнах. Его было очень много, и он не исчез наутро, когда солнце пробилось сквозь белые ветви деревьев, и облака походили на отраженные в небе горы, а потом снова пошел снег.

Днем я растянулась у окна на кровати, где, случалось, спал мой отец, смотрела в окно, за которым падали с отяжелевших ветвей пушистые комки, рассыпаясь в воздухе белой блестящей пылью. Я могла бы весь день так лежать. Я думала: то, что происходит теперь — наркоз, анестезия, чудо, которое пройдет, когда я отсюда уеду. Я не понимала, почему нашла своего отца именно здесь и теперь, и почему этого не случилось раньше, на Новый год, у мамы, которую он любил большой и нежной любовью. Но некому было задать этот вопрос.

Потом, действительно, анестезия кончилась.

Мы ездили к моей тете почти год — столько, сколько она еще прожила на свете.

С того Рождества прошло восемь лет. Многих за эти годы не стало: двух моих братьев, сестры, мамы, любимого моего дяди.

И продан дом, где восемь лет назад бродила задумчивая метель, оседая на замерзших яблонях густым белым месивом.

Но вот в чем дело: все умерли, а мой отец — остался. Вернувшись в том саду со снежными лепестками январских яблонь, он уже никуда не исчез.

Я чувствую, что он жив, как чувствуют на своем лице ветер.

АВТОР

Татьяна Евгеньевна Гоголевич — врач-психиатр, кандидат медицинских наук. Живет в Тольятти. Имеет несколько десятков публикаций стихов и прозы в периодике и литературных сборниках Тольятти, Самары, Москвы. В 2004 году выпустила книгу стихов «Алые яблони». В «Уральском следопыте» печаталась неоднократно с 2006-го.

Контакты третьего рода на Урале

В течение долгих лет Екатеринбургская группа по изучению НЛО «Поиск» совместно с ведущими психотерапевтами города проводила исследования т.н. «контактных ситуаций третьего рода». Анализируя результаты многолетних психотерапевтических наблюдений, мы пришли к выводу о том, что говорить о контактах с пришельцами и так называемым «космическим разумом» как объективных сегодня нельзя. Ведь наиболее распространенным источником рассказов людей о таких контактах являются их добросовестные заблуждения. Наряду с психологическими случаями бреда, галлюцинаций, болезненное происхождение которых не всегда распознается окружающими, известно, что люди зачастую являются

жертвами собственных иллюзий и обмана, порожденных своеобразным протеканием психических процессов.

— Меня спрашивают, — говорит С.А. Гребнев, врач-психотерапевт, председатель Екатеринбургской ассоциации психиатров и психологов-практиков, — как бы я объяснил эти контакты, как оценил бы состояние людей, по их словам, участвующих в них? В течение каждого года я разговариваю примерно с десятком людей, уверяющих меня в своих «контактных» способностях. Всех своих пациентов, рассказывающих мне об этих контактах, я подразделил на три группы. Большинство из них с ме-

дицинской точки зрения — страдающие различного рода психическими заболеваниями. Но для них реально то, что они общаются с различными «существами», с только им известными «космическими разумными силами». Тем не менее это люди с расстройствами психики. Вторые — это люди с богатым воображением, мечтающие о таких встречах и как бы «видящие» их. И

третья группа — это два человека, которые, возможно, действительно имели этот контакт...

Почему эти двое заинтересовали нас в большей степени, чем привлекли наше внимание?

Все мы воспринимаем мир через пять органов чувств: зрительный, обонятельный, вкусовой, тактильно-сенсорный, аудиальный. Но у каждого человека — свой диапазон восприятия чувств и ощущений. Среди пациентов наших коллег-психотерапевтов есть, например, такие, которые спокойно могут построить визуальные образы, т.е. рождают «галлюцинации»; это для них очень легко. Но есть и такие пациенты, которым

приходится помогать, т.к. они не могут это делать. Для всех них эти образы — реальность. Но для других людей, например нас, это не является реальностью. Любую реальность нужно провести через несколько своих ощущений, чтобы убедиться, что она объективна. Но та «галлюцинация», тот образ, что строит человек, — это его индивидуальная реальность. Поэтому,

когда он заявляет о контакте с «внеземным существом», мы понимаем, что это — его реальность, а не реальность других людей. Когда он говорит о своих ощущениях, психотерапевты с уважением относятся к ним, т.к. это — его ощущения. Даже когда два человека по-разному смотрят на вещи, то это также их реальности, но это не является реальностью других людей.

— Возвращаясь к моим пациентам, — продолжает С.А. Гребнев, — хотелось бы подчеркнуть, что это — люди с измененной психикой, выходящей за рамки определенных психических норм. Параметров их выделения из общества существует много. Например, это разорванное, нелогическое мышление, перескакивания в речи, неологизмы. У таких людей часто переплетается реальность с их фантазиями. Говоря о том, что «контактируют» с «инопланетянами», ожидая звездолет с другой планеты, они в то же время могут рассказывать о корове, которую перегоняют из города в город. Такие люди-«контактеры» живут в этих фантазиях, это их мир, их ре-

альность, и разрушать его нельзя. Таких людей, к сожалению, большинство...

При обследовании и дальнейшей работе с пациентами нами были задействованы различные тесты, с помощью которых можно выявить явные психические расстройства. Это, к примеру, такие тесты, как стандартизированный многофакторный метод исследования личности (адаптированный и ревалидизированный вариант американского MMPI), цветовой тест Люшера, проективный тест Сонди и клиническое наблюдение. Интеллектуальный индекс мы не делали. В результате этой работы лишь у двоих пациентов, упомянутых выше, не было замечено отклонений. Среди остальных же «контактантов» присутствовали люди с неконкретным мышлением, непрерывной разговорчивостью, излишней настойчивостью в своих умозаключениях. У них часто наблюдались перескакивания с одной темы на другую. В некоторых случаях можно засвидетельствовать общение «контактантов» с самими собой, уход их в собственные мысли, отчужденность от мира сего. Этим людям легко было ввести в заблуждение.

Упомянутые два случая не относятся ни к первой, ни ко второй группе. По всем описаниям, у этих, с практически здоровой психикой, людей действительно были контакты с некими «внеземными цивилизациями». На это указывает и работа в состоянии гипноза с этими людьми. К сожалению, документально подтвержденных данных не существует, поэтому говорить о каких-либо предположениях преждевременно. Однако по результатам этих наблюдений были сделаны некоторые выводы.

1. Информация, получаемая от «контактеров», зачастую является просто абстрактной, и попытки произвести уточнение информации в состоянии бодрствования или гипноза рожают очередную абстрактную информацию.

2. Детализовать, уточнить информацию удается в крайне редких случаях. Лишь только, тогда

можно предполагать об истинном контакте.

3. В любом случае поступающая в результате такого «контакта» информация не является значимой: как показывает анализ, она не выходит за рамки известных знаний и исследованных потенциальных возможностей человека. Уровень откровений «космического источника» адекватен уровню умственного развития самих «контактеров».

4. Нет никаких объективных доказательств таких «контактов», кроме сомнительных показаний «контактеров», представляющих собой либо рассказы об удивительных «путешествиях на другие планеты», либо религиозно-мистические нравоучения. Достоверность получаемой информации будет гораздо выше, если в контакте участвуют разные лица и их независимые друг от друга показания во многом совпадают.

В любом случае, знакомясь с подобными историями, мы должны, прежде всего, спросить себя: а было ли в действительности то, что описывается в них, или это суеверный вымысел, подстегнутый самовнушением или большим воображением человека?

В качестве иллюстрации этой темы хотелось бы рассказать об упомянутых здесь случаях. С первой удивительной историей мы столкнулись в 1990 году. Действие этой истории, повествующей о сексуальных контактах девушки по имени Наташа с пришельцем, происходило в течение шести лет (см. «УС» № 1 за 1995 г.). Вкратце напомним эту историю, чтобы не пересказывать ее заново.

Первое время они наблюдали друг за другом. Пришелец являлся ночью, был красив, мужественен, одевался всегда в облегающий серебристый костюм, имел давящий взгляд и упругое тело. Потом началось общение, которое происходило «телепатически» — т.е. «в голове» Наташи. Следующий этап общения — сексуальные контакты, оканчивающиеся необычным удивлением и мгновенным сном. Примечательно, что муж Наташи,

спавший рядом, ничего не подозревал об этих ночных визитах.

Еще одна примечательная деталь, которую вспомнила Наташа под гипнозом, — откуда явился таинственный пришелец: с планеты Толя созвездия Ориона.

Второй случай, упоминавшийся нами выше, относится к области так называемого спонтанного автоматического письма. Это письмо впервые появилось у свердловчанки Надежды в 1989 году и происходило независимо от ее сознания. Вначале по «неизвестной воле» она спокойно совершала физические упражнения, напоминающие гимнастику йогов, с которой не была знакома. Через 1–2 месяца появилась способность к автоматическому рисованию. Рисунки были из области фантазии и ни на что виденное Надеждой ранее не походило. В течение полугода ею было сделано около 50 рисунков разного содержания. Затем пошло автоматическое письмо, с помощью которого Надежда якобы получала информацию от внеземного существа.

Наше знакомство с Надеждой состоялось в июле 1991 года. Целью этого знакомства стало исследование состояния здоровья пациентки, определение ее психического статуса, а также исследование «измененного состояния сознания», в котором идет автоматическое письмо, и определение достоверности полученной таким образом информации. Первые встречи носили характер ознакомления с проблемой и психическим состоянием пациентки. В процессе исследования, проведенного по методикам MMPI, Люшера и клинического наблюдения, выявить какие-либо отклонения в состоянии здоровья не удалось. Мышление Надежды оказалось логически завершенным, конкретизированным, неологизмов, «перескакиваний» в речи не наблюдалось; пациентка была эмоционально уравновешена.

Задачей следующих встреч стало исследование личности Надежды в состоянии транса (гипноза). В это состояние пациентку удалось

вести после второго сеанса. Вначале ее переживания носили личный характер, а затем исследуемая согласилась на «встречу» с «внеземным существом» по имени Модоз, который был родом с планеты Тоя, созвездия Ориона, — именно с ним Надежда была знакома по автоматическому письму. «Встреча» состоялась. Путем поэтапного введения в состояние транса пациентка создала иллюзорный образ «инопланетянина» и почувствовала тепло его руки. Логической информации не последовало. На последующих сеансах пациентка «побывала» на неизвестной планете, при этом ее рассказ в процессе нахождения в трансе был записан. Так, стало известно о существовании других цивилизаций в созвездии Ориона. Если полученная от существа по имени Модоз информация совпадает с уже известной, это может служить достаточно высокой степенью доказательства реальности описываемых событий. Тем не менее, хотелось бы отметить огромное число неопределенностей при описании «пребывания» на неизвестной планете, что указывает, на наш взгляд, на нереальность описываемых событий. То же самое характерно и для сеанса «контакта» с Модозом, где он «посылает информацию».

Анализируя состояние Надежды во время сеансов гипно- и психотерапии, мы отметили зависимость «увиденного» пациенткой от внушения врача. При неопределенных, расплывчатых внушениях «увиденное» и «услышанное» также оказывалось неопределенно и расплывчато. При конкретизации чего-либо обратная информация также конкретизировалась. Однако если верить пациентке (а не верить нет оснований), полученная ранее информация в виде автоматического рисования и письма отличается от внушенной большей своей реальностью и конкретизацией.

На основании полученных данных мы сделали предположение о реальности самопроизвольного контакта с Модозом и нереальности информации, полученной в состоянии внушения (транса).

А теперь давайте вспомним, откуда родом был «упругий пришелец» из спальни Наташи? С планеты Тоя! И это название — единственное, что объединяет наши два случая, за исключением их достоверности. А в последней можно не сомневаться.

БОЯРСКАЯ Елена Федоровна (1888—?)

Авт. брош. «Засоренность зерна Северного Кавказа» Р.-на-Дону, 1925.

РНБ.

БОЯРСКАЯ Зинаида Сауловна, авт. популярных книжек.

В 20 — 30 гг. в Москве было издано несколько ее книжек, рассказывающих о жизни женщин-работниц на Западе: «Международное женское движение» (1926), «Письма работниц Запада» (1926), «Жизнь под гнетом капитала» (1927), «Работницы Германии» (1931), «Рабыни капитализма» (1931), «Растет активность зарубежных работниц» (1932) и др. Написала биографию Клары Цеткин (1926).

РНБ.

БРАВИНА Екатерина И., переводчица.

Действит. стат. советница. Пер. с нем. «Вседневное беседование с богом в утренние часы» Х.Х. Штурма. Т. 1—3. Спб., 1820 — рец. «Сын Отечества» 1820. Ч. 66. С. 23.

Слов. рус. писательниц. Венгеров. Источ. (Бравина К.И.); РНБ.

БРАВИНА М.В.

«Опыт статистического исследования сельца Банникова» — «Нижегородский сборник». 1877. Т. 6.

Слов. рус. писательниц.

БРАГИНСКАЯ Розалия Абрамовна (1862—?), переводчица.

Врач. Сotr. во «Всемирной Панораме» (1911-15), «Пг. Курьере» (1914) — Р.Б.; участв. в Большой Энциклопедии) С.Н.Южакова.

Масанов; Венгеров, Источ.

БРАГИНСКАЯ Софья Абрамовна (в замуж. Иванчина-Писарева), переводчица.

Зубной врач. Жена журналиста и мемуариста А.И. Иванчина-Писарева. Была издателем журн. «Заветы» и печат. в нем (1913) — Ив.-П. С. Немало поработала в литературе, делая сокращенные переводы, переработки, пересказы известных произведений зарубежных авторов: Бульвера-Иттона Э. Д., Герштекера Ф., Вальтера Скотта, Марка Твена, Мопассана, Масальского, Мало Г. и др. Ф. Павленков издал в ее сокр. пер. соч. В. Гюго (в 2-х тт. СПб., 1895). Из оригинальных произведений Б. — «Братья» — рассказ для детей ст. возраста) М.-Л., 1921.

Масанов; Венгеров. Источ., Сл.; Смирнов-Сокольский; РНБ.

БРАЙЛКО Анна Адриановна, издательница.

Вместе с А.П.Мейбаум (см) издавала и редактировала журнал «Женский вестник» (1890-е гг.).

БРАЙЛОВСКАЯ Ольга Петровна.

(См. Жданова, О.П.).

БРАМИНА Екатерина И., переводчица.

Пер. с англ. и переделала соч. г-жи Барбольд «Уроки для детей». СПб., 1843 — рец.: «Отч. зап.». 1843. Ч. 36. Отд. 6. С. 32.

Слов. рус. писательниц; Венгеров, Источ.

БРАНДТ Екатерина Павловна.

Авт. «Естественной истории для детей» (СПб., 1877). «Письмо по поводу дела г. Юркевича-Литвинова (издателя газеты «Народный голос») — «СПб. вед.». 1867. № 196.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

БРАНДТ Ольга.

Сotr. в журн. «Красный Перец» (1924) — О.Б. Масанов.

БРАНДУКОВА А. (урожд. Скворцова), авт. воспоминаний.

«Подпольная Уфа: Из воспоминаний о рев. прошлом». — Лит. Башкирия, 1950. Вып. 2. С. 297-315.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 3677.

БРАУН Евгения Михайловна.

(См. Шершевская Е.М.).

(Продолжение в следующем номере.)

Кылусовы на Черемшанке

В 1654 г. приказчиком в слободу Утку, что строилась на реке Чусовой, был прислан из Верхотурья Томилко Нефедьев. Этот боярский сын не проявил усердия в устройстве слободы, но злоупотреблял своим служебным положением в целях личного обогащения. Он притеснял первопоселенцев, вызывая их возмущение. Несколько семей государственных крестьян, не выдержав самодурства приказчика и пользуясь разрешением царского указа осваивать «свободные земли» в Новоуткинской волости, в 1655 г. решили основать новую слободу в 10 верстах от Утки, выше по реке Чусовой, на устье левого ее притока — речке Черемшанке. Однако Нефедьев согнал крестьян с занятой ими земли и продал ее знакомому татарину.

В январе 1656 г. пришел ответ из Москвы на челобитную от садчиков Гилева и Арапова. Москва требовала земли крестьянам вернуть, а Томилко Нефедьева от должности приказчика отстранить и отправить в Верхотурье для «ответу».

В числе переселенцев на речке Черемшанке были крестьяне Утки-слободы (Чусовой слободы): Офонка Онтонов сын Кылусова, Микифорка Фомин сын Кылусова, Устинка Нестеров сын Кылусова, Мишка Тимофеев сын Кылусова и Сидорка Леонтьев сын Кылусова, а также оброчные крестьяне слободы Ивашка Пиминов сын Коурова и Ярофейко Пиминов сын Коурова. Всего здесь поселилось около десятка семейств. Так возникла

Русские крестьяне. С гравюры XVII в.

Крестьяне. Миниатюра из рукописи XVIII в.

деревня из 8 дворов в устье речки Черемшанки. Она называлась Кылусова. Но уже в документах 1659 г. ее называют Крылосова. По описи этого года в деревне было 8 дворов оброчных крестьян.

В 1662 г. деревня была разорена и частично сожжена башкирами, много жителей было убито, а те, кто успел спрятаться или убежать, больше на эти земли не вернулись.

Некоторое время место пустовало, но потом пришли новые поселенцы, и деревня на том же месте и с тем же названием возобновилась. К 1680 г. в деревне было 23 двора.

Память о первопоселенцах и основателях Утки-слободы и деревни Крылосовой — крестьянском роде Кылусовых — сохранилась в их измененной фамилии — Крылосовы. 350-летняя деревня Крылосова существует до настоящего времени. Около нее — известковый завод и железнодорожная станция Бойцы.

Информация основана на документах Московского архива древних актов и Государственного архива Свердловской области, любезно предоставленных краеведами Ю.В. Коноваловым (г. Екатеринбург), и В.А. Трусовым (г. Первоуральск).

Швартовка

Штормило. Из низких клочковатых облаков плотной завесой сыпалась водяная пыль. Ритмично постукивали дизеля, подрагивал от напряжения корпус судна, идущего с поставленным тралом; натянутые в струны, вибрировали ваера¹, со стекающими по ним каплями влаги. Море, небо, траулер, дым из труб и даже ветер — все казалось хмурым, серым, унылым. За последние четыре часа это была уже третья постанковка трала и, похоже, тоже ничего не сулящая. Впрочем, фортуна отвернулась от рыбаков еще две недели назад, хотя до этого ловили неплохо. Потом началась полоса неудач: то трал в клочья, то обрываются траловые доски и остаются на дне, то поломка в машине. А затем и рыба пропала. Капитан, меняя одну банку² за другой, стал метаться по району лова, продвигаясь все дальше на север. Но уловов по-прежнему не было. Между тем, другие суда экспедиции, судя по переговорам в эфире, ловили вполне сносно.

Смена матросов обработки сидела в конце коридора возле носового тамбура: травили анекдоты, резались в карты и ждали подъема трала. На рыбфабрике все работы были уже давно переделаны, и потому если не появлялись непредвиденные или авральные ситуации, людям давали отдохнуть.

Матросы добычи занимались своим делом: оснасткой, починкой, постановкой и выборкой тралов. Все шло своим чередом. Недавняя трагедия, когда волной смыло за борт одного из добытчиков, уже отдалась. Да и кто будет вечно

скорбеть? Увы, но почти ни одна путина не обходится без подобных ЧП. Это всегда печально и действует на моряков удручающе. И в то же время вроде бы проходит стороной: гибнут чужие, незнакомые люди на других судах. Но в этот раз пропал один из тех, кто был среди них — рядом. Однако жизнь продолжалась, а океан не позволял расслабляться, и восемь десятков человек должны были выполнять свои обязанности.

Старший смены — матрос Коцюба, чувствующий себя неважно, сидел в своей каюте и остановившимся взглядом смотрел в иллюминатор. На душе тоска. В океанской пучине сгинул его земляк и друг детства. «Гриши больше нет... Что я скажу его родителям, когда вернулись в село? Что траулер изрядно болтала килевая качка и он то зарывался носом в волны, то задирает его кверху. Что на корме под ногами ходуном ходила палуба, а по слипу, будто по коридору, врывается бурлящий поток воды. Что была ночь. Что добытчики делали обычную работу. Что сам Коцюба обработчик и находился в это время в трюме. Что выбежал на корму, когда все было кончено. Что траулер застопорил ход и прожектора шарили по черной воде, высвечивая лишь пенящиеся гребни угрюмых волн. Что вода ледяная

и человек способен продержаться в ней не больше пяти-семи минут, а намоченные ватники, сапоги и рыбацкую робу сбросить в воде почти невозможно... Что потом ему рассказывали, как та волна сбила с ног трех добытчиков, что двое успели ухватиться за ваера, а Гришу унесло потоком по слипу через сорванную створку ограждения...». Да что говорить, и виноватых нет, и спросить не с кого.

Помнится, им тогда было лет по четырнадцать, когда Гришка подбил Коцюбу на авантюрное предприятие: они, сняв шапки, пошли по домам сельчан, прося жертвовать (кто сколько может) на кругосветное путешествие. «...Из Португалии плавал Магеллан, из Испании Колумб, а из нашего села в кругосветке никто не бывал...» — на полном серьезе говорили они людям. Конечно, это была хохма. Кто же поверит? Какое кругосветное путешествие? Но Гришка был настырным. Над ними смеялись, но как ни странно деньги давали, кто двадцать копеек, кто пятак, а кто и рубль. Самые въедливые с ехидцей спрашивали: «А мы по Ирклию до Днепра, по Днепру до Черного моря...». Гришка не терялся.

К середине лета собрали рублей 90. «Назвался груздем — полезай в кузов». На селе все на виду. Делать нечего, объявили дату отплытия. И

¹ Тросы, тянущие трал.

² Подводная отмель — место скопления рыбы.

вот в знойный полдень на берегу совсем обмелевшего Ирклия собралась большая толпа — всем хотелось посмотреть, как два «мореплывателя» отправятся в путешествие. В лодке уже лежало все необходимое для трех-четырехдневного похода. На большее, понятно, друзья и не рассчитывали. Тогда, на виду у людей, они и сами прониклись значимостью события, несмотря на всю театральность действия. Гришка, невзирая на жару, в тулупе сидел на веслах, а Коцюба, закатав штаны, отталкивал лодку от берега. Среди зрителей царило оживление: люди посмеивались, давали напутствия, махали им руками.

Уже Коцюба разместился на корме и лодку подхватило течение, когда Гришка вдруг вскочил на ноги и в приливе чувств, прощаясь, стал размахивать руками. Лучше бы он этого не делал. Вертячая посудина была слишком чувствительна к подобным толчкам и тут же опасно накренилась. Коцюба вцепился в борта, пытаясь выправить крен, но Гришка, теряя равновесие, дернулся назад, затем вперед, лодка зачерпнула бортом и перевернулась.

Толпа на берегу хохотала. Воды в реке по колена, один из приятелей в тулупе, с которого ручьями вода, удерживает лодку, а второй ловит весла и пытается остановить хоть что-то из уплывающих вещей...

Повзрослев и отслужив в армии, они подались на Дальний Восток. Если уж идти в море, то сразу там, где самый большой океан. Молодые, сильные — энергия была ключом. Сходили в рейс, потом во второй, третий... Затянуло: романтика, дальние страны, ширь океана, да и деньжата не на последнем месте... И вот Гриши нет...

В каюту заглянул сменный мастер.

— Игорь, пять человек на швартовку. Идем за тарой и почтой.

— Что, трал уже подняли? — поинтересовался Коцюба, стряхивая с себя груз воспоминаний. Спросил так, для проформы, потому что по работе машины и сам определил, что трал на борту.

— Подняли... Сполтонны грязи, — ответил мастер, закрывая дверь.

Выйдя в коридор, Коцюба некоторое время наблюдал за игрой.

Судно увеличило ход, качать стало плавно и длинно. Матросы переглянулись.

— Ну что, Игорь, в трале пусто? — спросил один из них.

— Да, — Коцюба кивнул головой и добавил: — Идем за почтой. Пять человек на швартовку. Кто пойдет? — он обвел взглядом товарищей. В ответ молчание. — Понятно. Значит, кинем жребий, — взял колоду, отобрал четырнадцать карт, перетасовал, веером раскинул на коробе. — Идут короли, — усмехнулся, — и пиковый туз.

Тринадцать рук потянулись к коробу. Последнюю карту перевернул сам: пиковый туз.

Не вытянувшие жребий, расходясь по каютам, подтрунивали над остающимися:

— Ну, элита будет швартоваться — одни короли и туз во главе.

Вытянувшие не расстраивались: погода мерзкая, но что, в первый раз, что ли. К тому же шли за почтой, да и фильмы наверняка поменяют.

К сияющей огнями плавбазе траулер подошел, когда уже совсем стемнело. Швартовные команды — добытчики на юте, обработчики на баке — стояли по местам.

Волнение усиливалось. Повалил вязкий мокрый снег. Сырой порывистый ветер, казалось, пронизывал до костей.

Швартовка в море как экзамен: тут все зависит от того, кто стоит на мостике, от его умения, интуиции.

Первый заход был неудачен: траулер прошел слишком далеко от базы. Делать нечего — сделав круг и развернувшись, пошли повторно. Но снова безрезультатно. Продрогшие матросы, облепленные мокрым снегом, хмуро наблюдали, как удаляются огни плавбазы. Прошло уже два часа. И когда траулер промахнулся в третий раз, один из матросов базы (а они тоже намерзлись) откуда-то с высоты гигантского борта разразился монологом отборной брани, костеря капитана, подводящего судно. Тот не остался в долгу, ответив такой же ненормативной лексикой, прибавив к тому же еще и угрозу:

— Я тебе, морда, потом покажу...

Коцюба с товарищами, слушая эту перебранку, чувствовали себя неловко, словно бы и они несли ответственность за нерешительность своего капитана, за никак не кончавшуюся швартовку. Они тоже чертыхались про себя, и, наверное, кое-кто из них даже покраснел, будто эти упреки были брошены ему в лицо, но благо темнота скрывала чувства. Что делать, их кэп оказался не на высоте. Впрочем, многие из них были бывальыми моряками и повидали всякое. Они знали и то, что среди судоводителей встречаются и такие, которых вообще ничем не заманишь идти ночью на швартовку — те предпочитают ждать рассвета.

И только при четвертом заходе расстояние между бортами показалось оптимальным. Коцюба, размахнувшись что есть силы, метнул выброску. Недолетев, она упала в волны. Негнущимися, закованными пальцами, быстро, но без суеты, он выбирал ледяной лить, складывая его в бухту. Теперь все зависело от него, а шанс минимальный. «Неужели пятый заход придется делать?..» Десятки пар глаз со всех сторон. Мрак ночи. Громада борта базы. Уходящая из-под ног палуба. Хлопья снега, летящие косо, стремительно, застилают глаза. Медлить нельзя, но Коцюба замирает, выбирая момент. Вот траулер, качнувшись, поднялся на волне. Бросок, и (помог порыв ветра, изменившего направление) разматывающийся лить, описав темноте дугу, зацепился легостью¹ за фальшборт базы. Матрос, который ругался, сноровисто закрепил его на швартове² и сбросил огонь³ за борт.

Пять облепленных снегом фигур, десять рук, в ладони которых врезался натянущийся струной лить, чуть не рвавший кожу, подтягивали намокший, чудовищно тяжелый швар-

¹ Груз, привязанный к линю.

² Канат.

³ Петля на конце каната.

тов к клюзу¹. В последний момент огонь упирается в край клюза. Кто-то из матросов перевешивается через фальшборт и вырывает его сверху. Теперь руки хватаются за швартов, выволакивают и набрасывают огонь на кнехт². Пять человек распрямляют спины и на мгновение замирают, глядя друг на друга. Только что их объединяла тяжелая общая работа, а сейчас почти наверняка каждый думает о чем-то своем. Ночь, бушующее море, впереди еще половина рейса, шторма и несчетное количество швартовок.

Коцюба отгибает рукав куртки и смотрит на часы. «Вот так швартовка!» Прошло без малого четыре часа.

На бак гуськом выходили матросы отдохнувшей смены.

В столовой команды он поковырял вилкой жареного палтуса, на картошку в мундире и хлеб даже не взглянул, выпил кружку чая, погладил здорового рыжего кота, сидящего возле ног, и, не оставшись смотреть кино, ушел в каюту.

Работа закончилась, и он снова наедине со своими мыслями. Чтобы хоть как-то отвлечься, попытался читать книгу. Увы, рассказы Бунина, проникнутые тоской и безысходностью, только усиливали хандру, заставляя вновь возвращаться к своим думам. Все еще покалывало кончики пальцев на руках: намерзся. «Надо бы сходить, посмотреть почту. Ладно, утром схожу. Пока разберут...»

Похоже, надвигался шторм: загудел за иллюминатором ветер, забесновались волны, в каюте все запоскрипывало, задрезбужало. Время от времени мощная волна откуда-то снизу била в самое днище судна, и тогда оно конвульсивно содрогалось.

Коцюба нахлобучил шапку, надел телогрейку и вышел на бак. Тару, по-видимому, уже приняли. Стрелы лебедек убраны. Штормтрап поднят. Готовились отдавать концы.

Большой морозильный траулер, рядом с гигантской, сверкающей огнями плавбазой, выглядел невзрачным малышом. Какой контраст. Здесь — хмурая, сумрачная, почти безлюдная, таинственная тишина; мелькнет чья-то тень, послышится приглушенный голос, и снова никого, будто команда вдруг куда-то исчезла. Там — бурлящая жизнь. Пятьсот человек экипажа, рыбоконсервный завод, почта, магазин, спортзал, танцплощадка; ярко освещенные иллюминаторы, музыка, всюду люди. Кому какое дело, что где-то смыло за борт человека. Их это не коснулось, и что им до чужого горя.

В то же время и там, пусть и в более комфортных условиях, работают — будь здоров! А все эти огни, музыка — чисто внешнее впечатление. Просто кто-то в отдыхающей смене, а кто-то выкладывается у транспортера по двенадцати часов кряду, чтобы потом в свою очередь уйти на двенадцатичасовой отдых. Вот так и пашут по полсутки, ночь ли, день ли. Да и в рейсе база от девяти месяцев до года...

Конечно, Коцюба все это знал и, занятый своими мыслями, равнодушным взглядом скользил по борту плавбазы. На одном иллюминаторе он задержался. Ослепительная картинка в ночи — яркая и немая, почти как в кино: другой мир, другая жизнь. Там светло и тепло, а тут темень и ревушие волны. И что? А рыба? А качка? А вода вокруг?.. Два парня и две девушки: первые что-то рассказывают, вторые заразительно смеются. Одно лицо показалось ему знакомым. «Тома? Подружка Гриши. Наверно, еще ничего не знает...».

Снег перестал. В небе появились звезды. Леденел ветер. Потянуло морозом.

Заработала машина. Отдали швартовы. Траулер медленно отвалил от базы. За кормой забурлил пенный след. Удаляясь, заплывав, уплывали в темноту огни. Вот они

пропали совсем. Траулер остается в ночи один. На борту тишина, бодрствует только вахта на мостике да в машине. Из каюты выходит последнее тепло. Коцюба надевает свитер, укрывается одеялом и как проваливается в сон. И снятся ему курганы, жаркое солнце, Ирклий, необъятная желто-зеленая степь, друг Гришка, родная хата... А потом вдруг видит он, как по степи катятся огромные волны с пенящимися гребнями, как ураганный ветер срывает с них и несет водяную пыль, как эти волны уже подкатывают к его хате, но вдруг останавливаются и пропадают. И не может понять он: ни ветра, ни волн, а его качает и качает. Ослепительно жаркое солнце. Но отчего так холодно? Да ведь это же швартовка. Проклятье! Сколько можно швартоваться! Уже шестой час...

Наваливается траулер носом на волны, режет их форштевнем. Раскачивается над ним звездное небо. Вздывается и опускается океан. Спит Коцюба и не знает, что утром получит письмо, прочтет его и станет ему грустно и неудобно. В письме нет упреков, мать не ругает непутевого сына, «уехавшего в такую даль» (лучше бы поругала), она просто немного жалуется и ждет его в отпуск, он так редко пишет и бывает дома. Еще будет он находиться под впечатлением письма, а уже по эфиру полетят радиосигналы на его имя. И днем получит он радиogramму, пробежит ее глазами (а там всего несколько строчек), написано ясно, но не поверит своим глазам. Перечитает снова, потом еще; дрогнут руки, заколотится сердце, и в растерянности оглянется он по сторонам. «Умерла мама...» А вокруг будет только раскачивающийся океан: не вырваться, не проводить мать в последний путь. Почернеет лицом Коцюба, замкнется в себе и будет работать как вол, чтобы тяжким трудом заглушить тоску, боль утраты и ждать конца рейса.

¹ Отверстие в фальшборту.

² Тумба.

Первый русский марганец

В Горном журнале (1907 г., № 1, стр. 152) была найдена статья инженера Wilhelm Venator «Потребление и добыча марганцевой руды». В ней он сообщает: «Хотя русские марганцевые месторождения были открыты уже в 1850 г., однако, более или менее значительные разработки были начаты только в 1880 г.».

Как известно, марганец был открыт в 1774 г. шведским химиком Карлом Вильгельмом Шееле. Но он не смог получить металлического марганца в чистом виде, а только предсказал его нахождение в руде. Металлический же марганец получил его друг Юган Готтлиб Ган, которому тот направил образцы руд. Вначале марганец называли «магнезией», но окись магния тоже называлась «белой магнезией», поэтому ученые переименовали новый элемент в «манганум». В России, по предложению А.И. Шерера, его стали называть марганцем.

Марганцевая руда была известна и использовалась давно. Ее добавляли при варке стекла. При этом стекло получалось совершенно прозрачным и приобретало красивый темный оттенок. Позднее марганец стал употребляться для раскисления

железа при его плавке и вывода из сплава серы, которая пагубно влияет на качество металла.

В действительности открытие марганца в России произошло не в 1850 г., а значительно раньше — в 1807 г. Об этом свидетельствуют архивные документы (ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7527. Л. 3.) В отчетах по Турьинским рудникам (сейчас г. Красноуральск) за период с 1 мая 1807 по 1 мая 1808 г. записано: «Сдешнему мастеровому Ивану Шелепову (выдать) за найденный им марганцевый прииск в награждение — 10 руб.».

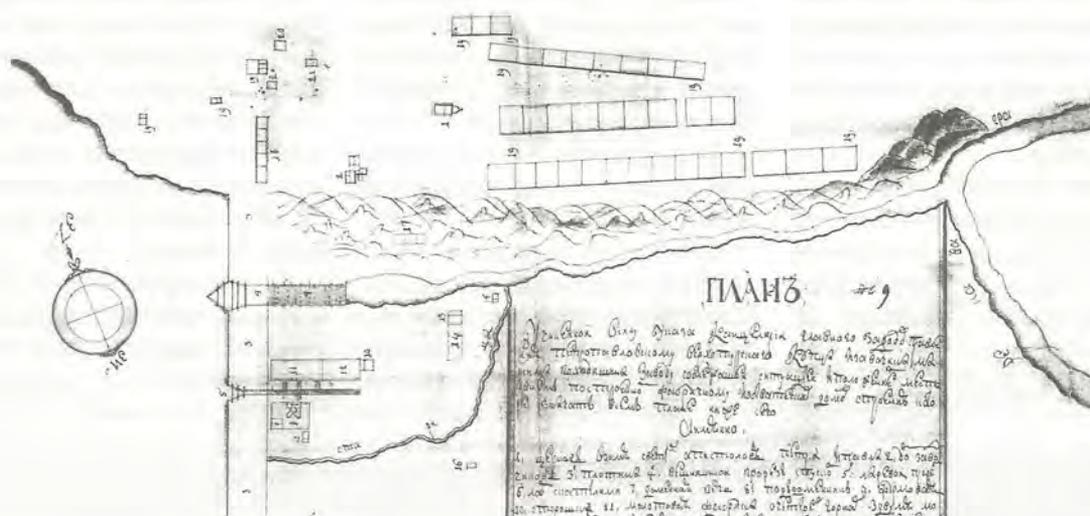
На карте того времени (ГАСО. Ф. 59. Оп. 4. Д. 3485.) можно увидеть и место этого прииска. Оно находится в 1,8 версты от Петропавловского завода и в 1,7 версты от реки Сарайной. Сейчас трудно отыскать следы марганцевого прииска, но удостовериться в наличии там марганцевых руд можно. Мне самому посчастливилось убедиться в этом еще в школьные годы. В 1953 г., проживая в г. Североуральске, я часто бродил по лесу. В один из лесных походов заметил обнажение необычного черно-серого камня. Только сейчас, встретив в архивных документах сообщение о находке марганцевого

прииска, я понял, что это была марганцевая руда — пиролюзит.

Все это невольно наводит на мысль, что открытие марганца могло произойти даже не в 1807 г., а значительно раньше — во время строительства Петропавловского завода, так как прииск располагался рядом с ним и не заметить марганцевую руду было невозможно.

Не исключено, что марганцевую руду одновременно с бокситовой нашел известный рудознатец Северного Урала Григорий Посников (Постников) еще в 1762 г., но принял марганец за бедную железную руду.

Невольно возникает вопрос: почему марганцевый прииск не был объявлен в начальный период работы завода? При дальнейшем исследовании архивных материалов ответ был найден. Оказалось, что первый марганцевый прииск Григорий Посников нашел не у завода, а на реке Сосьве. И располагался он на том месте, где в 1896 г. было обнаружено Марсятское марганцевое месторождение. Естественно, железные руды испытали и признали непригодными из-за малого содержания в них железа. По этой причине такие же руды, обнаруженные

Петропавловский завод Походяшиных. Приблизительно 1762 г. ГАСО Ф. 59. Оп. 7. Д. 1380.

рядом с Петропавловским заводом, могли оставить без внимания.

Лишь после открытия металлического марганца, когда начались целенаправленные поиски марганцевых руд, обратили внимание на руды у Петропавловского завода. Найденный же Посниковым марганцевый прииск оставался забытым и был объявлен только в 1896 г. Забыли даже об открытии марганцевого прииска Шелеповым в 1807 г., хотя прииск сразу же стал разрабатываться, и добыча марганца на нем производилась до 1825 г.

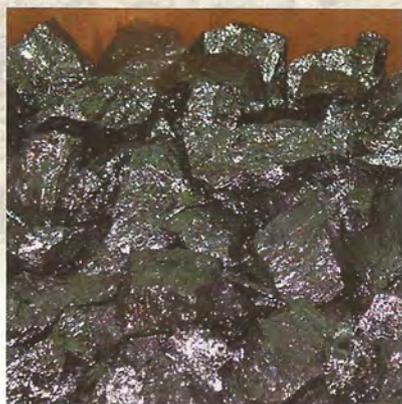
Основной причиной неизвестности явились малые объемы добычи марганца. В то время в металлургии его не применяли, а для стекольной промышленности требовалось незначительное количество. В отчетных документах по

Богословским заводам за период с 1 мая 1811 г. по 1 мая 1812 г. указано: «Поставщику караванов (выплачено) за доставку отпущенного со сдешних заводов в Санкт-Петербургский стекольный завод марганца — 293руб. 75 коп.». С 1 мая 1813 г. по май 1814 г. добыто марганца 648 пудов, на сумму 1649 руб. 25 коп. Его также отправили на стекольный завод. Есть сообщение о добыче марганца в 1825 г., где сказано: «Остатки к маю 1825

г. марганца — 609 пудов» (ГАСО. Ф. 24. Оп. 25. Д. 35. Л. 35).

Без сомнения, находка первого марганцевого прииска послужила поводом для дальнейшего поиска: вначале было вновь обнаружено Марсятское месторождение, ранее открытое Посниковым, а затем и Полуночное.

Таким образом, мы можем гордиться тем, что первая официальная находка марганца в России произошла именно на Северном Урале.

IX специализированная выставка

Образование от А до Я

27-30 марта 2007

При поддержке:

Аппарат полномочного представителя Президента РФ
в Уральском федеральном округе
Правительство Свердловской области
Администрация г. Екатеринбурга
Уральское отделение Российской академии образования

Организаторы:

Министерство общего и профессионального образования
Свердловской области
Управление образования Администрации г. Екатеринбурга
Выставочный центр КОСКА «Россия»

Разделы выставки:

ВУЗы, колледжи, техникумы, училища, лицеи, гимназии, школы
Дополнительное и бизнес-образование
Международные образовательные центры, туристические фирмы
Информационные технологии в образовании
Оргтехника, канцтовары
Учебная, методическая, деловая литература, пособия
Мебель, оборудование для образовательных учреждений

Ярмарка вакансий:

В программе: конференции, консультации,
презентации, семинары, «круглые столы»

Место проведения:

КОСК «РОССИЯ»
Екатеринбург, ул. Высоцкого, 14
Тел./факс: (343) 347-45-05,
347-18-32, 348-25-55
socium@kosk.ru; www.kosk.ru

Екатеринбург